

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

№ 3 (23) 2009
ISSN 1996-0522

Учредители

ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель

Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

Редакционный совет

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
Р.А. Сабитов – д.ю.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Главный редактор

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

С.Г. Зырянов – зам. главного редактора,
зав. отделом политологии
Е.В. Грунт – зав. отделом социологии
С.С. Загребин – зав. отделом культуры
В.Н. Новоселов – зав. отделом истории
А.В. Павлов – ответственный за
международные контакты
Т.Ю. Савченко – зав. отделом
экономики и менеджмента
А.Л. Фартыгин – зав. отделом
государства и права

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
А.А. Сафиуллина

В соответствии с решением президиума
Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки РФ (ВАК)
журнал «Социум и власть» включен
в перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук
по политологии

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 11.09.2009 г.

Формат 70×108^{1/16}.

Усл. п. л. 10,85. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3591.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Цена свободная

СОЦИУМ

Е.Г. Дьякова Публикация отозвана 25.05.2023
«Электронное правительство» как
идеологический конструкт..... 4

С.Г. Зырянов, В.И. Лесняк, Д.В. Богданова
Молодежная политика и значение
образования в профессиональной судьбе
работающей молодежи..... 10

О.С. Пустошинская

Интернет-репрезентация молодежных
организаций и движений Уральского
федерального округа: виртуальная активность
или реальная политика?..... 20

ВЛАСТЬ

А.А. Борисенков

Политическое развитие: сущность и формы..... 26

В.И. Меркушев

Практика объединительных процессов
в российском федерализме..... 34

С.В. Нечаева

Историко-политологический анализ эволюции
управленческой элиты Южного Урала
в XIX – начале XX вв. 40

Ю.П. Денисов

Образ Б.Н. Ельцина в российском
официальном дискурсе начала 2000-го года:
«уходящий Президент» (на основе анализа
«Российской газеты»)..... 48

Р.Х. Файзрахманов

Вооруженное насилие на постсоветском
пространстве..... 54

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А.А. Тенетко

Механизм многостороннего наднационального
регулирувания мировой экономики..... 60

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента и предпринимательства, философии управления, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

Требования к рукописям научных статей, предоставляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 125.

Рукописи рецензируются

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции

(351) 771-42-30

E-mail: saa@urags-chel.ru

Адрес в Интернет
<http://urags-chel.ru>

Редакция журнала не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Е.В. Попов, И.В. Лавров

Институты экономики
благополучия: теория и методология..... 66

Т.А. Егорова

Понятие рентного потенциала
конъюнктуры рынка и развитие
теории общественных благ..... 72

К.В. Павлов

Инвестиции и инновации интенсивного
и экстенсивного типа:
макрэкономический подход..... 77

КУЛЬТУРА

И.И. Брянцев

Диалог между властью и национально-
культурными общественными
организациями: проблемы
и перспективы их разрешения..... 83

ИСТОРИЯ

С.С. Загребин

Власть и обновленческий раскол
в Русской Православной Церкви..... 89

Н.Н. Макарова

Демографическая характеристика
Магнитогорска: анализ причин
смертности и рождаемости (1930–1935)..... 96

А.Н. Бурмейстер

«Приглашение»..... 101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

20-летие Уральской школы политологии:
испытание кризисами (Материалы
выступлений участников заседания Клуба
уральских политологов) 106

SOCIUM

E.G. D'yakova Retracted 25.05.2023
 E-government as an Ideological Basis..... 4

S.G.Zyryanov, V.I. Lesnyak, D.V. Bogdanova
 Youth Policy and the Role of Education in the Professional Life of the Working Young People... 10

O.S.Pustoshinskaya
 Internet representation of Ural Federal District Youth Organizations and Movements:
 virtual activity or the real policy?..... 20

POWER

A.A. Borisenkov
 Political Evolution: essence and forms..... 26

V.I. Merkushev
 Practice of Integration Processes in the Russian Federalism..... 34

S.V. Nechaeva
 Historical and Political Science Evolution Analysis of Administrative Elite in the South Ural at
 the end of XIX and beginning of XX century..... 40

Ju.P. Denisov
 Image of B.N.Yeltsin in the Russian Official Discourse at the Beginning of 2000 Year: «the
 Leaving President» (On the Basis of «Rossiyskaya Gazeta» Analysis)..... 48

R.H.Phaizrakhmanov
 Armed Violence on the Post-Soviet Area..... 54

STATE AND LAW

A.A. Tenetko
 Mechanism of Many-Sided Supranational Normalization of the World Economics..... 60

ECONOMIC POLICY

E.V.Popov, I.V.Lavrov
 Institutes of Economics of Well-being: Theory and Methodology..... 66

T.A. Egorova
 Concept of Rent Potential of Market Conditions and Development of Public Blessings Theory.... 72

K.V. Pavlov
 Investments and Innovations of Intensive and Extensive Types: Macroeconomic Approach.... 77

CULTURE

I.I. Bryantcev
 The Dialogue between Government and National and Cultural Public Organizations:
 Problems and Prospects of their Solving..... 83

HISTORY

S.S. Zagrebin
 Power and Split in Russian Orthodox Church..... 89

N.N. Makarova
 Demographic Characteristic of Magnitogorsk: Analysis of the Reasons of Mortality and
 Birth-Rate (1930-1935)..... 96

A.N. Burmeister
 «Invitation»..... 101

SCIENTIFIC LIFE

The 20th Anniversary of the Ural School of Political Science: Problems in the Times of the
 Crisis (shorthand record)..... 106

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

УДК 363.637

Е.Г. ДЬЯКОВА

«Электронное правительство» («e-government») – термин, активно используемый для описания процесса предоставления государственных услуг, политического участия граждан и управления при помощи современных информационных технологий. Этот термин выступает в качестве системообразующего элемента в разнообразных правительственных документах (стратегиях, концепциях, целевых программах и т.п.) и законодательстве.

Существуют устоявшиеся подходы к описанию феномена «электронного правительства». Оно рассматривается с точки зрения того, какие субъекты оказывают вовлечены в процесс получения государственных услуг в электронном формате. В модели «электронного правительства» обычно выделяют четыре четко выраженные сферы взаимоотношений:

- 1) между государственными службами и гражданами (G2C–government-to-citizen);
- 2) между государством и частными компаниями (G2B–government-to-business);
- 3) внутри государственных организаций между их сотрудниками (G2E–government-to-employee);
- 4) и, наконец, между различными государственными органами и уровнями государственного управления (G2G–government-to-government).

В итоге государство должно трансформироваться в сервисную структуру, предоставляющую услуги по принципу: «24 часа в сутки и 7 дней в неделю».

Из описания структуры «электронного правительства» очевидно, насколько двойственным является данный термин: с одной стороны, речь идет о чисто технологических изменениях в структуре государственного управления, связанных с предоставлением услуг гражданам в новом, электронном и дистанционном формате [см., напр., 9]. В этом аспекте «электронное правительство» выступает как средство снижения «управленческих издержек», позволяя предоставлять государственные услуги быстрее, дешевле и как можно более широкому кругу потребителей. С другой стороны, этот же термин несет выраженную идеологическую нагрузку

ку, поскольку «электронное правительство» понимается как «более совершенное правительство», «правительство, организованное вокруг управления и использования информации» [16].

Точно так же, как «информационное общество» является конечной целью и необходимым этапом развития любого общества, причем развитие понимается как линейный процесс, в котором есть как лидеры, так и отстающие, «электронное правительство» выступает как высшая стадия развития государственного управления, и его построение также носит линейный характер. «Электронное правительство» призвано обеспечить переход от бюрократического управления в смысле Вебера с жесткими иерархиями, обязательными правилами и стандартизированными процедурами к «мягкому сетевому управлению», основанному на горизонтальных связях между государственными структурами и институтами гражданского общества, фрагментации центров принятия решений и выработке совместной, скоординированной позиции. Иными словами, «электронное правительство» понимается как способ преодоления отчуждения между государством и гражданами и перехода к подлинной демократии. Оно жестко вписано в западную демократическую традицию «правительства, созданного народом, из народа и для народа».

Проблема состоит в том, что «электронное правительство» как идеологический конструкт достаточно далеко отстоит от «электронного правительства» как реальной технологии управления. Как показала П. Норрис, существует тесная корреляция между нормативными теориями представительной демократии и требованиями к «электронному правительству». Так, для теоретиков «плюралистической демократии» эта форма правления представляет собой процесс конкуренции между собой различных групп элиты, стремящихся повлиять на политический процесс в рамках общих «правил игры» и выражающих самые многообразные интересы. Соответственно, «электронное правительство» рассматривается как способ облегчить доступ к информации и

коммуникации новым группам влияния, тем самым усиливая плюрализм и одновременно уменьшая затраты и повышая эффективность работы государственного сектора [14, р. 4–5]. В условиях, когда конкуренция между группами элиты и институты гражданского общества слабы и подчинены государству, «электронное правительство» способствует демократизации, делая государственное управление более прозрачным и содействуя его переводу в «нормальное», конкурентное состояние.

В рамках теории «репрезентативной демократии» основной упор делается на выборы как на основной механизм воздействия граждан на государственное управление. Соответственно, необходимо, чтобы граждане научились делать «рациональный выбор», основанный на четком понимании собственных интересов и умении оценивать действия властей. Для этого они должны быть максимально полно информированы об этих действиях, и задача «электронного правительства» состоит в том, чтобы донести до них эту информацию через широкую сеть информационных ресурсов как официального, так и неофициального плана. Одновременно компьютерные технологии позволяют перейти к «электронному голосованию», что снижает затраты на выборы, гарантирует от фальсификаций и, облегчая гражданам участие в голосовании, позволяет бороться с электоральным абсентеизмом [14, р. 6].

И, наконец, для сторонников «прямой демократии» «электронное правительство» представляет уникальную возможность для воплощения в жизнь идеала непосредственного вовлечения граждан в принятие решений, касающихся всего общества через он-лайнные референдумы, плебисциты, «электронные форумы» и т.п. В рамках данного подхода «электронное голосование» приобретает постоянный характер, а воля каждого получает непосредственную возможность превращаться в «общую волю» [14, р. 7–8]. То, что на практике данная система требует масштабных затрат на обеспечение мер информационной безопасности и при этом явно обеспечивает привилегированное положение «информационно богатым», имеющим доступ к информационно-коммуникационным технологиям, и ущемляя «информационно бедных», такого доступа не имеющих, теоретиками «электронной прямой демократии» в расчет не принимается.

Если утопичность модели «прямой демократии» более или менее очевидна, и в литературе регулярно встречаются скептические высказывания о трансформационном потенциале информационных технологий [см., напр., 19], то утопичность двух первых моделей не так бросается в глаза. Однако не следует забывать, что со времен П. Лазерфельда существует мощная традиция критики теории «рационального выбора», основанная на эмпирических доказательствах того, что «выбирает не человек, а социально-экономический статус». Современные исследователи электорального поведения исходят из того, что при получении информации избиратели в гораздо большей степени ориентируются на сформированную СМИ «повестку дня», а не на целенаправленный сбор информации о деятельности органов власти [подробнее см. 4]. Аналогичным образом тезис о том, что «электронное правительство» способствует демократизации, делая государственное управление более прозрачным и подотчетным гражданам, успешно опровергается опытом такой страны, как Сингапур, стабильно лидирующей в рейтингах готовности к информационному обществу по параметру «политика государства в областях, связанных с использованием ИКТ», но при этом благополучно сохраняющей авторитарную систему управления.

При разнице нормативных подходов «электронное правительство» сохраняет статус «идеального правительства», выступая в качестве неотъемлемого элемента модернистской утопии «информационного общества». Но утопическая основа представлений об «электронном правительстве», как правило, не осознается теми, кто непосредственно занят его конструированием, т.е. государственными чиновниками, представителями IT-бизнеса и представителями институтов гражданского общества. В дискуссиях о переходе к «электронному правительству» явно доминирует технологический подход. И IT-специалисты, и эксперты проявляли и проявляют тенденцию воспринимать решение проблемы перевода в электронный формат взаимоотношений между органами государственной власти и гражданами («G2C») как простое производное от решения проблем информатизации «G2E» и «G2G». Поэтому в центре внимания находятся вопросы формировании технологической инфраструктуры для перехода на электронный документооборот и интерактивное взаимодействие граждан с органами власти. В лучшем случае в ходе дис-

куссий упоминается о низкой технической осведомленности и квалификации граждан в сфере использования ИКТ, однако неявно обсуждение исходит из предположения, что эта квалификация повысится сама собой, как только у граждан появится возможность получать государственные услуги он-лайн. Иными словами, и теоретики, и практики «электронного правительства» исходят из того, что технологическая возможность эквивалентна социальной действительности, что является характерным признаком современной прогрессистской утопии.

Операционализация нормативных представлений об «электронном правительстве» осуществляется через требования к официальным сайтам органов власти. В зависимости от характера данных представлений официальные сайты могут рассматриваться:

1. Как источники официальной информации о деятельности органов власти.

2. Как средство интерактивной коммуникации с представителями органов власти.

3. Как инструмент гражданского воздействия на органы власти.

Нетрудно заметить, что первый подход основан на модели «плюралистической демократии», второй – на модели «репрезентативной демократии» (и подразумевает, помимо прочего, электронное голосование), а третий – на модели «прямой демократии». Анализ официальных сайтов органов власти, осуществленный Cyberspace Policy Research Group, показывает, что наиболее успешно они справляются именно с функцией формирования о деятельности власти путем распространения официальных отчетов, докладов, пресс-релизов и т.п., а хуже всего обстоят дела с функцией гражданского воздействия [подробнее см. 15, гл. 6].

Выявленные при анализе понятия «электронное правительство» тенденции в полной мере относятся и к отечественной ситуации. В нашей стране элитистский дискурс информационного общества имеет собственную специфику, так как вписан в традиционный отечественный дискурс «догоняющей модернизации» и основан не на академическом дискурсе «информационного общества», а на т.н. «киберязе» – альтернативном господствующему идеологическому дискурсу кибернетическом подходе к управлению [подробнее см. 13]. Переход от «киберяза» к дискурсу «информационного общества» был достаточно длительным и породил ряд любопытных переходных форм. Так, в 1986 году вышел сборник с символическим названием «Кибер-

нетика. Становление информатики», который открывался статьями А. П. Александрова и Е. П. Велихова, в которых говорилось об определяющем значении информатики для развития человеческого общества в грядущем столетии [1, 3].

Дискурс «информационного общества» был освоен и получил окончательную легитимацию достаточно поздно, с принятием в феврале 2008 г. «Стратегии развития информационного общества в России». В этом документе цель формирования и развития информационного общества в Российской Федерации была определена как «повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий» [24]. Более того, в «Стратегии развития информационного общества в России» проблема информатизации была переведена на язык конкретных контрольных значений. Согласно «Стратегии» к 2015 г. доля государственных услуг, которые население может получить с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, от общего числа государственных услуг в Российской Федерации должна достигнуть 100%.

В мае 2008 г. распоряжением Правительства РФ № 623-р была одобрена «Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года», конкретизирующая соответствующие положения «Стратегии развития информационного общества в России». В «Концепции» были определены основные приоритеты формирования электронного правительства, включая:

- развитие систем обеспечения удаленного доступа граждан к информации о деятельности государственных органов на основе ИКТ;

- создание инфраструктуры общественного доступа к информации о деятельности органов государственной власти и к государственным услугам, предоставляемым в электронном виде;

- развитие ведомственных центров обработки телефонных обращений населения и организаций;

- создание единой системы информационно-справочной поддержки взаимодействия граждан с органами государственной власти;

- предоставление государственных услуг на основе многофункциональных центров;
- предоставление государственных услуг с использованием сети Интернет;
- создание единой инфраструктуры обеспечения юридически значимого электронного взаимодействия;
- развитие защищенной межведомственной системы электронного документооборота;
- внедрение информационных систем планирования и мониторинга деятельности органов государственной власти [20].

Как видим, «Концепция» ориентирована прежде всего на развитие взаимодействия «G2C».

Однако хотя дискурс информационного общества активно используется в государственных документах самого разного уровня, а также в академических и профессиональных дискуссиях, он остается внешним по отношению к реальным процессам информатизации государственного управления. Учитывая, насколько далек отечественный государственный аппарат от идеала «рациональной бюрократии» по Веберу, не вызывает удивления, что концепт «электронного правительства» пришел в противоречие с основными ценностными установками современного российского государства и с трудом адаптируется к нему. Подчеркнем, что конструкт «электронного правительства» как «идеального государства» не находит соответствия не только с управленческими практиками, но и с отечественной моделью «идеального государства» как власти, которая распространяется из некоего центра вниз, на общество. Существование центра может легитимироваться с помощью демократических процедур, что не отменяет его первичности по отношению к обществу. Характерно, что по замерам Cyberspace Policy Research Group сильнее всего разрыв между информационной функцией и функцией гражданского воздействия выражен на сайтах органов власти стран Восточной Европы, включая Россию. Косвенно существование разрыва указывает на нормативный, идеологический характер требований к официальным сайтам органов власти.

Не случайно на практике формирование «электронного правительства» до недавнего времени регулировалось не стратегиями и концепциями, а Постановлением Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Фе-

дерации и исполнительных органов государственной власти» [22], в котором содержался перечень сведений о деятельности органов власти, обязательных для размещения в информационно-коммуникационной сети Интернет. То, что подзаконный акт долгое время заменял и закон, и государственные стратегии, и концепции, весьма типично для отечественной управленческой практики, в которой бюрократическая рационализация вовсе не требует законодательного оформления.

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который начал разрабатываться в 2002 г., был одобрен на заседании Правительства РФ в 2005 г., и принят только в феврале 2009 г. Медлительность в принятии этого закона еще раз свидетельствует о том, что переход к «электронному правительству» – это не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной идеологической составляющей.

№ 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. впервые дает определение того, что такое официальный сайт государственного органа или органа местного самоуправления. Это «сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащий информацию о деятельности государственного органа или органа местного самоуправления, электронный адрес которого включает доменное имя, права на которое принадлежат государственному органу или органу местного самоуправления» [25, ст. 1.1]. Закон содержит Сводный перечень информации о деятельности органов государственной власти, обязательной к размещению на сайте, включая «общие сведения о соответствующем государственном органе, органе местного самоуправления, сведения о его нормотворческой деятельности, участии в целевых и иных программах, статистические данные о деятельности государственного органа, органа местного самоуправления, сведения о результатах проверок, проведенных государственным органом, органом местного самоуправления, а также иную информацию о его деятельности». На основании этого Сводного перечня государственными органами и органами местного самоуправления должны утверждаться конкретизированные (с учётом особенностей деятельности системы органов либо отдельного органа) перечни информации, подлежащей размещению в сети Интернет. Таким образом, государство

само определило, в какой информации нуждаются граждане.

Нетрудно заметить, что и Постановление № 98, и Федеральный закон № 8-ФЗ основаны на традиционном отечественном представлении о том, что получение информации о деятельности органов власти является не правом, а привилегией, которую государство может даровать, а может и не даровать [подробнее см. 8]. № 8-ФЗ дарует данную привилегию в масштабах, до этого в российской управленческой практике отсутствовавших, и в этом смысле представляет собой явный прорыв.

Представление о том, что информация – это дар государства гражданам, в полной мере отражается в структуре сайтов российских органов государственной власти. В США и странах Европы официальные сайты создаются на основе принципов PR и поэтому оцениваются с точки зрения удобства пользования («usability»). Отсюда требования, чтобы содержание сайта было оптимизировано с точки зрения читабельности, транслируя максимум информации при минимальном объеме, а также и подробнейшие эмпирические исследования того, как дизайн сайта влияет на восприятие информации. Отсюда же указания на необходимость делать электронный адрес коротким и простым, ориентироваться на стандарты Google при создании поисковика, готовить краткие резюме для всех материалов, размещенных на сайте и т.п. При создании официального сайта рекомендуется исходить из того, с какими вопросами потенциальный пользователь чаще всего обращается в соответствующий орган власти, т.е. делать его структуру проблемно-ориентированной и как можно более гибкой. Все эти требования обосновываются тем, что «Web Site Usability Drives Credibility», т.е. что удобный для пользователя сайт повышает уровень доверия к органам власти. Данный тезис подтверждается многочисленными прикладными социологическими исследованиями, основанными на классической теории «пользы и удовольствия» и демонстрирующими, что «сайты органов власти позитивно коррелируют со степенью удовлетворенности услугами «электронного правительства» и что удовлетворенность сайтом и услугами «электронного правительства» позитивно коррелирует с доверием властям» [17, р. 14].

Отечественные сайты органов власти строятся на иных принципах. Они исходят из того, что пользователь должен обладать высоким уровнем административной ком-

петентности: представлять соподчиненность различных структур, знать, чем распоряжение отличается от указа и т.п., т.е. свободно владеть административным дискурсом. Зачастую на сайтах присутствует подробное описание внутренней структуры органов власти, но отсутствует простейшая информация о часах работы различных подразделений. Иными словами, при переводе административных процессов в электронный формат не происходит их перевода на язык, которым пользуются граждане, т.е. сайты являются носителями «монологовой культуры государственного управления» [см. 7]. Имеющийся мировой опыт создания проблемно-ориентированных информационных ресурсов, которые не требуют от пользователя специальных знаний и понимания «чужого языка», разработчиками практически не учитываются.

Таким образом, хотя дискурс «электронного государства» активно используется при разработке государственных программ информатизации и на федеральном, и на региональном уровне, он находится в явном противоречии с отечественными практиками государственного управления. Именно этим можно объяснить тот факт, что «электронное государство» в нашей стране, по определению Президента РФ Д.А. Медведева, все еще остается «химерой» [6], несмотря на многолетние усилия по информатизации государственного управления. Этим же можно объяснить многочисленные пробелы в законодательстве, тормозящие переход к «электронному правительству». Так, несмотря на многочисленные пожелания специалистов, в стране отсутствует закон об «электронном документе», приравнивающим его статус к статусу традиционного бумажного документа с подписью и печатью, а также не определен статус удостоверяющих центров и других фактофиксирующих систем, выполняющих функции «электронного нотариата». Не вызывает поэтому удивления, что до сих пор ни одна государственная услуга в стране не оказывается в электронном формате, а сайты органов власти в основном застыли на этапе презентации и являются «электронными справочниками». Пока дискурс «информационного общества» и «электронного государства» не будет поддержан на институциональном и законодательном уровне, информатизация государственного управления будет сохранять ведомственный и локальный характер, поддерживая отечественные управленческие традиции, а не выступая как средство их реформирования и оптимизации.

1. Александров А.П. Задача до конца столетия // Кибернетика. Становление информатики. М.: Наука, 1986. С. 1 – 7.
2. Вартанова Е.Л. Информационное общество в стратегии Европейского Союза // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://internews.ras.ru/ZIP/43/europe.html>. Проверено 15.04.2009.
3. Велихов Е.П. Информатика – актуальное направление развития советской науки // Кибернетика. Становление информатики. М.: Наука, 1986. С. 7 – 14.
4. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. 2003. № 3. С. 21 – 25.
5. Карелов С. Какое информационное общество заслуживает Россия? // PC Week/RE № 29–30 (587-588), 21–27 августа 2007/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=83415>. Последнее обновление 15.04.2009.
6. Медведев Д.А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию информационного общества в России [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: 12 февраля 2009 г. http://www.kremlin.ru/appears/2009/02/12/1535_tyre63374tyre63378tyre82634_212834.shtml. Последнее обновление 15.04.2009.
7. Сиволов Д.В. Интернет-сайты органов власти – от монолога к диалогу // ЧиновникЪ. 2007. № 4 (50). С. 32 – 38.
8. Трахтенберг А.Д. К вопросу о специфике отечественных СМИ как института гражданского общества // Судьбы гражданского общества в России. Т. 2. Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 211–225.
9. Alcock R., Lenihan D. Opening the E-Government File: Governing in the 21st Century. [Электронный ресурс] Changing Government. Vol. 2. January 2001. Pp. 26 – 40. – Режим доступа: <http://www.crossingboundaries2.com/cb2v2/booklet.pdf>. Последнее обновление 15.04.2009.
10. Pauwels C., Burgelman J. – C. Policy Challenges to the Creation of a European Information Society: A Critical Analysis // The European Information Society: Reality Check. Bristol, UK, 2003. Pp. 30 – 51.
11. Benchmarking E-government: A Global Perspective. Assessing the Progress of the UN Member States. [Электронный ресурс] United Nations Division for Public Economics and Public Administration & American Society for Public Administration, 2002. – Режим доступа: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UNPAN021547.pdf>. Последнее обновление 15.04.2009.
12. Comparison of e-readiness assessment models and tools // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bridges.org/publication/128>. Последнее обновление 15.04.2009.
13. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002. 368 p.
14. Norris P. Deepening Democracy via E-Governance. Draft Chapter for the UN World Public Sector Report. [Электронный ресурс]. Harvard Univ., 2004. Pp. 1 – 37. Режим доступа: <http://www.publics.net/e-government>. Последнее обновление 15.04.2009.
15. Norris P. A Virtuous Circle. Political Communications in Postindustrial Societies. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – 398 p.
16. Pardo T.A. Realizing the Promise of Digital Government : It's more than Building a Web Site // [Электронный ресурс] Information Impacts Magazine, October 2000. Pp. 11-13. – Режим доступа: http://www.cisporg.imp.October_2000/10_00pardo.htm. Последнее обновление 15.04.2009.
17. Welch E., Hinnant Ch., Jae Moon J. Linking Citizen Satisfaction with E-Government and Trust in Government. // [Электронный ресурс]. Chicago, University of Illinois. 2006. 14 p. Режим доступа: <http://jpart.oxfordjournals.org/cgi/content/abstract/15/3/371> Последнее обновление 15.04.2009.
18. West D. Assessing E-Government: The Internet, Democracy, and Service Delivery by State and Federal Governments. [Электронный ресурс]. Providence, RI, Brown University, 2000. 151 p. – Режим доступа: <http://www.inside-politics.org/egovtreport00.html>. Последнее обновление 15.04.2009.
19. Wilhelm A.G. Democracy in the Digital Age: Challenges to Political Life in Cyberspace. N.Y., Routledge, 2000. – 192 p.
20. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/inform/law/konsep.htm>. Последнее обновление 15.04.2009.
21. Окинавская Хартия глобального информационного общества // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.russianlaw.net/law/acts/z8.htm>. Последнее обновление 15.04.2009.
22. Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и исполнительных органов государственной власти» (в ред. Постановления Правительства РФ от 26 декабря 2008 №884) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.eos.ru/eos_delopr/eos_law/detail.php?ID=39270&SECTION_ID=685. Последнее обновление 15.04.2009.
23. Распоряжение Правительства РФ от 09 февраля 2008 г. № 157-р о внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. N 1789-р (Концепция административной реформы в РФ в 2006–2008 годах) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/prime/20080219/92764.htm>. Последнее обновление 15.04.2009.
24. Стратегия развития информационного общества в России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/959/3257.shtml>. Последнее обновление 15.04.2009.
25. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html>. Последнее обновление 15.04.2009.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУДЬБЕ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 316.443

С.Г. ЗЫРЯНОВ, В.И. ЛЕСНЯК, Д.В. БОГДАНОВА

Работающая молодежь сегодня является весьма многочисленной социальной группой, важнейшим социальным ресурсом и основной движущей силой развития российского общества. Проблемы ее социально-экономического статуса и оценка молодежи своего положения всегда были актуальны. При рассмотрении молодежи как социальной группы нужно отметить, что это не только далекое будущее, но и так называемое живое настоящее, и именно поэтому необходимо понять, насколько уже сегодня эта группа молодого поколения определяет содержание и характер ближайшего будущего. Обычно рассматривается такая категория молодежи, как рабочая молодежь. В нашем исследовании предложен иной ракурс анализа молодежи – речь идет о работающей на промышленных предприятиях молодежи, а также об образовании как факторе, влияющем на социальное самочувствие молодежи.

Итак, не рабочая, а работающая молодежь. К работающей молодежи мы отнесли молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, получивших рабочую профессию в общеобразовательных учреждениях начального профессионального образования, на производстве путем индивидуального, бригадного, курсового и других форм профессионального обучения, либо в учебных центрах органов по вопросам занятости, а также профессию техника – в средних специальных учебных заведениях или специалиста – в вузах и, что принципиально значимо, работающих на промышленном предприятии.

Интерес к работающей молодежи связан с тем, что люди в возрасте до 35 лет проходили профессиональную социализацию после начала 90-х годов – в новых социально-экономических условиях, условиях формирующихся рыночных отношений. Кроме того, на систему ценностей должна была оказать влияние изменившаяся степень политической свободы. Наконец, они включились в социально-трудовые отношения в условиях формирующегося рынка труда.

2009 год в России объявлен Годом молодежи, в рамках которого предусмотрены мероприятия по развитию творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активному привлечению к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитанию чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей [1].

Желание политиков открыть новые перспективы для молодежи естественно и понятно. Однако помимо политических призывов и лозунгов нужны системные стратегические и тактические решения власти, концептуально оформленные в программу молодежной политики Российской Федерации. Каковы же достижения на этой ниве?

Первой своеобразной точкой отсчета для России стал международный семинар по социальной работе с молодежью, состоявшийся в мае 1993 года, который принял ряд рекомендаций: разработать систему мер и законов, обеспечивающих защиту прав подрастающего поколения, выполнять эти законы; организовать регулярное изучение молодежных проблем в различных регионах России; поставить перед Правительством России вопрос о реализации концепции государственной молодежной политики, направленной на создание правовых, экономических и других условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Еще одним шагом стал Федеральный закон о государственной поддержке молодежных и детских объединений, принятый Госдумой 26 мая 1995 года. Наконец, 17 июля 2009 года под руководством Президента России прошло заседание Госсовета, на котором было предложено внести в Госдуму проект закона «Об основах молодежной политики».

В содержании молодежной политики можно выделить три основных направления – воспитание, образование и подготовку к профессиональной деятельности. Очевидно, что все эти направления взаимо-

связаны, однако ключевым направлением является образование. В системе российского образования на протяжении 18-ти лет предпринимаются попытки адаптировать ее к новым внешним и внутренним условиям функционирования. На сегодняшний день, по мнению экспертов, «...у относительно молодой рыночной экономики России отсутствует эффективное и оперативное взаимодействие запросов и предложений рынков труда и образовательных услуг. Это, безусловно, не может не сказаться на ситуации в сфере занятости населения» [2].

Как это отражается на судьбе молодых людей, связавших свою жизнь с промышленными предприятиями и выбравших столь значимую для экономики России сферу своей профессиональной деятельности?

Интерес к влиянию молодежного рынка труда в целом и молодежного его сегмента в частности на профессиональную судьбу человека в современных российских условиях закономерен. Ведь непосредственно от молодежи зависит результат осуществляемых в нашей стране экономических и политических преобразований.

Работающая молодежь крупных промышленных предприятий представляет собой один из четко определенных устойчивых сегментов Челябинского городского рынка труда.

Лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы в период с 14 по 25 декабря 2007 года был проведен социологический опрос¹. На основе данных этого опроса и написана статья.

На основе полученных результатов проведенного исследования была проанализирована модель социально-профессионального самочувствия работающей молодежи крупных промышленных предприятий Челябинска в зависимости от уровня образования респондентов.

В первую очередь была выяснена зависимость от уровня образования респондента такого показателя, как удовлетворенность работой. Этот вопрос занимает ведущее место в ряду характеристик социально-профессионального и материального самочувствия и является наиболее емкой оценкой отношения к работе и предприятию в целом, оказывая существенное влияние на формирование других показателей.

При рассмотрении вопроса об удовлетворенности своей работой было выявлено, что большинство опрошенных молодых работников демонстрируют полную или частичную удовлетворенность (68,9%) и только 22,5% говорят о том, что не удовлетворены

Таблица 1. Удовлетворенность работой в зависимости от уровня образования (в % от числа опрошенных)

Степень удовлетворенности работой на предприятии	ОБРАЗОВАНИЕ					
	начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее	
1. Удовлетворены ли Вы своей работой?						
полностью удовлетворен	20,9	37,0	21,8	18,6	20,6	19,6
скорее удовлетворен	48,0	39,1	38,7	44,1	51,0	56,1
скорее не удовлетворен	17,6	6,5	22,5	19,1	20,6	14,6
совсем не удовлетворен	4,9	6,5	8,5	4,9	5,9	2,1
затрудняюсь ответить	8,7	10,9	8,5	13,2	2,0	7,5

¹ Опрошен 801 респондент на пяти крупных промышленных предприятиях города Челябинска: ЧТПЗ, ЧТЗ, ЧЭМК, Мечел, ЧКПЗ. Статистическая погрешность в выборке составляет $\pm 4,0\%$. В выборку попали респонденты с высшим образованием – 36,1%, с неоконченным высшим – 13,2%, с общим средним и средним специальным – 26,3%, начальным профессиональным (ПТУ) – 18,3%, начальным и неполным средним – 5,5%.

Таблица 2. Достаточность профессиональных знаний среди работников с разным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Оценка достаточности уровня полученных профессиональных знаний для работы по профессии		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
да	37,6	32,6	30,3	36,3	33,3	44,6
да, но необходимо дополнительное профессиональное образование	38,6	32,6	40,8	33,3	43,1	40,4
нет	13,1	21,7	14,8	14,7	12,7	9,6
затрудняюсь ответить	10,7	13,0	13,4	15,7	10,8	5,4

Таблица 3. Оценка динамики престижности работы у респондентов с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Оценка престижности работы на предприятии		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
да	39,7	32,6	33,1	30,4	46,1	48,9
нет	27,9	21,7	33,1	34,3	25,5	22,1
затрудняюсь ответить	32,4	45,7	33,8	35,3	28,4	28,9

или скорее не удовлетворены. Полностью удовлетворен своей работой в среднем каждый пятый представитель молодых работников предприятий (20,9%). Существенных различий у респондентов с разным уровнем образования не установлено.

С целью выявления достаточности уровня профессиональных знаний молодежи, работающей на промышленных предприятиях Челябинска, был задан вопрос: «Считаете ли Вы достаточным уровень полученных профессиональных знаний для работы по профессии?»

Из двухмерного наложения следует, что опрошенные работающие молодые люди с высшим образованием (44,6%) чаще других дают положительный ответ на вопрос. Молодежь с неоконченным высшим образованием считает необходимым получение дополнительного профессионального образования

(43,1%). Аналогичной точки зрения придерживаются респонденты с начальным профессиональным образованием (40,8%). При наличии начального и неполного среднего образования молодые люди отмечают, что уровень полученных профессиональных знаний для работы по профессии не достаточен (21,7%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодежь, оценивающая уровень знаний как достаточный для работы по профессии, благодаря наличию высшего образования, занимает более устойчивое положение на предприятии. В то же время традиционно молодые работники значительно выше, чем их старшие коллеги, оценивают уровень рассогласования между своими профессиональными знаниями и умениями и выполняемой работой, объясняя это в большинстве случаев отсутствием опыта работы на предприятии.

Таблица 4. Корреляция чувства гордости от работы на предприятии у работников с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Наличие чувства гордости работой на предприятии		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
да	36,5	41,3	33,1	26,5	40,2	42,9
нет, но хотелось бы	31,7	30,4	27,5	31,9	31,4	33,2
нет	14,1	17,4	17,6	16,2	13,7	10,4
затрудняюсь ответить	17,8	10,9	21,1	24,5	14,7	13,2

Немаловажен для оценки социально-профессионального самочувствия работающей молодежи такой показатель, как оценка престижности своей работы. В зависимости от представлений о престижности предприятия, на которое работник трудоустроивается, формируется его отношение к работе. Одним из главных показателей в оценке отношения к предприятию является социологический индикатор его престижности в сознании работающих (см. табл. № 3).

В целом для опрошенной работающей молодежи больше свойственно полагать, что работа на их предприятии престижна. Так отвечают четверо из каждых десяти опрошенных. Молодые люди с высшим (48,9%) и неоконченным высшим образованием (46,1%) при ответе на вопрос: «Считаете ли Вы престижной работу на Вашем предприятии?» дали положительную оценку. Работающая молодежь с общим средним и средним специальным образованием (34,3%), а также с начальным профессиональным образованием (23,2%) выразили противоположную точку зрения, ответив «нет». Почти половина респондентов с начальным и неполным средним образованием (45,7%) затруднились с ответом. Таким образом, выявлен один из социальных факторов, не располагающих к восприятию собственной работы как престижной – невысокий уровень образования. То есть, в силу разной образовательной ресурсности одни молодые работники склонны считать свою работу престижной, другие же не склонны этого делать. Повышая уровень своего образования, респонденты тем самым увеличивают свою возможность получения наиболее престижной работы.

Подтверждают полученную информацию данные другого вопроса: «Гордитесь ли Вы тем, что работаете на данном предприятии?» (см. табл. № 4)

Чувство своеобразного трудового патриотизма по отношению к своей работе, гордость достижениями организации, желание сохранять принятые там обычаи и идентифицировать себя с другими ее членами испытывает большинство респондентов (36,5%), но чаще других об этом говорят молодые люди с высшим (42,9%) и неоконченным высшим образованием (40,2%). Также отмечают этот вариант лица с начальным и неполным средним образованием (41,3%). Часть специалистов с высшим образованием (36,1%) говорят, что не испытывают гордости, но хотелось бы. Совсем не гордятся тем, что работают на данном предприятии, молодые люди с начальным профессиональным (17,6%) и с начальным и неполным средним образованием (17,4%). Большинство затруднившихся с ответом имеют общее среднее и среднее специальное образование (24,5%). То есть, наличие или отсутствие чувства гордости за работу на конкретном предприятии также опосредовано уровнем образования работающей молодежи.

Сегодня немалое количество молодых людей, окончив учебное заведение, начинают трудовую деятельность в учреждениях и на рабочих местах, весьма далеких от полученной специальности (см. табл. № 5).

Исследование показало, что чаще остальных работа соответствует полученной специальности у молодых людей с высшим (57,9%) и неоконченным высшим образованием (47,1%). Молодежь с начальным и

Таблица 5. Работа по специальности среди работников с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Вы работаете по специальности, полученной в учебном заведении (ПТУ, техникуме, вузе)?		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
да	40,3	10,9	33,1	23,5	47,1	57,9
нет	49,5	80,4	55,6	61,3	46,1	32,9
да, но после переподготовки на предприятии	10,1	8,7	10,6	13,7	6,9	8,6

Таблица 6. Взаимная заинтересованность у предприятия и работников с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Как Вы оцениваете уровень заинтересованности Вашего предприятия в Вас как работнике?		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
высокий (и я, и предприятие заинтересованы)	18,2	8,7	9,9	11,8	16,7	29,3
я заинтересован, предприятие – нет	22,6	23,9	26,1	14,7	29,4	23,9
невысокий (обоюдно)	19,1	15,2	19,0	19,1	20,6	18,9
предприятие заинтересовано, я – нет	4,3	8,7	7,0	3,4	2,9	3,2
Ваш вариант	1,4	2,2	2,8	2,0	0,0	0,7
затрудняюсь ответить	34,6	41,3	35,2	49,0	31,4	23,9

неполным средним образованием (80,4%), со средним общим и специальным (61,3%), а также с начальным профессиональным образованием (55,6%) утверждают, что их работа не соответствует специальности, указанной в дипломе. К тому же выпускники школ часто просто не имеют никакой специальности. Работают по специальности, но после переподготовки на предприятии 13,7% опрошенных с общим средним и специальным образованием. Здесь нужно отметить тот факт, что молодежь, работающая на предприятиях не по базовой специальности, полученной в учебном заведении, требует особого внимания и принятия специальных мер со стороны руководителей, так как она, только попав на предприятие, начала проходить профессиональную социализацию.

Еще один сюжет, который стоит затронуть в связи с работой современной молодежи – это вопрос об уровне взаимной заинтересованности предприятия и работника друг в друге.

Уровень социально-профессионального самочувствия на предприятии во многом определяется оценкой работника того, насколько предприятие заинтересовано в нем как в специалисте и в какой мере сам работник заинтересован в своей трудовой деятельности именно на данном предприятии. Проанализируем ответы на вопрос «Как Вы оцениваете уровень заинтересованности Вашего предприятия в Вас как работнике?»

Довольно много респондентов затруднились ответить на данный вопрос (34,6%). Тем не менее, можно отметить некоторые

Таблица 7. Удовлетворенность уровнем заработной платы в зависимости от уровня образования (в % от числа опрошенных)

Оцените свой уровень удовлетворенности заработной платой по пятибалльной системе (минимальный – “1”, максимальный – “5”)		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
один балл	16,2	10,9	23,2	18,6	15,7	10,0
два балла	24,4	15,2	28,9	23,5	29,4	19,6
три балла	42,1	43,5	34,5	40,7	35,3	43,9
четыре балла	15,1	15,2	6,3	11,8	13,7	20,7
пять баллов	2,3	4,3	1,4	1,5	2,0	2,9

характерные черты для каждой из групп, выбравших иные содержательные ответы. Молодежь с высшим образованием в основном говорит о высокой заинтересованности, когда интерес проявляется и работником, и предприятием (29,3%). Респонденты с неоконченным высшим (29,4%) и начальным профессиональным образованием (26,1%) отмечают свою одностороннюю заинтересованность, а лица с начальным и неполным средним образованием, наоборот, заинтересованность предприятия в них как работников (8,7%).

Необходимо подчеркнуть наличие весьма тревожного симптома: один из четырех опрошенных работников полагает, что предприятие в нем не заинтересовано, при этом сам утверждает о своей заинтересованности в работе на предприятии. Естественным образом данный факт сказывается на социально-профессиональном самочувствии. Существует и своеобразная зависимость – уровень образования молодежи и степени его идентификации с предприятием: чем ниже уровень образования респондента, тем меньше он ассоциирует себя с местом своей работы. Большое количество затруднившихся с ответом на вопрос можно объяснить ростом индивидуализации сознания современной рабочей молодежи, тем, что сегодня для молодых людей более важными становятся их межличностные отношения.

Позицией, позволяющей наиболее полно оценить социально-профессиональное самочувствие молодого рабочего, является уровень его удовлетворенности заработной

платой. Молодым работникам промышленных предприятий было предложено оценить уровень своей удовлетворенности заработной платой по пятибалльной шкале, где «1» – минимальный, а «5» – максимальный уровень.

В целом большинство респондентов (42,1%) оценили уровень своей зарплаты на «3». Данному факту есть логичное объяснение. Зарплата выступает основным и, чаще всего единственным, источником дохода и, следовательно, работа во многом определяет как материальное положение, так и уровень жизни молодежи промышленного предприятия. Рабочие места, которые занимают представители молодых слоев населения, то есть те, кто находятся в начале и на первых ступенях своей карьерной лестницы, определяют и их жизненные шансы, и дальнейшие перспективы. При рассмотрении взаимосвязи удовлетворенности зарплатой от уровня образования было выяснено: лица с начальным и неполным средним образованием чаще других выбирают позицию «5» (4,3%), с высшим – «4» (20,7%) и «3» (43,9%), на «2» оценивают уровень своей зарплаты молодые люди с неоконченным высшим (29,4%) и начальным профессиональным образованием (28,9%). Минимальный уровень удовлетворенности заработной платой у специалистов с начальным профессиональным образованием (23,2%). Неудовлетворительных оценок в вопросе об оплате труда довольно много, что может быть свидетельством в общем-то традиционного факта дискриминации в оплате труда молодежи

Таблица 8. Оценка динамики материального положения среди сотрудников с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Оцените, пожалуйста, изменения основных сторон Вашей жизни за последние год-два, материальное положение		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
стало лучше	20,5	19,6	13,4	12,3	20,6	30,4
осталось, как и было, хорошим	23,2	26,1	20,4	25,0	27,5	21,1
осталось, как и было, плохим	33,7	23,9	43,7	36,8	35,3	27,5
стало хуже	8,1	13,0	8,5	10,8	7,8	5,4
затрудняюсь ответить	14,5	17,4	14,1	15,2	8,8	15,7

Таблица 9. Карьерные ожидания у работников с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

Реализация карьерных ожиданий		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
да, полностью	10,7	8,7	8,5	5,9	12,7	15,0
да, но только в части профессионального роста (без повышения)	20,3	8,7	14,1	18,6	19,6	26,8
нет, но есть повод надеяться	27,5	28,3	23,2	25,0	30,4	30,4
нет, и не ожидаю	18,6	17,4	26,1	24,0	11,8	13,2
нет, я и не рассчитывал при трудоустройстве	3,5	13,0	6,3	3,4	1,0	1,4
затрудняюсь ответить	19,5	23,9	21,8	23,0	24,5	13,2

и, с другой стороны, приоритетности денежных запросов среди ценностных ориентаций молодых работников.

С вопросом о заработной плате тесно связана оценка динамики материального положения. Сотрудникам с различным уровнем образования было предложено оценить динамику своего материального положения за последние год-два (см. табл. № 8).

Респонденты с высшим образованием предпочли вариант «стало лучше» (30,4%). Молодежь с неоконченным высшим обра-

зованием отметила «осталось, как и было, хорошим» (27,%). Позиция «осталось, как и было, плохим» отмечена специалистами с начальным профессиональным (43,7%), а также с общим средним и средним специальным образованием (36,8%). Ухудшение материального положения отметили работающие молодые люди с начальным и неполным средним образованием (13%).

Рассмотрена и реализация карьерных ожиданий респондентов с разным уровнем образования (см. табл. № 9).

Таблица 10. Оценка динамики карьерно-профессионального роста в зависимости от уровня образования (в % от числа опрошенных)

Оцените, пожалуйста, изменения основных сторон Вашей жизни за последние год-два, карьера, профессиональный рост		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченно высшее	высшее
стала лучше	25,4	17,4	17,6	17,6	32,4	33,9
осталась, как и была, хорошей	32,4	34,8	33,8	29,4	33,3	33,2
осталась, как и была, плохой	20,8	19,6	28,2	25,5	19,6	14,3
стала хуже	3,4	0,0	2,1	3,9	2,0	4,6
затрудняюсь ответить	18,1	28,3	18,3	23,5	12,7	13,9

Большинством был отмечен вариант, что ожидания не реализуются, но есть повод надеяться (27,5%). Этот ответ предпочли в основном респонденты с высшим или неоконченным высшим образованием (по 30,4%). Позицию «нет, и не ожидаю» выбрали работники с общим средним и средним специальным образованием (24%), а также с начальным профессиональным образованием (26,1%). Позицию о том, что на карьерный рост и не надеялись при трудоустройстве, выбрали в основном молодые люди с начальным и неполным средним образованием (13%).

В ходе исследования молодым работникам было предложено оценить динамику своего профессионального роста и карьеры (см. табл. № 10).

Оценивая динамику карьерно-профессионального роста, позицию «стала лучше» предпочли лица с высшим (33,9%) или неоконченным высшим образованием (32,4%). Вариант «жизнь осталась, как и была, хорошей» стал самым упоминаемым (32,4%), но чаще всего так отвечали молодые люди с начальным и неполным средним образованием (34,8%). Позицию «жизнь осталась, как и была, плохой» выбирали в основном респонденты с начальным профессиональным образованием (28,2%). Примечательно, что 4,6% опрошенных с высшим образованием говорят об изменениях в худшую сторону за последние год-два. Однако по всем показателям, связанным с

оценками возможных улучшений жизни, молодежь демонстрирует оптимизм. Причем высшее образование часто повышает самооценку успешности реализации карьерных притязаний молодых. Современные молодые квалифицированные работники обладают необходимым потенциалом так называемых адаптационных возможностей к сложившимся и существующим на данный момент рыночным условиям трудовой занятости.

Достаточно интересна для оценки социально-профессионального самочувствия зависимость намерения работать на предприятии от уровня образования (см. табл. № 11).

Так, например, рассчитывают работать на данном предприятии до пяти лет специалисты с высшим образованием (13,9%). В то же время среди этой группы наиболее распространен ответ «более 10 лет» (32,9%), который и является самым распространенным (29,9%) после позиции «затрудняюсь ответить» (51,9%). Респонденты с неоконченным высшим образованием чаще других говорят об увольнении при первой же возможности (9,8%). Перспективные планы работающей молодежи отражают стремление части молодых людей к смене места работы. Специалисты с высшим образованием чувствуют себя более уверенно в сегодняшнем дне и склонны далеко вперед планировать свою жизнь, связывая будущее с деятельностью на данном предприятии. Чего нельзя

Таблица 11. Намерение работать на предприятии в зависимости от уровня образования (в % от числа опрошенных)

Планируемое время работы на предприятии		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
до 1 года	1,3	0,0	1,4	2,0	1,0	1,1
до 5 лет	9,9	6,5	4,9	7,4	12,7	13,9
более 10 лет	29,9	26,1	32,4	26,5	27,5	32,9
уволюсь при первой возможности	7,0	6,5	7,7	6,4	9,8	6,1
затрудняюсь ответить	51,9	60,9	53,5	57,8	49,0	46,1

Таблица 12. Оценка динамики жилищных условий в зависимости от уровня образования (в % от числа опрошенных)

Оценка изменения жилищных условий за последние год-два		ОБРАЗОВАНИЕ				
		начальное, неполное среднее	начальное профессиональное (ПТУ)	среднее общее, среднее специальное (техникум)	неоконченное высшее	высшее
стали лучше	13,8	13,0	11,3	6,9	17,6	18,9
остались, как и были, хорошими	37,6	37,0	35,9	39,7	41,2	35,4
остались, как и были, плохими	34,7	28,3	38,0	34,8	32,4	35,0
стали хуже	3,7	10,9	2,1	4,9	3,9	2,5
затрудняюсь ответить	10,2	10,9	12,7	13,7	4,9	8,2

утверждать о другой категории – работающей молодежи, имеющей образование ниже среднего уровня и среднее общее и специальное образование.

Важным критерием высокой оценки социального самочувствия работающей молодежью является осознание и ранжирование ими существующих жизненных проблем.

По итогам исследования были выявлены основные проблемные зоны работающей молодежи: это жилищная проблема и неудовлетворенность своим материальным положением. Восприятие этих проблем также рассмотрено в зависимости от уровня образования респондентов.

Одним из факторов, влияющих на самочувствие работающего человека, является удовлетворенность последнего своими жилищными условиями (см. табл. № 12).

Таким образом, респонденты образуют две контрастные группы: работники с низким уровнем образования (начальное, неполное среднее, начальное профессиональное) говорят об ухудшении жилищных условий. Чем выше уровень образования молодого человека, тем более он удовлетворен своими жилищными условиями и отмечает их улучшение. То есть прослеживается отчетливая зависимость изменения жилищных условий и уровня образования.

Итак, исследование позволяет сделать вывод о том, что образование накладывает определенный отпечаток на дальнейшую жизнь молодого специалиста, его отношения с работодателем, коллективом, внешней средой вообще. Уровень образования молодых работников, занятых в материальном производстве на крупных промышленных пред-

приятиях Челябинска, различный. Вместе с тем можно увидеть, что сегодня получение престижной профессии в основном возможно только через получение высшего профессионального образования, и чем выше этот уровень, тем шире круг карьерных возможностей и лучше социально-профессиональное самочувствие молодого работника.

1. Указ Президента РФ от 18 сентября 2008 года № 1383 «О проведении в Российской Федерации Года молодежи» // <http://www.godmol.ru>

2. Сальников Н., Бурухин С. Реформирование высшей школы: актуальное состояние и проблемы // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 5.

ИНТЕРНЕТ-РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ДВИЖЕНИЙ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ВИРТУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА?

УДК: 32.01:004.738.5 (470.5)

О.С. ПУСТОШИНСКАЯ

В отечественном научном сообществе широко представлено мнение о гражданской имобильности и политической индифферентности российской молодежи. В ситуации быстрой смены политических событий подобная теоретическая однозначность может иметь далеко идущие последствия, связанные с ошибками в политическом прогнозировании. Более того, представляется обоснованной противоположная гипотеза – о наличии в молодежной среде серьезной активности протестного характера, нарастании процессов гражданской вовлеченности, солидарности и неповиновения, что является следствием усиления социально-экономических рисков, сужения сферы публичной политики и внедрения коммуникационных технологий.

Подтвердить или опровергнуть обозначенное научное предположение призваны результаты Интернет-мониторинга сайтов молодежных организаций и движений. Фокусирование внимания на киберпространстве продиктовано логикой общественно-политического развития, связанного с всемирной глобализацией и технократизацией. Интернет обуславливает появление высокообразованной, обладающей активной позицией целевой аудитории, дает возможность действовать в пределах относительно свободного от официальной политики поля потенциалов и выборов, что вызывает увеличение количества политически и идеологически ориентированных потребителей его услуг, способствует установлению интерактивных связей, детерминируя мотивацию к социальным контактам. Все это стимулирует интерес политических сил к созданию и расширению представительств в Сети. Изучение их географии позволило составить политическую карту распространения молодежных организаций и движений в субъектах Ураль-

ского федерального округа (далее – УрФО). Выработанная классификация и анализ учредительных и программных документов дали возможность упорядочить видовое многообразие и выделить из общей массы структуры, по критерию «отношение к правящему режиму» объединенные в defend-группы (обслуживающие интересы власти молодежные организации и сообщества, в целом поддерживающие политический режим) и resist-группы (правые и левые оппозиционные движения и реакционные альянсы и группировки). В результате работы сформировалось целостное представление об имеющей место реальности.

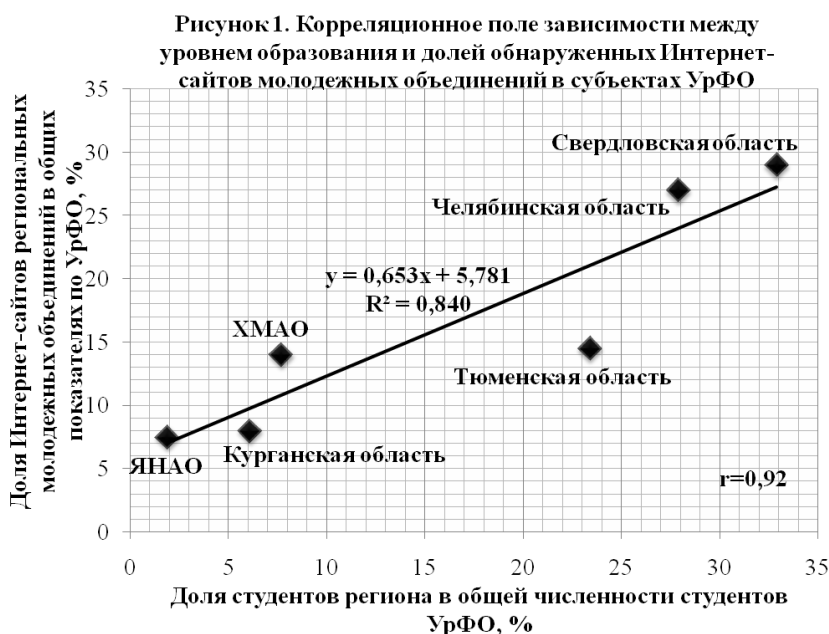
Итак, на территории УрФО, судя по зарегистрированным в Интернете сайтам и адресам электронной почты, активно действуют несколько десятков молодежных образований, различных по своей организационно-правовой форме, идеологической и политической направленности, целям и методам их достижения. На региональном поле преобладают объединения, представленные спектром основных общенациональных организаций, партий, союзов и движений, поскольку являются их местными отделениями. В то же время в пределах УрФО создаются самостоятельные структуры, например, молодежное общественное движение «За возрождение Урала» (г. Екатеринбург, г. Челябинск), молодежная анархическая группа «Блок черного знамени» (г. Курган), национал-патриотическое российское движение «Мы русские!» (г. Екатеринбург, г. Тюмень, г. Тобольск), «Единый блок левых организаций молодежи Тюмени» и др., что обещает расширение общероссийской базы молодежного политического участия.

Стратегическое значение УрФО в системе государственного развития обуславливает

масштаб молодежного движения, в то время как социально-экономическая ситуация в конкретном регионе, уровень урбанизации, размер центров, их экономический, политический и культурный потенциал, развитие научного корпуса определяют особенность дислокации молодежных сообществ в границах округа. В частности, анализ парных корреляций фиксирует плотную прямую связь между долей обнаруженных сайтов молодежных организаций и движений и уровнем развития образования, обеспеченным в пределах каждой территориальной автономии (рисунок 1).

листические группы, которые распространены повсеместно.

Установление точных данных относительно молодежной групповой вовлеченности в силу высокой партийной фрагментации и текучести, правового запрета на деятельность ряда единиц представляется проблематичным. Некоторые мобильные образования экстремистского характера из соображений безопасности избегают открытой репрезентации, в том числе в виртуальном пространстве. Структурная замкнутость, автономность, конспиративность, к примеру скинхэд-группировок, позволяют им сохранять жизне-

Таким образом, в УрФО выявляются субъекты со слабой представленностью молодежных организаций (Курганская область, ЯНАО), средней (Тюменская область, ХМАО) и сильной (Свердловская и Челябинская области). Молодежное движение в ЯНАО носит дуоцентричный характер, связанный с деятельностью национал-патриотических и радикал-националистических образований, а также правой оппозиции. В составе молодежных протестных объединений Тюменского региона преобладают организации левой и анархической направленности. Урал удерживает первенство по количеству молодежных либерально-оппозиционных структур. В общем порядке молодежных объединений выделяются ультранациона-

боепособность в условиях юридического преследования. Однако поскольку Сеть с ее сверхвозможностями свойств коммуницирования и свободы действий является единственной сферой для практически неконтролируемой самореализации, члены групп общаются и выставляют информацию о себе в «Живых журналах» и на форумах: «Планета Brigadenfuhrer», «Русские бритоголовые», «Объединенная бригада-88». В столицах и городах Центральной, Южной и Западной России основа легитимности движения закреплена на уровне регулярно или эпизодически работающих сайтов, доступ к управлению информационными потоками которых ограничен. Несмотря на высокий эклектизм внутри альянса, идеологической

установкой его политических сегментов остается расширение власти русской нации за счет этнических групп, а доминирующим паттерном коллективных действий – силовые акции. Время от времени военизированный потенциал формирований используется ключевыми акторами политического процесса в узкокорпоративных целях.

Не менее замкнутое в своей функциональной нише созданное в 2006 г. «Таежное северное братство» (далее – ТСБ) расширяет свое присутствие и усиливает влияние в ХМАО и ЯНАО – главных энергетических районах России. Эта группировка белых расистов является ответвлением украинского движения «Национальное освобождение русского народа», ставящего своей целью построение «...государства – Киевская Русь в составе Украины, Белоруссии и Русских земель, образовавшихся после демонтажа Российской Федерации...» [4, п. 5]. Деятельность ТСБ направлена на захват управления в стране в период пика кризисных явлений и включает в себя создание «инфраструктуры будущей войны» [4, абз. 1], в частности, кадрового мобилизационного ресурса. Отвергая логику уязвимой с точки зрения конспиративности вертикальной иерархии, идеологии движения акцентируют внимание активистов на формировании боевых и информационных отрядов сетевого сопротивления в виде континуума охватывающих территориальное пространство России. Стратегия, в основе которой – эксплуатация чувств национального самоутверждения и достоинства, а также собственной репрезентация в качестве выразителей общественного блага в противовес государству, осуществляющему «геноцид русского народа» [4, абз. 16], рассчитана на максимизацию тенденций социального недоверия к режиму и делегитимацию власти. Выбранная тактика, предполагающая проведение диверсионных информационных, психологических и пропагандистских операций, оставаясь в рамках правового поля, доказывает остроту угрозы, исходящей от функционирования данного формирования. Кроме того, что задача деятельности ТСБ для лидеров видится в идеологической экспансии оппозиционных молодежных движений, диапазон целей включает разрушение изнутри институциональных основ национальной системы. Так, в абз. 3 «Заметок о русской революции» указывается: «Все мероприятия «Белого сопротивления» должны быть сконцентрированы на разрушении основ взаимодействия силовых структур России...» [4].

Одной из популярных среди молодежи организаций радикальной направленности, действующей в региональном пространстве, является «Русское национальное единство» (далее – РНЕ). Образованное в 1990 г. и оказавшееся с некоторых пор вне контекста официальной политики, оно продолжает быть востребованным на теневом рынке силового сопровождения ряда проектов и активно заявлять о себе в Сети. Представительства движения открыты в Екатеринбурге, Челябинске, Тюмени, Сургуте, Новом Уренгое. Для пользователей Урала и Сибири создан универсальный сайт. Трехвалентность идеологической константы, сочетающей в себе элементы державности, национализма и приверженности православным символам, симуляция законопослушания обеспечивают РНЕ жизнеспособность и воспроизводство, несмотря на введение в отношении него запретительных санкций в ряде регионов.

Другой из сегментов ультранационального движения представлен в УрФО Национал-большевистской партией (далее – НБП). Эпатажный стиль активности членов, культивирование двойной идеологии придает ей выделенность из общего списка, а пафос риторики вызывают эмоциональную рефлексию. Расширение рамок политической игры в условиях меняющейся реальности потребовало от ее лидеров инкорпорации тем либерального протеста в прежнюю структуру якобинских идеологов, что обусловило некоторое смягчение взглядов. Однако деятельность НБП, нацеленная на перестройку существующей политэкономической модели, была запрещена в 2007 г. О степени регламентированности взаимоотношений между властью и партией свидетельствует ее слабая представленность в Сети: она имеет Интернет-отделения в Екатеринбурге, Магнитогорске и Кургане, в Сургуте и Мегионе действует на базе движения «Профсвобода». Но это не препятствует способности ее членов через участие в уличных акциях демократических и революционных движений транслировать свои требования в сферу принятия государственных решений и осуществлять разрушение мифологического содержания официальной политики. В свою очередь, оппозицией НБП с ее мощным мобилизационно-кадровым ресурсом рассматривается в качестве сильного союзника, несмотря на повышенный риск, не подверженного синдрому профессионального политического выгорания.

Трансформировавшееся в идеологический раскол по этническому признаку стол-

кновение западных и российских ценностей, запрос на консолидацию нации и государства обусловили развитие патриотического «антиоранжевого» движения в России. Как следствие, широкое распространение в УрФО получили: Евразийский союз молодежи (г. Магнитогорск, г. Челябинск, г. Екатеринбург), Движение против нелегальной иммиграции (г. Челябинск, г. Екатеринбург, г. Нижний Тагил, г. Каменск-Уральский, г. Миасс, г. Озерск, г. Тюмень, г. Сургут, г. Нижневартовск, г. Ханты-Мансийск), «Молодежный блок партии «Народный союз» (Курганская, Свердловская, Челябинская, Тюменская области), «Молодежная организация «Национал-державной партии России» (г. Челябинск). В их программах обосновывается тезис о сакраментальности российского пространства, непреходящей ценности национальных символов, верований, языка, традиций. Главная цель деятельности участников – могущественная и суверенная Россия как центр мирового порядка. Для рассматриваемых объединений характерно отрицание связанных с процессами либерализации и глобализации посылок современности и их институциональных производных. Так, в основном документе Евразийского союза молодежи четко выражено отношение к распространяющемуся *main-stream*-у: «Американцы строят мировую империю, где нам нет места... На кону – существование Великой России...» [5, абз. 1]. В гл. 3 Программы «Молодежного блока партии «Народный союз» дано чрезвычайно критическое определение трансляции чужих смыслов на отечественный социальный порядок: «Попытки втягивания России в...европейский дом, навязывание ей западной системы ценностей – гибель нашей духовности и национального самосознания...» [8]. Помимо выдвижения требований этнического содержания, патриотические сообщества добиваются изменения принципов распределения власти и совершенствования механизмов ее осуществления. Между тем, они избегают экстремальной артикуляции своих позиций по данному вопросу и в целом поддерживают направления официального курса.

Левые молодежные организации (годы образования: «Авангард красной молодежи» (далее – АКМ) – 1998, «Союз коммунистической молодежи» (далее – СКМ) – 1994, «Российский коммунистический союз молодежи» (далее – РКСМ) – 1996) несколько уступают рассмотренным выше объединениям по общему количеству созданных в

Интернете сайтов. АКМ зарегистрирован в Магнитогорске, Екатеринбурге, Тюмени, Челябинске, Сургуте и Мегионе, СКМ – в Радужном, Екатеринбурге, Кургане, РКСМ – в Тюмени. Однако следует предположить, что в реальное времени движение распространяет свое влияние на большее политическое пространство. Идеологические ценности, составляющие его квинтэссенцию, в современных кризисных условиях вновь приобретают актуальность.

Для СКМ и РКСМ как юридических лиц являются приемлемыми парламентские формы участия, открывающие каналы доступа к федеральной публичной сфере. Между тем, организации сталкиваются с давлением, ограничивающим возможность их укрепления и роста, что связано с потенциальной угрозой пересмотра господствующих властных отношений, которую они в себе несут. Деструктивную роль играют также разногласия внутри движения и проблема материально-ресурсного обеспечения. Что касается выбора методов достижения целей, то активисты СКМ и АКМ предпочитают акции прямого протестного действия, ими признается допустимость вооруженной борьбы в случае необходимости, в то время как лидеры РКСМ занимают более лояльную по данному вопросу позицию. Значимость негативных факторов объективизирует варьирование в выборе тактики. Как следствие, в основу деятельности ставится принцип максимально возможной межгрупповой диффузии, детерминирующий вступление в сотрудничество как с радикальными, так и либеральными силами. Положительный опыт, демонстрируя власть совместных коллективных действий, стимулирует к партийной интеграции. Примером может служить создание координационного объединения «Левый фронт».

В УрФО функционирует множество анархических молодежных групп. Одни из них – «Урал-АД» (г. Челябинск), «Автономное действие» (г. Екатеринбург), «Либертарный кино клуб» (г. Тюмень) – признают себя частью общероссийской федерации анархистов «Автономное действие», другие – «Мы русские!» (г. Тобольск), «Блок черного знамени» (г. Курган), «Движение за коммуны и общины» (г. Челябинск) – афирмируют автономность. В принципе отрицающие государство, они предлагают различные пути построения совершенного общества. Если либертарные коммунисты называют своей целью «радикальное сопротивление милитаризму, капитализму,

сексизму и фашизму...» [3, абз. 1], то участники «Движения за коммуны и общины» не приемлют крайних средств и выступают за построение совершенного общества через объединение граждан в самоуправляющиеся ячейки [6, абз. 13]. Политическое поведение участников анархического движения не ограничивается предустановленными императивами, а является точечным и спонтанным. Активность не сводится к антифашистской, антивоенной, антиглобалистской пропаганде, дезавуированию деятельности государственных структур, о чем свидетельствуют уличные граффити: «Оружие народу», «Никакой власти никому», «Нет нацизму» – в содружестве с другими молодежными организациями анархисты участвуют в протестных выступлениях.

Правая оппозиция представлена в УрФО рядом достаточно успешных структур: «Молодежным «Яблоком» (Курганская, Свердловская, Челябинская области, г. Тюмень, ЯНАО, ХМАО), «Объединенным гражданским фронтом» (г. Екатеринбург, г. Челябинск, г. Курган, г. Тюмень, ХМАО), «Народно-демократическим союзом молодежи» (Свердловская, Тюменская, Челябинская области), «Обороной» (Курганская, Свердловская области). На их фоне демократические движения «Мы» (г. Екатеринбург, г. Челябинск), «Демократическая альтернатива» (г. Екатеринбург), «Движение против насилия» (г. Екатеринбург) выглядят слабыми акторами. Рассматриваемые объединения действуют в правовом поле, используя парламент, средства массовой информации и разрешенные законом уличные акции. Также они позиционируют себя через осуществление правозащитной деятельности.

Смысловые коннотации программных документов не оставляют сомнений относительно генезиса и целей формирования данных образований. Так, в абз. 14 и 21 Декларации движения «Оборона» очевидно обнаруживается властный интерес: «Мы хотим демократической смены власти...» [1], в абз. 1 преамбулы программных тезисов ОГФ определена цель: «...демонтаж антиконституционного путинского режима...» [7]. Вероятно, радикальное ослабление общественной мотивации к иерархии либеральных норм и процедур, выведение из поля политических отношений прозападных элементов, усиление центробежных тенденций стимулировали инвестирование проектов, призванных обеспечить мобилизацию поддержки, необходимой для делегитимации российской власти.

Сохранять ситуацию отлаженного консенсуса и стабильности в молодежном пространстве и инактивировать резонанс протестных выступлений призваны объединения, близкие к истеблишменту. Их список возглавляет «Молодая гвардия», в п. 1.3. Устава которой содержится положение, указывающее на ее политическую ориентацию, ангажированность: «Организация поддерживает идеи Всероссийской политической партии «Единая Россия» [9]. Среди функционирующих на территории УрФО в качестве другой подобной единицы, агрегирующей и артикулирующей конформные настроения, выступает движение «Наши». Участники этого проекта в целом поддерживают режим, однако допускают эскорпориацию зрелых членов элиты с одновременной ротацией молодых лидеров. В Манифесте движения содержится призыв: «Наше поколение должно сменить у руля управления страной поколение пораженцев...» [2]. Весомые финансовая и организационная составляющие обеспечивают данным сообществам популяризацию и рост. «Молодая гвардия» имеет партийную сеть во всех субъектах УрФО. Движение «Наши» также наращивает политический потенциал, открывая отделения в Екатеринбурге, Челябинске, Тюмени, Сургуте, Ноябрьске. Для прагматичной части молодежной генерации названные структуры с точки зрения карьерного роста и допуска в органы власти являются привлекательными объектами.

Таким образом, опыт проведенного исследования позволяет выдвинуть предположение о растущей политизированности российской молодежи. Масштаб институционализированной вовлеченности и количество самостоятельных формирований в УрФО свидетельствуют не только о стремлении значительной ее части к самовыражению и самоутверждению, но и о наличии внутренней потребности влиять на процессы принятия решений, обуславливающих изменение социальных отношений, и потенциальной готовности к коллективному протесту. Растущая мобилизация вызвана различными возмущающими факторами как объективного, так и регулирующего характера: экономической нестабильностью и социальной незащищенностью, сужением сферы публичной политики и бюрократизацией управленческого сектора, столкновением с государством и разочарованием в попытках решить проблемы неконфликтными средствами. С другой стороны, в качестве детерминанты

выступает Интернет. С внедрением скоростных средств технической коммуникации преодолена проблема энтропии информационной достоверности и политической компетентности. Получение глобального опыта позволяет разбираться в политических установках и конструировать собственные модели мнений независимо от официального курса. Формирование интерактивных связей стимулирует мотивацию к социальным контактам. Осознание невозможности решать вопросы на индивидуальном уровне влечет групповую самоорганизацию, отличающуюся как структурным и содержательным многообразием, так и конкурентной множественностью. Одни из объединений характеризуются открытостью и пермиссивностью, другие – замкнутостью и конфликтностью. География их распространения отличается неравномерностью, что отражает потенциал влияния политических сил, а также социально-экономическую ситуацию в конкретном регионе. Однако в целом молодежные организации и движения составляют единую систему консолидации, в которой фактор сопротивления становится реальностью.

Изучение молодежной политической активности в границах медиатизированного пространства не позволяет категорично заявлять, что адекватные процессы будут взрывным образом нарастать в реальном времени, однако предпосылки такой возможности налицо. Прогрессирующее в молодежной среде отрицание знаковых ценностей, характерных для официального публичного сегмента, создает условия для конструирования нового символического среза и политических инструментов, заполняющих образовавшийся вакуум. Пока они находят свое распространение в интерактивном поле, время от времени проявляясь вне него, однако в ближайшем будущем могут получить импульс к активной реализации в действительности. В ситуации возникновения новых и усиления прежних факторов, провоцирующих на политическую активность и вследствие интенсификации запроса на молодежный протестный потенциал в рамках реализации политических замыслов заинтересованных контрагентов, подобные тенденции приобретают вполне отчетливые контуры.

1. Декларация движения «Оборона». [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.oborona.org>, свободный (13. 04. 09).
2. Манифест движения «Наши». Раздел «Сменить формат». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.nashi.su>, свободный (12. 04. 09).
3. Манифест движения «Автономное действие». Раздел «Наши идеалы и цели». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.avtonom.org>, свободный (13. 04. 09).
4. Основные положения движения «Таежное северное братство». Разделы «Наше отношение к Уголовному кодексу и иным законам РФ», «Заметки о русской революции», «Методы мягкого геноцида». [Электронный ресурс] // Режим доступа: [https:// forums.nordus.info/showthread.php?t=71](https://forums.nordus.info/showthread.php?t=71), свободный (16.04.2009).
5. Программа движения «Евразийский союз молодежи». Разделы «Американский враг» и «Молодежь Евразии – финальная надежда». [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// www.rossia3.ru](http://www.rossia3.ru), свободный (12. 04. 2009).
6. Программа Движения за коммуны и общины. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://commune.narod.ru>, свободный (12. 04. 09).
7. Программные тезисы движения «Объединенный гражданский фронт». [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.rufront.ru>, свободный (13. 04. 09).
8. Программа «Молодежного блока партии «Народный союз». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.partia-nv.ru>, свободный (14. 04. 2009).
9. Устав организации «Молодая гвардия». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru>, свободный (12. 04. 09).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ

УДК 321.01

А.А. БОРИСЕНКОВ

Сущность политического развития.

Представления о политическом развитии, сложившиеся сегодня в политологической литературе, опираются преимущественно на анализ и выяснение соотношения различных явлений «политической динамики». Например, рассматривается связь «политического развития» с «политическими изменениями» и «политическим процессом». В итоге «политическое развитие» характеризуется как один из способов «политических изменений» (в отличие от других способов, в качестве которых называют, в частности, «функционализацию» и «упадок» политических явлений).

Предлагается следующее определение политического развития – это «такие модификации базовых параметров политических явлений, которые предполагают дальнейший позитивный характер эволюции последних. Например, в масштабе социума развитие может означать такие изменения, при которых политика государства выводится на уровень, позволяющий властям адекватно отвечать на вызовы времени, эффективно управлять общественными отношениями, обеспечивать удовлетворение социальных требований населения. Такой характер политических изменений содействует повышению соответствия политической системы изменениям в других сферах общественной жизни, совершенствованию её способностей к применению гибких стратегий и технологий властвования с учётом усложнения интересов различных социальных групп и граждан» [1].

Главное в этом суждении заключается, пожалуй, в том, что политическое развитие рассматривается как «позитивная» эволюция политики, состоящая в «повышении её ответственности» изменяющимся общественным потребностям.

Приведём ещё одно высказывание: «Политический процесс можно и должно объяснять как определённые перемены в состояниях политической системы, обеспечивающие цикл её воспроизводства (становление, функционирование, развитие с выходом на более высокий уровень). Вместе

с тем между понятиями политического процесса, политического изменения и развития есть существенное различие. Если процесс воспроизводит политическую систему, то изменения и развитие представляют собой не просто преобразование внутренних свойств системы, а ещё и её переход в иное качественное состояние либо смену одного системного типа другим» [2].

Не трудно видеть, что оба отмеченных выше высказывания представляют один и тот же подход к толкованию политического развития и дополняют друг друга отдельными деталями. Обобщая эти суждения и выделяя в них самое существенное, можно заключить, что политическое развитие, во-первых, характеризуется как явление, которое входит в состав политического процесса, а, во-вторых, определяется как «поступательно-восходящее» или «позитивное» движение политической системы, в процессе которого она претерпевает качественные изменения.

На первый взгляд кажется, что данный подход является достаточно убедительным. Есть политическая система. В ней происходят позитивные качественные изменения, вследствие чего она переходит на другой уровень своего существования и тем самым развивается. Однако более глубокий анализ приведённых высказываний рождает ряд вопросов, требующих дополнительного комментария и дальнейших размышлений.

Прежде всего возникают вопросы по поводу соотношения понятий политического развития и политического процесса, а также по поводу толкования данного процесса. Главная проблема заключается здесь в том, что политический процесс понимается весьма широко (на наш взгляд, необоснованно) и с позиции ряда политологов включает в себя всё, что имеет «динамическую характеристику» применительно к политике [3]. При этом собственно политическое развитие трактуется как некий компонент политического процесса [4]. В результате смешиваются два разных типа процессов, входящих в состав политического бытия, а именно: *процесс политической жизни* и *процесс политического влияния*. Рассмотрим это подробнее.

Как было установлено ранее, все политические явления можно определённым образом классифицировать и разделить на относительно самостоятельные группы, характеризующие различные способы политического бытия [5]. В нашем случае речь идёт о таких способах политического бытия, как политическая жизнь и политическое влияние. И то, и другое явление характеризует движение политики. Поэтому термин «процесс» применим к каждому из них.

И тем не менее их неправомерно смешивать между собой. Образуя различные грани существования политики, они остаются различными, относительно самостоятельными способами её бытия. Они являют собой разные виды движения политики. В одном случае «процесс» относится к политической жизни и означает её протяжённость во времени. Он охватывает собой её различные периоды – возникновение и формирование, осуществление и переход на новый уровень. Такой процесс отражает периодизацию политической жизни, а вместе с этим – этапы в существовании сопряжённого с ней политического организма. Движение политики от момента возникновения конкретного политического организма и до момента его разрушения есть *процесс* развития этого политического организма, с которым связан один из циклов политической жизни. Политическое развитие не может осуществляться иначе, как на основе развития конкретных, сменяющих друг друга политических организмов.

В другом же случае речь идёт о процессе политического влияния, т.е. о том, как политика реализует своё назначение в обществе. Такой процесс отражает собой ход политического влияния, состоящий в принятии руководящих решений. Он раскрывает «управленческую» миссию политики и образует особый вид управленческого процесса. Именно он называется политическим процессом. *Политический процесс – это разновидность общественного процесса, отражающая своим содержанием ход принятия руководящих решений.*

Следовательно, процесс политического развития и политический процесс – это два разных типа процессов. Они совсем не смешиваются друг с другом, и один не входит в состав другого. Они соотносятся между собой так же, как политическая жизнь и политическое влияние, и характеризуют разные грани политического бытия. Однако связь между ними существует, и заключается она в том, что политический процесс (ход при-

нятия руководящих решений) обусловлен функционированием политического организма или, другими словами, опосредствуется политической жизнью.

Таким образом, обращаясь к «динамическим» характеристикам политики, необходимо различать два вида её движения. Во-первых, «временной» вид, который сопряжён с политическими изменениями, происходящими во времени, и означает политическое развитие. Во-вторых, «управленческий» вид движения, который составляет содержание политического влияния. Смещение этих видов движения приводит к смешению соответствующих им типов процессов, что усложняет, в частности, понимание политического развития.

Другой вопрос, требующий комментария, связан с характеристикой политического развития как «поступательно-восходящего» движения политической системы. Разделим этот вопрос на две части и рассмотрим сначала пункт о движении политической системы, а затем – о «поступательно-восходящем» характере этого движения. Необходимость такого разделения вытекает из существующих различий, во-первых, политической системы и политической жизни, а, во-вторых, политического развития и политического прогресса.

По первому пункту следует отметить, что политическая система является только одной из форм осуществления политической жизни (здесь важно понимать, что система, всякая система вовсе не есть целое, хотя целое вполне может быть системным. Системность и целостность – это две разные характеристики бытия, которые часто смешиваются между собой). Наряду с политической системой существуют ещё политические отношения, представляющие собой эту систему и, следовательно, также входящие в содержание политической жизни. При этом политическое развитие, обусловленное политической жизнью, не может быть связано только с отдельными формами этой жизни. Политическое развитие – это процесс, который обусловлен всей полнотой политической жизни и потому является результатом изменений, происходящих не только в политической системе, но и в политических отношениях. Политическое развитие не тождественно «развитию политической системы».

Далее. Политическая жизнь неразрывна с политическим организмом. Например, если рассматривать политическую жизнь, протекающую на высшем уровне современного

российского государства, то она сопряжена с деятельностью его высших политических учреждений, составляющих его особый политический организм. Этот организм складывается из особых функций Федерального Собрания, а также Президента Российской Федерации, определяющих своим взаимодействием форму правления в государстве.

Политический организм служит средством, благодаря которому политическая жизнь осуществляется. В свою очередь политическая жизнь выступает как способ существования соответствующего ей политического организма. Политический организм и политическая жизнь образуют две стороны одной «медали». Такая взаимосвязь политической жизни и политического организма означает, что политическое развитие опирается на оба эти явления одновременно и отражает качественные изменения, происходящие в них обоих, характеризует движение политики от одного своего состояния к другому.

Можно предложить следующее определение политического развития – это *качественные изменения политической жизни, которые проявляются в возникновении и формировании, функционировании и разрушении одного политического организма и в переходе её в другой политический организм*. Такие изменения составляют особые периоды политической жизни и одновременно особые этапы в развитии политического организма. По своему характеру эти изменения являются *необратимыми, направленными и закономерными* изменениями, что служит критерием развития [6]. Кроме того, в своей совокупности они образуют жизненный цикл политического организма, свидетельствующий о том, что политическое развитие, как и сама политическая жизнь, носит *циклический* характер.

Совсем другое дело, когда речь идёт об изменениях, означающих «поступательно-восходящее» или «позитивное» движение политики. «Позитивность» политических изменений раскрывается только в результате перехода политики от одного своего, менее совершенного состояния к другому, более совершенному состоянию. Такие изменения обнаруживаются отнюдь не в рамках отдельного жизненного цикла политического организма, а в результате сопоставления между собой его различных жизненных циклов. Это особый вид качественных политических изменений, для которого важно установить, как изменяется состояние политики, соответствующее её разным жизненным циклам.

Такого рода качественные политические изменения могут служить показателем или политического прогресса, или политического регресса. Как политический прогресс они действительно отражают «поступательно-восходящее» движение политики и могут рассматриваться в качестве явления «повышения её соответствия» изменяющимся общественным потребностям.

В отличие от политического развития, которое характеризуется своей необратимостью, направленностью и закономерностью, а также циклическостью политических изменений, политический прогресс может иметь и обратимый характер. В частности, политические изменения могут менять своё направление, например, в сторону регресса. Кроме того, политический прогресс – и это очевидно – носит производный от политического развития характер, поскольку проявляется в результате сопоставления между собой ряда жизненных циклов. Выходит, что политическое развитие образует основание как для политического прогресса, так и для возможного политического регресса.

Таким образом, политическое развитие и политический прогресс – это разные политические явления. Характеризуя политическое развитие как «поступательно-восходящее» или «позитивное» движение политики, исследователи смешивают между собой указанные явления и этим искажают сущность политического развития. На самом деле политическое развитие охватывает собой только такие политические изменения, которые носят циклический характер и разделяют это развитие на особые этапы и типы.

Этапы и типы политического развития. В современной политологии структурирование политического развития нашло своё отражение в выявлении его различных волн и циклов, а также в разработке особой модели «фазовой дифференциации» [7]. Примечательно, что эта модель непосредственно не учитывает ни существования политического организма, ни его связи с политической жизнью. В результате предлагаемые «фазы» жизненного цикла никак не соотносятся с типами политического развития, что в итоге снижает обоснованность этой структуры.

Разделяя политическое развитие на этапы и соответствующие им типы, мы руководствуемся в качестве критерия логикой существования отдельного политического организма. Такой организм, как, впрочем, и всякий организм, в какой-то момент возникает и формируется. Затем, сформировавшись,

он осуществляет свою жизнедеятельность и, как следствие, реализует свое назначение – служит принятию руководящих решений. С течением времени он «стареет», становится противоречивым и, наконец, перестаёт осуществлять своё назначение, вследствие чего приходит в упадок и разрушается. Данная логика охватывает собой весь жизненный цикл политического организма и позволяет установить на уровне этого цикла три качественно различных этапа политических изменений и, как следствие, три соответствующих им типа этих изменений.

Первый этап – это возникновение и формирование политического организма, которое завершается его становлением. Этому этапу соответствует тип политических изменений, который отражает начальный (исходный) период политической жизни, т.е. период её зарождения и становления. Политического организма ещё нет, он только формируется. Следовательно, нет и самой политической жизни. Но политическое развитие уже началось. Такой тип политических изменений можно назвать *исходным*, он характеризует процесс возникновения и становления политической жизни.

Второй этап – это жизнедеятельность политического организма. Этот этап охватывает собой политические изменения, которые связаны с осуществлением сложившейся политической жизни. Подчеркнём здесь, что такие изменения нельзя свести к простому воспроизводству или механическому функционированию политического организма. Особенность этих политических изменений заключается в том, что политический организм, как и всякий организм, находящийся в процессе своей жизнедеятельности, «стареет». В нём постепенно происходят необратимые, направленные и закономерные изменения, которые отражают состояние изменяющихся политических связей между людьми [8]. В результате в политической жизни накапливаются противоречия – *политические противоречия*. Такой тип развития называют ещё «эволюционным» [9]. *Политическая жизнь есть способ политической эволюции.*

Если на первом этапе политического развития политическая жизнь только возникает и формируется, то на этом этапе она в полной мере осуществляется и одновременно эволюционирует. Этот этап охватывает собой основную часть жизненного цикла политического организма. Поэтому соответствующий ему тип политических изменений можно назвать *основным*.

Третий этап – это разрушение политического организма. «Устаревший» и противоречивый политический организм в какой-то момент прекращает своё функционирование и разрушается, подготавливая этим условия для возникновения и формирования нового политического организма. В результате разрешаются сложившиеся на предыдущем этапе политические противоречия, а политическая жизнь переходит на свой новый уровень (к новому политическому организму) и тем самым совершенствуется. Такой тип развития называют ещё «конфликтным» или «революционным». Особенность политических изменений на этом этапе состоит в том, что политическая жизнь переходит к своему новому циклу. Поэтому данный тип политических изменений можно назвать *переходным*.

В итоге же раскрывается, что политическое развитие как процесс охватывает собой, во-первых, весь жизненный цикл определённого политического организма, а, во-вторых, все жизненные циклы последующих политических организмов, обусловленные переходом политической жизни к своему новому организму. Становится очевидным, что политическое развитие, составленное из совокупности сменяющих друг друга жизненных циклов, выступает как спиралевидный процесс.

Таким образом, необратимые, направленные и закономерные политические изменения сопровождают собой все периоды политической жизни и все этапы существования соответствующего ей политического организма. Сначала они воплощаются в становлении политической жизни, затем в накоплении в этой жизни противоречий, и, наконец, в разрешении этих противоречий и её переходе на новый уровень. В результате выделяются три типа политического развития, каждый из которых является вполне закономерным, определённым образом направленным и необратимым, а именно: исходный, основной и переходный.

Иной раз политическое развитие трактуется слишком узко и сводится по существу к одному из периодов политической жизни, а именно: исходному. Например, О.Ф. Шабров, размышляя о политическом развитии, отмечает «три этапа бытия»: развитие, зрелость и упадок. «Иными словами, – заключает он, – развитие представляет собой только один из трех этапов бытия системы, предшествующий её зрелому состоянию и деградации, упадку» [10].

Получается, что политическое развитие осуществляется только в период возникновения и становления политической жизни и на этом как бы прекращается и что другие периоды жизненного цикла не имеют необратимых, направленных и закономерных изменений. В результате политическое развитие приобретает как бы прерывистый характер. Очевидно, что это не так. Это противоречит всеобщим законам развития, отражающим собой не только становление различных явлений, но также и накопление в них изменений и переход их в новое качество. Политическое развитие осуществляется во все периоды политической жизни, однако каждому её периоду соответствует свой особый тип этого развития.

Отметим также, что политическое развитие вполне можно связать с таким явлением, как «политическая модернизация» [11]. На первый взгляд может показаться, что политическая модернизация – это многоплановое явление, которое не совсем «вписывается» в структуру политической жизни. Однако по своей сути политическая модернизация означает конкретно-исторический переход политической жизни из одного своего качественного состояния в другое. Такой переход может быть относительно легким и быстрым, если политические реформы осуществляются на основе развитых социальных предпосылок и носят при этом «решительный» характер. А может быть тяжёлым и «болезненным» и может включать в себя несколько переходных жизненных циклов, каждый из которых может завершиться очередным конфликтом или кризисом.

Особенность политической модернизации состоит в том, что она представляет собой преобразование политической жизни, сложившейся в условиях государства недемократического типа, в политическую жизнь, соответствующую демократическому устройству современного государства. Такой переход, естественно, отличается особой продолжительностью и сложностью и отражает по существу установление нового (демократического) типа политического развития. Отсюда также следует, что структурирование политического развития по своим типам может осуществляться не только с позиции разделения отдельных жизненных циклов на этапы, но и с позиции определённого общественного устройства. Однако это уже будет типология, отражающая особенности конкретного политического перехода.

Таким образом, в политическом развитии на уровне отдельных жизненных цик-

лов можно выделить три этапа качественных политических изменений, разделяющих это развитие на соответствующие типы. Речь идёт об исходном, основном и переходном этапах и типах политического развития.

Применимость данной типологии к существованию различных, сменяющих друг друга политических организмов, означает, что политическое развитие носит циклический, повторяющийся характер, что оно закономерно. Следовательно, существуют *законы* политического развития, которые отражают эту цикличность и сопряжены с различными типами этого развития. Изучая типы политического развития, мы можем познать и его законы.

Дальнейший анализ структуры политического развития состоит в том, чтобы установить политологические понятия, отражающие рассмотренную выше логику этого развития. Это позволит выявить основы, а затем и формы политического развития.

Основы и формы политического развития. Этот вопрос не получил должного освещения в политологической литературе. Исследуются только некоторые из основ и форм политического развития, при этом их связь раскрывается не всегда последовательно и полно. Вместе с тем этот вопрос не представляет особой сложности. Установленные выше этапы и типы политического развития позволяют уточнить и систематизировать представления о его основах и формах.

Так, исходный тип политического развития приводит к возникновению и формированию политической жизни. На этом этапе складываются отдельные функции, устанавливается их взаимосвязь и в результате возникает политический организм, носитель указанной жизни.

Особое значение исходного типа политического развития состоит в том, что он «подводит» к пониманию *основ*, из которых «вырастает» политическая жизнь. Эти основы играют ключевую роль в возникновении политического организма: они содержат в себе законы возникновения политической жизни, т.е. определённые законы политического развития. При этом сами основы остаются «за пределами» политической жизни, они не входят в её состав и не являются её структурными элементами. Политическая жизнь состоит не в них, а в осуществлении вырастающих из них внутренних функций политического организма. Но без таких основ политическое развитие не может существовать.

Чтобы раскрыть эти политические основы, нужно установить политологические понятия, их представляющие. Такие понятия являются ключевыми для всей политической теории и образуют основу всей её понятийной системы. Они определяют собой содержательные особенности всех остальных политологических понятий, а также их внутреннюю взаимосвязь и субординацию. При этом особое значение придается исходному политологическому понятию, представляющему собой логическое начало и политической жизни, и политической теории [12].

Если обратиться к политологической литературе, то в качестве исходного пункта политической теории нередко выделяется понятие *политики* или *политического* [13]. Многие исследователи, особенно авторы учебников по политологии, начинают раскрывать систему политологических понятий именно с понятия политики. Такое начало является вполне естественным и обусловлено тем, что политология есть учение о политике.

Однако политика как явление служит объектом всего политологического исследования и изучается на всём его протяжении. Это означает, что понятие политики для политологии является самым широким по своему содержанию и концентрированно заключает в себе всё политическое знание, которое затем раскрывается через другие, более частные политологические понятия, в том числе и через понятие политической жизни. Следовательно, применительно к политической жизни понятие политики не может представлять её логическое начало.

Изучение содержания политической жизни необходимо начинать с понятия *политической деятельности*. Исходным пунктом всякого общественного развития является соответствующая форма социальной активности. Применительно к политике речь может идти только о политической деятельности. Некоторые исследователи, отмечая особую значимость политической деятельности, пытаются даже усматривать в ней сущность политики.

Значение политической деятельности для политического развития состоит в том, что в процессе её осуществления между людьми складываются особые общественные связи – политические связи, которые определённым образом объединяют их в политическом процессе. Такие связи приводят к возникновению особого социального образования, которое можно назвать

политическим организмом и благодаря которому политика как явление выделяется из всего, окружающего её общественного мира. Следовательно, политическая деятельность служит определённой основой и исходным пунктом политического развития. Она содержит в себе один из законов возникновения и формирования политической жизни и вполне закономерно выступает в качестве её логического начала. *Политическая деятельность есть исходное для политической теории политологическое понятие.*

Изучая политическую деятельность, мы неизбежно приходим к необходимости осознания и другой политической основы, которая определяет собой качественные характеристики всей политической реальности и прежде всего самой политической деятельности. Речь идет о *политической власти*, представляющей собой политическую субстанцию (первооснову политики) и служащей критерием «всего политического». Накопленные сегодня политические знания убедительно говорят о том, что политическая власть есть именно та основа, «вокруг которой» образуется качественно особый вид общественной, точнее политической жизни, а значит, особое общественное явление, называемое политикой. Политика как общественное явление обладает особым качеством, которое отличает её от государства, демократии, гражданского общества и других общественных явлений. И всё это благодаря политической власти. В политической власти содержится один из законов возникновения и формирования политической жизни, а значит, один из законов политического развития. *Политическая власть есть субстанциональное политологическое понятие.*

Таким образом, ключевыми понятиями, составляющими основы всей понятийной системы политологии, являются «политическая деятельность» и «политическая власть». Политическая деятельность образует начало политической жизни, а политическая власть заключает в себе критерий «всего политического». Оба явления представляют исходный тип политического развития и содержат в себе законы возникновения и становления политической жизни. В качестве политических основ они определяют также структурные элементы этой жизни, служащие формами её осуществления.

Формы осуществления политической жизни обусловлены наиболее устойчивыми и повторяющимися политическими связями,

составляющими собой политический организм. Эти формы соответствуют основному этапу и типу политического развития и потому образуют основные элементы в его структуре. Следовательно, они служат основными формами политического развития и содержат в себе соответствующие законы этого развития.

Чтобы установить, каковы эти формы, необходимо руководствоваться особенностями строения политического организма. Политический организм, как и всякий организм, состоит, во-первых, из различных внутренних функций, а, во-вторых, из их взаимосвязи (системы этих функций). Они и служат формами осуществления политической жизни.

При этом внутренними функциями политического организма являются политические отношения. Если обобщить все разнообразие политических действий, которые осуществляют пользователи политической власти, например в условиях современного парламента, то эти действия сводятся в итоге к двум важнейшим видам политических отношений, а именно: *руководству и оппозиции*. Данные политические отношения обусловлены разделением членов парламента на «большинство», которое определяет своими возможностями основное содержание принимаемых руководящих решений, и «меньшинство», которое противостоит указанному «большинству».

Руководство и оппозиция составляют две основные внутренние функции политического организма, складывающегося в управленческой сфере современного демократического государства. Они обусловлены различным характером использования политической власти в парламенте. Политическая жизнь такого государства не может осуществляться без этих отношений. Поэтому политические отношения образуют основной тип политического развития и заключают в себе один из законов этого развития.

Будучи внутренними функциями политического организма, политические отношения выступают как частные формы его жизнедеятельности. А наряду с ними образуется общая форма осуществления политической жизни, являющаяся собой взаимосвязь данных функций или их систему. Без такой взаимосвязи никакой сложно развитый организм не может существовать. Если внутренние функции – это способ жизнедеятельности отдельных компонентов организма (его органов), то его система (система этих функ-

ций) есть способ жизнедеятельности организма в целом. Система внутренних функций политического организма есть *политическая система*, которая служит общей формой осуществления политической жизни. В политической системе заключён один из законов политического развития, также представляющий основной тип этого развития.

Таким образом, основному типу политического развития в условиях современного демократического государства соответствуют два вида форм проявления и осуществления политической жизни, которые представлены, во-первых, политическими отношениями и, во-вторых, политической системой. Эти формы «организуют» и упорядочивают собой политическую жизнь и придают ей закономерный характер. Они же выступают в качестве важнейших форм политического развития.

Значение форм осуществления политической жизни состоит также в том, что они накапливают в себе политические противоречия, служат факторами развития этих противоречий, а в итоге определяют собой ещё одну группу форм политического развития. Последние вырастают из политических противоречий и называются *факторами совершенствования* политической жизни. Такие факторы соответствуют переходному типу политического развития и содержат в себе законы данного перехода.

Например, политические отношения, накапливая в себе противоречия, служат основанием возникновения *политического конфликта*, который ведёт к разрешению этих противоречий и тем самым выступает в качестве фактора совершенствования политической жизни. Другим фактором совершенствования политической жизни служит *политический кризис*, который обусловлен образующимся несоответствием политического организма потребностям политического процесса и ведёт к разрушению этого организма.

Таким образом, переходному типу политического развития соответствуют два вида явлений, служащих факторами разрешения политических противоречий и совершенствования политической жизни, а именно: политический конфликт и политический кризис. Они не являются элементами в структуре политической жизни, но они производны от этой жизни, вырастают из её противоречий и способствуют её переходу на новый уровень. Поэтому они также являются формами политического развития.

В целом в структуре политического развития можно выделить две группы элементов. Первую группу составляют формы осуществления политической жизни, к которым относятся политические отношения и политическая система. Во вторую группу входят факторы совершенствования этой жизни, в качестве которых выступают политический конфликт и политический кризис. Обе группы политических явлений представляют два различных типа политического развития, заключают в себе соответствующие законы этого развития и могут рассматриваться как особые формы этого развития.

В итоге же получается, что трём, рассмотренным выше типам политического развития соответствуют три периода политичес-

кой жизни и три группы явлений, так или иначе характеризующих эту жизнь. Исходный тип политического развития сопряжён с основами формирования политической жизни, которые однако не входят в структуру политического развития, но благодаря им политическая жизнь возникает. Основной тип политического развития раскрывается благодаря сложившимся формам осуществления политической жизни, образующим элементы её структуры. А переходному типу политического развития соответствуют факторы совершенствования политической жизни. В своей совокупности указанные явления политической реальности образуют основы и формы политического развития, заключающие в себе его законы.

1. Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. М., 2000. С. 290.
2. Политология. Учеб. / А.Ю. Мельвил и др. М., 2005. С. 322.
3. «Таким образом, политический процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию политических явлений, конкретное изменение их состояний во времени и пространстве» (Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. М., 2000. С. 289).
4. «Данные категории, хотя и являются родственными, соотносятся как целое и часть. Политический процесс – это единство структуры и функций. Политическое развитие представляет собой только функционально-динамическую характеристику политического процесса, т.е. рассматривает эволюционные либо революционные аспекты политической системы» (Политология. Учебник / под ред. С.Г. Киселёва. М., 2008. С. 148).
5. О способах политического бытия подробнее см.: Борисенков А.А. Политическая структура: теоретико-методологический взгляд // Социум и власть, 2008, № 2.
6. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 561.
7. См., например: Лапкин В.В. Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Полис, 2002, № 4.
8. «Функционирование системы, даже по, казалось бы, «заведённому кругу» сопровождается незначительными, количественными изменениями. Со временем достигнув определённой величины, количественные изменения приводят к процессу перестройки как элементов, так и структуры, к трансформации системы (иногда к её гибели). Это особенно важно учитывать при изучении социальных систем, развитие которых неизбежно сопровождается трансформацией, переходом из одного качественного состояния в другое» (Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002. С. 11).
9. «Прогресс биологической теории и социальных наук создал твёрдые основания для включения общества и культуры в состав общей теории эволюции – эволюции живых систем» (Т. Парсонс. Системы современных обществ. М., 1998. С. 12).
10. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. С. 42.
11. «Как известно, модернизация есть совокупность важнейших процессов качественного преобразования, сопровождающихся расширением адаптационных возможностей социально-политической системы и её переходом на новый режим развития. Для процессов модернизации характерно сложное взаимодействие современных и традиционных институтов, вследствие чего появляются диспропорции и рассогласование» (Пантин В.И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития // Полис, 2002, № 4. С. 22).
12. Подробнее о месте и роли ключевых понятий см.: Момджян К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М., 1986.
13. См., например: Соловьёв А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис, 1998, № 4. С. 9.

ПРАКТИКА ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ

УДК 323.172 (430+571)

В.И. МЕРКУШЕВ

В настоящее время в Российской Федерации реализуется пять проектов укрупнения субъектов Федерации. Из всех регионов только сложносоставные субъекты попали в список кандидатов на укрупнение. Это области и края с автономными округами. С точки зрения федерального центра укрупнение этих субъектов вызывает наименьшее число сомнений. Во-первых, ликвидируется правовой нонсенс, при котором часть получает юридический статус, равный целому. Во-вторых, слаборазвитые автономные округа, входящие в состав краев и областей, получают существенную экономическую поддержку для выравнивания социально-экономических показателей с «материнским» регионом (в большинстве случаев округа значительно отстают от краев и областей в экономическом развитии) [1]. В-третьих, объединенный субъект получает инвестиционную поддержку для повышения своей самодостаточности. В основном это развитие сырьевых отраслей экономики и традиционного индустриального производства.

Можно выделить основные предпосылки укрупнения, несущие определенные выгоды для федерального центра, но в той или иной мере нарушающие основополагающие федеративные принципы:

- уменьшается количество проблемных субъектов-реципиентов (забота о них перекладывается на поглощающие их субъекты-доноры);

- система управления страной упрощается, снижаются как политические, так и финансовые издержки на ее содержание;

- в целом уменьшается ответственность центра за качество и объем предоставляемых населению услуг, так как ответственность переносится на уровень вновь создаваемых экономически самодостаточных субъектов Федерации;

- уход от принципа формирования административно-территориального деления на основе национального фактора, ликвидация национальных автономий в качестве субъектов Федерации.

В дальнейшем появились и другие стимулирующие объединение факторы:

- стремление губернаторов выторговать для региона дополнительные финансовые потоки, «выгоднее продать регион»;

- желание бизнес-структур региона получить от объединения как можно больше выгод;

- лоббирование собственных интересов (получив влияние на власть нового региона, можно добиться решения экономических задач); участие в инвестиционных проектах, которые могут сопутствовать укрупнению;

- стремление федеральных корпораций минимизировать административные издержки при реализации крупных экономических проектов;

- желание региональных элит проявить лояльность по отношению к центру.

Одним из основных методов продвижения центром объединительного процесса стал так называемый «пакет Козака». Так, в законе от 4 августа 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» закреплено, что все полномочия по предметам совместного ведения, осуществление которых делегируется регионами, и все полномочия регионов по предметам совместного ведения, реализуемые за счет федеральных субвенций, осуществляются на территории округов краевыми, областными органами государственной власти. Что касается полномочий регионов по предметам совместного ведения, финансируемых из их бюджетов, то краю и областям передано осуществление на территориях округов 24 (наиболее важных) полномочий. Далее с каждым годом этот список постоянно расширялся. Кроме того, в законе записано, что доходы от собранных на территориях округов федеральных налогов, подлежащие по общему правилу зачислению в бюджеты регионов, должны поступать в краевой и областные бюджеты. Аналогичная

норма содержится и в принятых в 2004 г. поправках к Бюджетному кодексу. Там же установлено, что дотации из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ (ФФФПСРФ) для края, областей, в состав которых входят округа, рассчитываются для консолидированного бюджета края, области, включая бюджеты автономных округов, и зачисляются в бюджет края, области и т.д.

Таким образом, согласно пакету законодательных инициатив округа лишались практически всего – и полномочий и доходов. Тем самым они фактически теряли статус самостоятельных субъектов Федерации. Считалось, что это будет подвигать округа к объединению в новые регионы. В поправках к Бюджетному кодексу было предусмотрено исключение для автономных округов, которые пожелают объединиться и проведут до 1 октября 2006 года объединительные референдумы. Для них сохранялись дотации из ФФФПСРФ до начала 2009 года. В отношении других автономных округов данная норма прекращала действовать с января 2006 года.

Еще на этапе обсуждения и принятия закона № 95-ФЗ удалось «смягчить» некоторые невыгодные для автономий положения. Округам давалась возможность сохранить за собой полномочия по предметам совместного ведения, реализуемых за счет региональных бюджетов, то есть передать осуществление полномочий округам, а также доходы от федеральных налогов и дотаций из ФФФПСРФ, в случае если край или область откажутся от них в рамках договора.

На сегодняшний день этим положением воспользовались только автономные округа Тюменской области. Остальные автономные округа предпочли объединиться с «материнскими» территориями. Единственный автономный округ, который в 2008 году исполнил закон без каких-либо изменений, – это Ненецкий автономный округ. Его статус сейчас скорее приближен к муниципальному образованию в составе Архангельской области, так как большая часть доходов (отчисления по федеральным налогам) и полномочий перешла к областному центру.

Но на протяжении трех лет с начала действия Федерального закона № 95-ФЗ (2005–2007 гг.) между Ненецким автономным округом и Архангельской областью ежегодно заключались договоры, предполагающие передачу части налоговых доходов автономного округа в бюджет области в обмен на сохранение статус-кво. Договорный

вариант межсубъектных отношений развивался и в Тюменской области, где «материнская» территория также получила существенные налоговые доходы автономий в обмен на сохранение статус-кво. Между тем, с каждым годом передача финансовых ресурсов в бюджет Архангельской области все увеличивалась. В 2005 и 2006 годах из налогов, собираемых на территории Ненецкого автономного округа, в бюджет Архангельской области безвозмездно были переданы соответственно 500 млн и 650 млн рублей. В 2007 году в областной бюджет передано уже 750 млн рублей налоговых платежей, что составляло около 20% всех налоговых поступлений от федеральных налогов и сборов в бюджет Ненецкого автономного округа. Между тем, такая ситуация не в полной мере устраивала руководство Архангельской области, так как данные суммы не компенсировали потери областного бюджета, образовавшиеся в результате недополучения средств из федерального бюджета. Расчет дотаций в связи с изменениями в федеральном законодательстве отныне производился для консолидированного бюджета Архангельской области и Ненецкого автономного округа [5]. Последний регион являлся самодостаточным, а его финансовая обеспеченность превосходила Архангельскую область.

В 2007 году Архангельская область и округ не смогли заключить договор о разделе полномочий и финансовых доходов. С 1 января 2008 года Архангельская область получила налоговые доходы от федеральных налогов, подлежащих зачислению в областной бюджет, а вместе с ними и право на исполнение 28 важнейших полномочий на территории автономного округа. Так, область получила около 9 млрд рублей доходов, ранее подлежащих зачислению в бюджет округа. Из них на исполнение госполномочий на территории округа выделяется около 5,7 млрд рублей [6]. Но в то же время у Архангельской области возникли проблемы с исполнением полномочий на территории автономии. Автономный округ за счет развития на своей территории нефтяной промышленности имел более высокую бюджетную обеспеченность, чем область. Кроме того, округ приравнен к территории Крайнего Севера. Это обстоятельство существенно повлияло на социальную политику региональных властей. Население имело существенную социальную поддержку, более высокий уровень жизни и оплаты труда по сравнению с жителями Ар-

хангельской области. Отметим, что одним из важнейших условий отказа от договорных отношений между органами власти обоих субъектов было недопущение ухудшения существующего положения населения автономного округа. Принимая полномочия, «материнский» регион обязывался срочно, до конца года, принять пакет законов и нормативных правовых актов, способствующих сохранению жизненного уровня населения, сложившегося в округе к началу 2008 года, в соответствии с нормативными правовыми актами автономного округа. Новый порядок исполнения полномочий, как считают аналитики округа, привели к снижению уровня социальной защиты населения, отмены субсидирования пассажирских авиаперевозок. Существует много вопросов и юридических противоречий в области образования, здравоохранения, социальных выплат.

В то же время сомнительными кажутся и выгоды, приобретенные Архангельской областью. По признанию спикера регионального Законодательного собрания, область может не справиться с дефицитом бюджета к концу 2008 года и исполнением некоторых полномочий на территории округа. По его мнению, это вызвано слишком большими бюджетными расходами на поддержание уровня социального обеспечения в Ненецком округе. Кроме увеличения расходов, сама область в связи с увеличением бюджета теряет финансовую помощь из федерального бюджета[4].

Стоит отметить и такой факт, замеченный в ходе анализа публичных выступлений региональных политиков. Практически все предпочитают говорить об оптимизации издержек от передачи полномочий и налоговых доходов на уровень области, а не о приобретенных выгодах.

В то же время федеральный центр предложил сложнопостроенным субъектам вариант интеграционного процесса, альтернативный объединению. Это договорные отношения. В настоящее время данный тип отношений развивается только в Тюменской области. Ключевые события во взаимоотношениях рассматриваемых регионов произошли в июне-июле 2004 года. Предметом торга на переговорах между Тюменской областью, ХМАО и ЯНАО стали 24 полномочия и федеральные налоги.

После напряженной политической борьбы, а также принципиальной позиции со стороны федерального центра договор

был подписан 9 июля 2004 года. В мае 2008 года договор был пролонгирован по обоюдному согласию сторон до 2015 года.

Договор предполагает сохранение за округами всех полномочий, которые должны быть переданы на уровень области. Федеральные налоги, собираемые на территории округов, остаются в их бюджетах за исключением налога на прибыль организаций в размере 29,5 % для финансирования общеобластных программ. Кроме того, область получила и 100% от регионального отчисления налога на добычу полезных ископаемых. Практическая реализация договора нашла свое развитие в виде программы «Сотрудничество». Финансовые средства на ее реализацию поступают именно за счет передачи отчислений налога на прибыль организаций округов Тюменской области. Направления программы «Сотрудничество» заданы в следующих областях: социальная поддержка отдельных категорий граждан; строительство, реконструкция, ремонт и эксплуатация дорог регионального значения; поддержка сельскохозяйственного производства; поддержка инвестиционных проектов в области профессионального образования и медицины. Средства программы распределяются примерно в равных долях между тремя субъектами Федерации[2].

Заключение договора и передача части налоговых полномочий в области значительно повысило ее бюджетную обеспеченность. О значении программы «Сотрудничество» для областного бюджета свидетельствуют следующие цифры: из изначально запланированных расходов областного бюджета на 2006 год в размере 85 млрд рублей 43 планировалось направить на целевую программу[3].

Лидеры трех субъектов Федерации подчеркивают важность и оптимальность существующих договорных отношений. Между тем, следует признать, что это своеобразный компромисс, который имеет как свои плюсы, так и свои минусы. Среди минусов можно отметить существенное уменьшение бюджетов автономных округов в пользу Тюменской области. Доля выпадающих доходов исчисляется десятками миллиардов. В то же время, если бы регион был объединен или был бы исполнен Федеральный закон № 95-ФЗ без изменений, то его бюджет составил бы около 300 млрд рублей, с чем навряд ли бы согласился федеральный центр. Можно предположить, что без договорной формы

интеграции бюджеты всех трех регионов потеряли бы больше финансовых средств. Также следует отметить и факт бюджетного «иждивенчества» собственно юга Тюменской области. Поток нефтяных денег из бюджетов округов не стимулирует развитие собственной налогооблагаемой базы. Так, рост промышленного производства Тюменской области за 2007 год по отношению к 2006 году составил всего 0,7%. Кроме того, договор поставил Тюменскую область в зависимость не только от развития экономики северных соседей, но и привязал ее к «нефтяной игле» и конъюнктуре цен на нефть на мировых рынках. Также стоит отметить и тот факт, что достигнутая стабильность стала возможна только в условиях благоприятных цен на нефть и сверхдоходов, получаемых от ее добычи автономиями. Другими словами, автономные округа оказались в такой ситуации, когда, даже несмотря на огромные отчисления в бюджет области, их финансовая обеспеченность высока как никогда ранее и выпадающие налоги не несут существенных издержек. В настоящее время баланс интересов и стабильное развитие региона гарантируют высокие цены на нефть. Но любые существенные сокращения налоговых доходов вызовут негативные последствия для отношений внутри тюменской «матрешки».

Обращаясь к практике объединения регионов в один субъект, отметим, что федеральный центр, кроме сохранения дотаций в прежнем объеме, создал и определенный стимул для укрупнения регионов – увеличение федеральных инвестиций в развитие территорий и реализацию новых экономических проектов. Вместе с тем, каждое последующее объединение регионов оказывалось все менее финансово обеспеченным. Если Пермскому краю как «объединительному пионеру» удалось получить немалую поддержку из федерального бюджета, а Красноярский край сумел получить не только бюджетные средства, но и привлечь серьезные финансы от бизнес-структур, то финансовые притязания других субъектов оказались удовлетворены лишь отчасти. Самые амбициозные проекты предполагается реализовать в Красноярском крае: освоение Ванкорского месторождения нефти и газа и создание промышленного комплекса на основе Богучанской ГЭС. Что касается других субъектов, то федеральный центр предусматривает финансирование развития транспортной инфраструктуры и объектов социальной инфраструктуры.

В целом, исходя из имеющейся в России политической практики, можно выделить три модели укрупнения. Первая модель основана на принципах поглощения или дополнения одного субъекта другим для реализации успешной социально-экономической политики. Ее можно обозначить как функцию поддержки слабых субъектов. В основе второй модели лежит экономическая составляющая – функция мультипликатора роста. В этом случае укрупнение происходит для реализации крупных экономических проектов. Примером первой модели можно назвать проект объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Область поглотила автономный округ. Экономический потенциал региона от этого существенным образом не возрос, между тем поглощаемая территория повысила свою бюджетную обеспеченность за счет ресурсов Пермской области. До слияния 80% расходов регионального бюджета обеспечивалось федеральным центром. Примером второго типа может служить Красноярский край. Его объединение состоялось, в том числе, и для реализации крупных экономических проектов – совместного развития регионами Нижнего Приангарья и нефтегазовых ресурсов Эвенкии. Третья модель – объединение двух соседних субъектов, сопоставимых по экономическому потенциалу, в один более крупный. На сегодняшний день примерами такого типа объединения можно считать слияние Камчатской области и Корякского округа, объединение Читинской области и Агинского Бурятского округа, проект укрупнения Алтайского края и Республики Алтай. Отсутствие экономической целесообразности таких объединений замещено политическими задачами элит регионов либо федерального центра. Эта модель может стать наиболее популярной для дальнейших объединительных процессов в центральной части России, где сосредоточено наибольшее число относительно небольших регионов с примерно одинаковым потенциалом.

Следует назвать также еще одну возможную, но пока нереализованную модель укрупнения – объединение экономически мощных регионов-тяжеловесов в мегарегионы, что, по мнению большинства экспертов, на сегодняшний день является вредным и бессмысленным. Это относится к проектам объединения Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Критики реализующегося варианта объединения регионов указывают на издержки этого процесса и прогнозируют возрастание рисков экономического, политического, социального и геополитического характера. В том числе: снижение эффективности внутрирегиональной управляемости, нарушение сложившихся связей как между субъектами Федерации, так и между экономическими субъектами; нарушение баланса бизнес-интересов в регионах; углубление разрыва между богатыми и бедными регионами; угроза потери исторической уникальности многих территорий и народов; возможность повторения «парада суверенитетов» со стороны новых самодостаточных регионов (появление подобных суперрегионов прогнозируется в случае объединения например Тюменской области с ее автономными округами).

Другая, на наш взгляд, важная проблема укрупнения – это смещение структуры управления на муниципальный уровень. На одной и той же территории количество субъектов Федерации сокращается, между тем как число муниципалитетов растет. Более крупные административные единицы делают неэффективным уровень регионального управления, так как расширяется зона управленческой периферии. Муниципалитеты не могут в полной мере заменить существовавший до этого региональный уровень управления, так как не имеют для этого достаточной компетенции и финансовых ресурсов.

Аналитиками выделяется и еще одна проблема укрупнения. Вместо развития контроля со стороны федеральных структур за органами власти субъекта Федерации, избранными демократическим путем, центр пытается заменить их, исходя из принципа построения прямой вертикали власти. Цивилизованные формы государственного контроля заменяются патрон-клиентскими отношениями. Глава объединенного региона получает свою власть через сложную систему договоренностей с центральной административно-политической элитой. В существующей ситуации губернатор не является самостоятельной фигурой, скорее он исполняет функции назначенного федерального чиновника по управлению территорией и координатором по реализации осуществляемых на территории экономических проектов. Эта управленческая схема имеет ряд рисков, но в целом при стабильной социально-экономической ситуации является устойчивой и в крат-

косрочной перспективе эффективной для реализации крупномасштабных экономических проектов.

Как заявляет большинство политиков и экспертов, в настоящее время рано подводить итоги проектам укрупнения в регионах, так как пока видимых и реально ощутимых результатов нет. В частности, подобный вывод может быть сделан из анализа статистических данных социально-экономического развития Пермского края. Это первый регион, где переходный период укрупнения уже завершен. Обещанный федеральными властями «локомотив роста» пока не создан. Показатели социального и экономического развития нового субъекта Федерации отражают общероссийские тенденции. Валовой региональный продукт края и средняя заработная плата в период с 2003 по 2006 год выросли практически в два раза, но это аналогично общим показателям по Приволжскому федеральному округу. Индекс промышленного производства приобрел позитивную динамику только в 2003 году.

В то же время анализ статистических данных показывает и негативные моменты в развитии социальной сферы и бюджетных взаимоотношений объединившихся территорий. Так, социальная сфера края была существенно сокращена – число дневных общеобразовательных учреждений уменьшилось с 1255 до 1053, число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений сократилось с 343 до 225. Если доходы бюджета Пермской области только за один год с 2005 по 2006 год увеличились на 10 млрд рублей до 56,5 млрд, то в Коми-Пермяцком автономном округе увеличение было незначительное – с 2,7 млрд до 3,3 млрд. Аналогичная ситуация сложилась с расходами региона. Кроме того, существенного сокращения расходов на содержание управленческого аппарата, что провозглашалось в качестве одного из позитивных результатов укрупнения, не произошло. Сохраняются демографические проблемы. Численность населения по итогам 2006 года продолжала снижаться [10]. Между тем, можно отметить, что общая статистика по Коми-Пермяцкому округу и Пермскому краю получается усредненной. Происходит статистическое «подтягивание» округа до показателей края. Между тем, реальное выравнивание социально-экономического положения двух территорий еще не произошло.

В заключение отметим, что подводить итоги проектам объединения в практике рос-

сийского федерализма пока рано. В настоящее время в одних территориях продолжается процесс приспособления к нововведениям, в других он практически окончен. В то же время цель федерального центра достичь

сокращения сложнопостроенных субъектов Федерации и дотационных регионов, провести в них интеграционные процессы практически выполнена, с меньшими или большими издержками для самих регионов.

1. Воробьев А. Укрупнение регионов [Электронный ресурс]: Эпизод 4. Аспекты укрупнения регионов URL: <http://www.politcom.ru/article.php?id=2552> (дата обращения: 5.11.2008).
2. Корепанов Г. Интервью депутата Тюменской областной Думы Геннадия Корепанова // Вслух о главном. 2004.16 февраля. С. 7–8.
3. Марчук Г. Бюджетные дебаты // Аргументы и факты в Западной Сибири. 2005.13 декабря. С. 2.
4. Потапенко В. Текст доклада губернатора в Собрании депутатов НАО [Электронный ресурс] URL: <http://www.adm-nao.ru/?show=news&id=1530> (дата обращения: 11.11.2008).
5. Романов Ю. Импульсов для возврата договорных отношений между Архангельской областью и Ненецким АО нет [Электронный ресурс]. Интервью депутата Архангельского областного Законодательного собрания Юрия Романова URL: <http://www.regnum.ru/news/1018598.html> (дата обращения: 14.11.2008).
6. Таскаев Д. Вице-спикер Архангельского областного Законодательного собрания [Электронный ресурс]: Наша область может не справиться с дефицитом бюджета URL: <http://www.regnum.ru/news/953854.html> (дата обращения: 7.11.2008).
7. Регионы России [Электронный ресурс]: Социально-экономические показатели. Статистический сборник // URL: <http://www.gks.ru/wps/portal/!ut/p/.cmd/cs/.ce/> (дата обращения: 21.11.2008).

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО УРАЛА В XIX-НАЧАЛЕ XX вв.

УДК 325.45

С.В. НЕЧАЕВА

Процессы элитогенеза на Южном Урале имеют как общероссийские закономерности, так и региональные особенности.

Россия вступила в XIX век второй по масштабу территориальных владений империей, с трудно и многообразно управляемыми регионами. Население присоединенных территорий составляло в 1796 г. – 36,4%, в 1815 – 38,2%, а в 1858 г. – 45,2% от общего числа. И если одни присоединенные территории отличались хорошо развитыми «государственно-регулятивными инфраструктурами» (Прибалтика, Польша, Финляндия), то другие требовали «интеграции родового управления и традиционных регуляций в государственный механизм» Российской империи (Средняя Азия), что требовало от местных властей особых усилий и дипломатии [4, с. 47]. Военно-политические акции, выходящие за рамки обороны, создавали дополнительное напряжение в российском обществе. Не стал исключением и Южный Урал, где под руководством генерал-губернатора Н.А. Крыжановского была присоединена Средняя Азия, что вызвало неоднозначную реакцию в среде правящей верхушки [1, с. 161–162].

Южный Урал к началу XIX в. сохранял очевидную специфику в своем развитии, обусловленную пограничным положением, пестрым этно-сословным составом населения, географическим размещением на стыке оседлого и кочевого миров. Помимо этого, в течение XIX века территориально-административное устройство Южного Урала периодически трансформировалось, что серьезно влияло на формирование местной элиты:

- в 1796 г. было ликвидировано Симбирское и Уфимское генерал-губернаторство, и под руководством военных губернаторов до 1881 г. на Южном Урале существовало административное образование – Оренбургский край (Оренбургская губерния, земли уральских казаков, башкирские земли в Пермской, Вятской, Саратовской губерниях,

калмыцкие земли Симбирской губернии, приуральские кочевья казахских жузов);

- в 1796 г. Уфимское наместничество было реорганизовано в Оренбургскую губернию (10 уездов), на территории которой фактически существовало «двоевластие» военного и гражданского губернаторов;

- с 1840 по 1865 год из Оренбургской губернии выделяется укрепленная линия Оренбургского казачьего войска, не подконтрольная гражданским властям;

- в 1865 г. Оренбургская губерния разукрупняется на две самостоятельные: Оренбургскую и Уфимскую, то есть происходит удвоение управленческой элиты.

Следуя классификации, предложенной О. Крыштановской, которая выделяет три группы внутри политического класса: бюрократию – назначаемых чиновников, электократию – избираемых чиновников и легислократию (от латинского *legislatura* – выборный орган) – депутатов, рассмотрим состав данных южно-уральских групп по состоянию на начало XIX века [6, с. 65].

Бюрократическую пирамиду Южного Урала на начало XIX века возглавляют: военный губернатор и чиновники его канцелярии, гражданский губернатор и чиновники его губернского правления и канцелярии, вице-губернатор. Остальных, назначаемых чиновников, мы отнесли в разряд отраслевых элит, так как их влияние и возможности принятия стратегических решений были ограничены определенной отраслью или категорией населения – это ведомственные чиновники, военная и духовная элита.

Военные губернаторы назначались в XIX в. только в губерниях и областях, находящихся на особом положении в государстве (пограничные губернии, районы, где дислоцировались значительные военные силы, столицы). Назначение производил сам император, в основном из представителей генералитета, лиц, облеченных особым доверием государя. В деятельности военного

губернатора выделяются следующие основные направления: контроль за гражданским управлением, командование военными силами и решение внешнеполитических вопросов. В начале XIX века военному губернатору полагалось жалованье в размере 6000 руб. в год, включая столовые деньги [11, с. 104]. Он управлял обширным Оренбургским краем через канцелярию – орган, где сосредоточивалась вся переписка по военным, гражданским и пограничным вопросам, и чиновников особых поручений.

Все военные структуры края подчинялись военному губернатору. Помимо регулярных войск (18726 человек), военную службу в крае несли нерегулярные силы: в Оренбургском казачьем войске насчитывалось 7 338, Уральском – 6 331, Ставропольском – 1 167 служащих казаков, а также на военной службе находились 47 886 башкир и мишарей (мещеряки или мишар (тат.), этнографическая группа татар) [11, с. 130]. Таким образом, к началу XIX в. в крае было сосредоточено 81 448 человек регулярных и нерегулярных сил, которыми военный губернатор управлял с помощью штаба.

Исключительная власть военного губернатора основывалась на личном доверии к нему императора и чрезвычайных полномочиях, которыми он был наделен. Такой порядок соответствовал мобилизационному типу развития, так как способствовал концентрации ресурсов, усилению централизации и установлению в крае единоличного управления военного начальника [1, с. 33]. Но отсутствие четкого разграничения функций между гражданским и военным губернаторами рождало многочисленные споры и конфликты, что мешало эффективной работе органов местного управления в Оренбургском крае.

В период с 1796 по 1881 г., пока структуру не реорганизовали, Оренбургским краем руководили 7 военных губернаторов, один из которых был генерал-майором, один – генерал-лейтенантом, один – генералом от кавалерии и четверо – генералами от инфантерии. Также три Оренбургских и Самарских генерал-губернатора и один Оренбургский генерал-губернатор (название должности трансформировалось вслед за административно-территориальными преобразованиями).

Дважды приходили к власти в Оренбургском крае О.А. Игельстром, ранее уже служивший в крае в качестве генерал-губернатора, и В.А. Перовский, который в 1833–1842 гг. был военным губернатором, а в 1851–1857 гг.

Оренбургским и Самарским генерал-губернатором. В 1817–1818 г. В.А. Перовский являлся членом декабристского общества «Союз благоденствия», что не помешало в дальнейшем хорошим деловым отношениям, которые сложились у него с Николаем I [11, с. 101].

Самым молодым военным губернатором был Н.Н. Бахметев (26 лет при вступлении в должность), а дольше других пребывал у власти генерал-губернатор Н.А. Крыжановский – 17 лет [2, с. 348–349]. С упразднением в 1881 году Оренбургского генерал-губернаторства и военного округа распалось и административное образование, именуемое Оренбургским краем, ликвидировалась соответственно и должность генерал-губернатора.

Если военные губернаторы базировались в Оренбурге, то административный центр и место пребывания гражданского губернатора Оренбургской губернии в 1802 г. из экономических соображений был перенесен в Уфу. Гражданский губернатор также назначался и увольнялся царским указом по представлению Министерства внутренних дел. При назначении на губернаторский пост значение имели сословная принадлежность, рекомендации высокопоставленных чиновников, вероисповедание, чин, образование, величина земельной собственности, знаки отличия, нахождение под следствием и судом, возраст кандидата.

В XIX в. компетенция, основные права и обязанности губернаторов определялись «Учреждением для управления губернией», изданным в 1775 г., позже «Общим наказом гражданским губернаторам», утвержденным 3 июля 1837 г., а также регламентировались огромным количеством текущих циркуляров и инструкций, издаваемых Министерством внутренних дел. Во второй половине XIX – начале XX вв. законодательство изменило компетенцию глав губерний – губернаторов в сторону ограничения их влияния в пореформенный период, а в условиях ухудшения политической обстановки в стране – усиления авторитарной власти губернаторов на местах.

Пытаясь повысить эффективность борьбы администрации с революционным движением, правительство издает 14 августа 1881 г. закон «О мерах по охранению государственного порядка и общественному спокойствию», который предусматривал возможность введения режима усиленной охраны. Губернатор получил право «воспрещать всякие народные, общественные и даже

частные собрания, делать распоряжения о закрытии всяких торговых и промышленных заведений ...» [14, с. 264].

По штатам 1800 г. губернатор получал 3000 руб. в год, что в тридцать и более раз превышало жалованье канцелярского служащего [1, с. 175]. В 60-х гг. XIX в. денежное содержание губернаторов, состоявшее из жалованья, столовых и квартирных денег стало 5 432 руб. в год, а с 1 января 1881 г. их оклад был повышен до 9 900 руб. Общий срок государственной службы губернаторов составлял в среднем 30 лет, а при увольнении со службы они получали значительные пенсии [3, с. 74]. Гражданский губернатор возглавлял губернское правление, являвшееся основным учреждением в системе гражданского управления Оренбургской губернии.

Гражданскими губернаторами Оренбургской губернии с 1797 по 1865 г., когда из ее состава выделилась Уфимская губерния, были 17 персон, которые принадлежали к сословию потомственных дворян. Последний из губернаторов обширной Оренбургской губернии, действительный статский советник Г.С. Аксаков, стал первым губернатором вновь образованной Уфимской губернии. Дольше других – 11 лет – руководил губернией М.А. Навзоров.

Вторая половина XIX века ознаменовалась для Южного Урала удвоением управленческой элиты в связи с образованием Уфимской губернии. Уральский хребет разделял Оренбургскую губернию на две обширные части, коммуникация между которыми была затруднительной. В среде высшей местной администрации постепенно нарастало осознание связанной с этим управленческой проблемы, выход из которой виделся в разукрупнении губернии. Успехом увенчался проект Оренбургского генерал-губернатора А.П. Безака, представленный в Министерство внутренних дел. Высочайшим положением 5 мая 1865 г. из Оренбургской губернии была выделена самостоятельная Уфимская губерния в составе Уфимского, Мензелинского, Белебеевского, Бирского, Стерлитамакского и вновь образованного Златоустовского уездов, просуществовавшая до 1922 г.

Вновь образованная губерния из 50 губерний Европейской России занимала 10-е место по площади, 17-е место по количеству жителей, 40-е место по плотности населения и 47-е по количеству уездов, что составляло определенные трудности в управлении. С 1865 г. по 1917 г. на посту Уфимского губер-

натора сменилось 14 персон. Все они также принадлежали к сословию потомственных дворян, имели военный или гражданский чин четвертого класса и являлись выпускниками самых престижных учебных заведений того времени (только Л.Н. Норд получил домашнее образование) [3, с. 71–74].

В составе Оренбургской губернии после раздела в 1865 г. сохранилось пять чисто уральских уездов: Оренбургский, Орский, Троицкий, Челябинский, Верхнеуральский. В этих границах губерния просуществовала до 1917 года. После ликвидации в 1881 году должности генерал-губернатора система управления в губернии в основном соответствовала общероссийской. Исключение составляли наименование должности и функции Оренбургского губернатора – наказного атамана Оренбургского казачьего войска, а также отсроченное введение институтов гражданского общества (например, земства были введены только в 1913 г.). С 1865 по 1917 г. Оренбургским губернатором – наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, были одиннадцать человек – потомственные дворяне в звании генерала. Сахаров В.В. пребывал в должности 14 дней и даже не успел появиться в Оренбурге, а Ф.Ф. фон Таубе являлся губернатором в апреле–ноябре 1906 г. и под влиянием обстоятельств революции был назначен командиром отдельного корпуса жандармов [13, с. 1095–1096].

Учитывая, что к категории политической элиты в России современные элитологи относят пять высших классов Табели о рангах (после 1856 г. – четыре), численность которых в середине XIX века составляла около полутора тысяч человек, или 1% от общей численности чиновничества [1, с. 166], то элитная верхушка Оренбургского края попадала в группу, допущенную к принятию важнейших стратегических решений.

К высокопоставленным чиновникам местных органов государственного управления относились и вице-губернаторы. По «Учреждению для управления губерний» 1775 г. вице-губернаторы заменяли губернаторов на время отлучек или болезни и были председателями казенных палат, органов финансового управления в губерниях (до 1845 г., пока казенные палаты не возглавили председатели). К середине XIX века их должность соответствовала чину пятого класса, то есть статского советника.

В истории Оренбургской губернии вице-губернаторы дважды исполняли обязанности губернатора: в 1840–1841 гг. вице-губерна-

тор К.Н. Григорьев и в 1844–1846 г. вице-губернатор А.А. Македонский [16]. Большинство вице-губернаторов по сословному происхождению были дворянами, но есть прецеденты выходцев и из других сословий. К примеру, Уфимский вице-губернатор А.П. Румянцев, занимавший эту должность в 1880–1890 гг., был сыном священника [3, с. 75].

Других назначаемых чиновников мы отнесли в разряд **отраслевой элиты**: ведомственные чиновники, духовная элита, казачья верхушка. Состав ведомственной элиты Оренбургской губернии определили штаты, учрежденные в 1796 г.: чиновники палаты суда гражданской, уголовной и казенной, приказа общественного призрения, шести городничих правлений и десяти уездных судов [2, с. 11].

Кроме должностных обязанностей, чиновники, стоявшие во главе местных правительственных учреждений, входили в многочисленные комитеты и комиссии под председательством губернатора, созданные в губернии. Например, управляющий казенной палатой, помимо управления последней, входил в состав еще одиннадцати учреждений Уфимской губернии. Особое влияние со второй четверти XIX века приобретают руководители «силовых» структур: начальник губернского жандармского управления, командующий огромным Башкиро-мещерякским войском, полицмейстер, городничие.

По данным всеобщей переписи населения 1897 г., численность аппарата государственного управления в Уфимской губернии составляла 3 226 человек при общем количестве населения – 2 196 642 человека. Из них численность членов губернского правления, включая губернатора и вице-губернатора, составляла 76 человек [3, с. 67, 69].

Принципы и порядок подбора государственных должностей были строго регламентированы и периодически корректировались. Но помимо сословного происхождения, возраста и уровня образования кандидата для южно-уральской элиты особое значение имело такое требование, как знание русской грамоты, так как все делопроизводство велось на русском языке.

По данным переписи 1897 г. в Уфимской губернии представители нерусских национальностей составляли 61,78% от всего населения губернии. Тогда как в органах администрации, суда, полиции, на общественной и сословной службе их представителей было всего 15,82% от общего числа занятых

там лиц. Русские же, занимая в составе населения губернии 38,22 %, в органах государственной власти имели 84,18 % служащих [3, с. 34].

Также к отраслевой элите мы отнесли духовную. По переписи населения 1897 г. большинство населения Оренбургской губернии придерживалось православия – 72,2% [10, с. XI], тогда как в Уфимской губернии большинство жителей – мусульмане 43,79% [3, с. 36]. Но тенденции в отношениях государства и религиозных лидеров различных конфессий были общими.

После включения Петром I православной церкви в структуру государственного аппарата большинство стратегически важных решений принимались по инициативе и непосредственному участию светской, а не церковной элиты. Например, вопрос о разделе Оренбургской и Уфимской епархий на две самостоятельные единицы был решен в 1859 году в результате ходатайства Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.А. Катенина обер-прокурору Синода и военному министру [5, с. 52–53].

За время существования Оренбургской и Уфимской епархий ее возглавляли 10 епископов: Уфимскую и Мензелинскую (1859–1928 гг.) – 15 и Оренбургскую и Уральскую (1859–1908 гг.) – 10, а Оренбургскую и Тургайскую (1908–1918 гг.) – 3 епископа, с учетом того факта, что ряд персон приходили к власти неоднократно [13, с. 1098]. Епископ Оренбургский и Уральский Митрофан (Вичинский) в апреле 1879 г. был возведен в сан архиепископа, а епископ Тихон (Клитин), назначенный в данную епархию в ноябре 1896 г., скончался в дороге, не приступив к своим обязанностям.

Что касается элиты второй влиятельной конфессии в крае, то в конце XVIII в. состоялось назначение оренбургского муфтия, с учреждением при нем, в качестве присутственного места, мусульманского Духовного собрания, открытого в Уфе 4 декабря 1789 года «над всеми магометанского закона людьми» [2, с. 10]. Кроме собственно духовно-нравственных вопросов, мусульманское духовенство в башкирских, татарских и мишарских деревнях и волостях возглавляло шариатские суды и местные суды башкир, основанные на обычном праве.

Местная администрация стремилась установить полный контроль и над мусульманским духовенством в крае. Например, производство в духовные звания происходило только после утверждения военного

губернатора. Сначала он рассматривал подготовленные представления для назначения, затем кандидат должен был сдать экзамен губернскому правлению. После утверждения военным и гражданским губернаторами представление передавалось в духовное магометанское собрание [11, с. 121].

К вопросу о других религиозных конфессиях, которые также подвергались административному прессингу, следует отметить интересный факт, что когда Оренбургское казачье войско составило отдельную административно-территориальную единицу в составе Оренбургской губернии (1840–1865 гг.), то на каждую имевшуюся в станице церковь как православную, так и иноверческую выделялось 300 десятин земли войсковой территории [13, с. 348].

Казачью верхушку, как непосредственное руководство отдельной административно-территориальной единицы в составе Оренбургской губернии, мы также отнесли к отраслевой элите. В XIX веке «верхушка» казачьих войск перестала быть выборной, чины войсковых офицеров уравнивали с чинами регулярной армии и ввели оклады (в 1799 г. для Уральского войска, в 1840 г. – Оренбургского).

В 1827 г. после провозглашения наследника престола Александра II войсковым атаманом всех казачьих войск империи звание войскового атамана упразднилось и от имени августейшего шефа казачьими войсками стали управлять наказные атаманы.

По Положению 1840 г. Оренбургское казачье войско составило отдельную административно-территориальную единицу в составе Оренбургской губернии. Войско находилось в подчинении командира Отдельного Оренбургского корпуса – военного губернатора, но вышло из-под контроля губернских властей. Данное Положение впервые законодательно закрепило за войском единую территорию общей площадью 7 885 378 дес., в которую вошли 15-верстная полоса вдоль пограничной линии от Илецкой защиты до Звериноголовской крепости, часть прилинейных волостей Оренбургского, Троицкого, Челябинского уездов. Войсковая территория делилась на 3 части: юртовые наделы (30 дес. на каждую мужскую душу), офицерские и чиновничьи потомственные участки и земли войскового запаса [13, с. 348].

18 января 1875 г. было принято «Положение об обеспечении землей генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Оренбургского казачьего войска»,

которое закрепило пожизненные участки в «вечное потомственное владение» и значительно увеличило их размеры (до 300–3000 дес. в зависимости от чина). Учитывая относительное изобилие и «малоодоходность» земли, размеры офицерского землевладения на Южном Урале в вдвое превосходили участки офицеров Донского и Кубанского войска [7, с. 118].

Только в 1865 году Оренбургское войско административно объединилось с Оренбургской губернией, губернатор которой одновременно стал исполнять обязанности и наказного атамана. В гражданском отношении казаки стали подчиняться общегражданским учреждениям, а в военном – войсковому штабу и атаманам 3-х военных отделов. В результате изменений в управлении Оренбургского казачьего войска не у дел оказалась значительная группа офицеров и военных чиновников, а вновь сформированные губернские структуры – без надлежащих кадров (имеется в виду разделение Оренбургской губернии на две). Выход из создавшейся ситуации был найден в предоставлении чиновникам права, оставаясь в войсковом сословии, переходить на службу в гражданские учреждения с переемтестацией в классные чины.

Буржуазные реформы 60–70-х гг. отразились в казачьей среде «Положением об общественном управлении в казачьих войсках», принятым в 1870 г. Введение основ самоуправления в казачьи общины привело к тому, что власть фактически перешла к выборному атаману и станичному сходу, тогда как войсковые власти от наказного до атаманов военных отделов перешли в разряд «статистов». Сложившееся положение было изменено только в 1884 г., когда наказному атаману было предоставлено право назначать станичных атаманов, что фактически свидетельствовало о свертывании демократических реформ в казачьей среде.

Оренбургское казачье войско в 1798–1921 гг. возглавляли 28 войсковых и наказных атаманов, после чего сословие казаков было упразднено [13, с. 1095–1096]. Начиная с 1835 г., казачья элита становилась все более однородной (исключительно царские генералы до 1917 г.), принимая форму чиновничьей бюрократии. Уральское казачье войско в 1868 году было подчинено генерал-губернатору (он же наказной атаман) вновь образованной Уральской области.

Также в состав отраслевой элиты мы относим руководство горными округами. В XIX

столетии горнозаводское развитие Южного Урала, основанное на крепостном труде, замедляется, не выдерживая конкуренции. Учитывая, что в данном регионе преобладали частные предприятия, то традиции XVIII века, когда хозяин сам руководил своими заводами, миновали. В большинстве случаев они нанимали приказчиков, что сводило влияние заводладельцев к финансово-экономической сфере.

В 1806 г. в составе Министерства финансов Российской империи был создан Горный департамент, руководивший казенными и частными горными округами. Округа создавались там, где имелись предприятия горнозаводской промышленности, в первую очередь, на Урале. Оформление окружной системы содействовало субрегиональной интеграции, так как округа были единственными и самодостаточными хозяйственно-территориальными комплексами, объединявшими металлургические предприятия, леса, гидро-ресурсы, рудники и прииски. «Государевым оком» в горном округе был его руководитель – окружной инженер, имевший звание горного инженера и чин надворного, коллежского или статского советника. На окружных инженеров был возложен надзор за производством частного горного промысла как на землях казенных, так и на землях, принадлежащих частным лицам, обществам, учреждениям и сословиям.

В 1834 г. вышло Положение о Корпусе горных инженеров, придававшее горному ведомству военную организацию: инженеры получили военные чины и особый мундир. Рабочие казенных заводов приравнялись к военным служащим, а хозяевам владельческих предприятий рекомендовалось устанавливать у себя порядки, близкие к казенным. Только в 1863–1867 гг. осуществлено преобразование государственного горного управления в гражданское ведомство.

К моменту отмены крепостного права на Урале имелось 6 казенных горнозаводских округов и 39 частных, из них в Оренбургской губернии: казенный Златоустовский (5 заводов) и 14 частных горнозаводских округов. Власть, основанная на частной собственности и крепостном праве, была сосредоточена в руках 11 семейств магнатов-заводладельцев [8, с. 81].

На рубеже XIX–XX вв. хозяева горнозаводских округов часто менялись, так как округа принимали акционерную форму, поглощались монополистами или иностранным капиталом. Зимой 1917 – весной 1918

уральская горнозаводская промышленность была национализирована, а горнозаводские округа упразднены.

Отдельный этап развития региона связан с началом строительства железной дороги на Южном Урале. Руководство Управления по строительству Транссибирской магистрали в течение 6 лет – с 1894 г., базировалось в Челябинске и значительно пополнило хозяйственно-административную элиту города.

В состав **электократии** Оренбургской губернии в начале XIX века можно отнести: предводителей губернского и уездного дворянства, уездного исправника, городского голову, волостного голову, а в состав **легислократии**: дворянских депутатов от уезда, депутатов (гласных) шестигласной Думы в городах. Органы сословного самоуправления не обладали в XIX веке законодательной инициативой, а их лидеры, «утверждаемые и оплачиваемые» казной, были востребованной временем, но официально управляемой элитой.

Во второй половине данного столетия в составе электократии и легислократии появляются новые выборные должности – председатели земских управ и депутаты Государственной Думы, последним из которых мы и уделим внимание. Буржуазные реформы привели к формированию в России нового супербогатого класса в России – буржуазии, а механизмы воспроизводства и рекрутации элит оставались в основном неизменными. Состав политико-административной элиты перестал соответствовать социально-экономической системе, целям и задачам нового господствующего класса.

Сформулированные Я.Пляйсом закономерности трансформации элит таковы, что «если господствующий в ней костяк, сформированный главным образом из представителей основного экономического класса, не инкорпорирует в себя добровольно и своевременно представителей растущего нового слоя собственников, то между основными общественными системами – политической и экономической – и их элитами возникает все возрастающее напряжение». И если не решать эту проблему эволюционно, то напряжение превращается в кризис или даже революцию с тяжелыми последствиями. Поэтому во все эпохи очень важна роль «социальных лифтов, которые своевременно решают проблему периодического обновления элит, особенно политико-административных» [9].

Наличие данной проблемы остро осознавал председатель Комитета министров Российской империи С.Ю. Витте, являвшийся инициатором и автором царского Манифеста 17 октября 1905 г. Под влиянием революции 1905–1907 гг. в России формируется многопартийная политическая система и соответствующие ей партийные элиты различной идеологической направленности. Также по Манифесту часть законодательных функций передавалась Государственной Думе, и в России формируется новая легислוקратия, которая оказалась в конфликте с императором и бюрократической элитой, в первую очередь по аграрному вопросу.

На территории края действовали общие положения избирательного закона, согласно которому Уфимской губернии в будущем парламенте предоставлялось десять депутатских мест, Оренбургской – семь. Всего в Государственную Думу за время ее существования от Уфимской губернии было избрано 36 депутатов и 27 – от Оренбургской (с учетом изменения избирательного законодательства). За день работы депутат получал 10 рублей, что для тех времен было неслыханными доходами [17].

В августе 1905 года в России была создана мусульманская либеральная партия «Иттифак эль-муслимин» («Союз мусульман»), члены которой по политическим взглядам были очень близки к кадетам. Наибольшую активность на выборах в крае проявило именно мусульманское население, и среди депутатов, избранных в Государственную Думу всех созывов от южно-уральских губерний, наибольшее число (24) входило в мусульманскую фракцию [12, с. 179–186]. А председателем данной фракции последних двух созывов Госдумы являлся белебеевский уездный предводитель дворянства Уфимской губернии Кутлуг-Мухаммед Батыргиреевич Тевкелев, который избирался депутатом парламента всех четырех созывов.

К вопросу о роли южно-уральских депутатов в работе Государственной Думы в судьбе России и края можно привести наглядный пример. 20 июля 1915 г. Тевкелев от имени думских представителей латышей, литовцев, эстонцев, армян, евреев и мусульман сделал заявление, где потребовал гражданского и национального равноправия для входящих в состав России народностей. Заявление было отклонено 190 голосами против 162 [18].

Гаман-Голутвина О. характеризует события начала XX века как самую серьезную

попытку в истории России отказа от мобилизационного типа развития в пользу инновационного, оперирующего достаточным объемом ресурсов, к сожалению не увенчавшуюся успехом. В качестве причин она выделяет: неэффективность политической элиты в целом и потенциального субъекта инновационного развития в частности; дефицит капиталов в объеме, необходимом для инновационного развития; значительный масштаб территории и ее геополитическую уязвимость, а также объективную ограниченность диапазона совпадения интересов государства и экономических субъектов [1, с. 220–223].

Подводя итоги, можно сказать, что к началу Первой мировой войны управленческая элита Российской империи в целом и Южного Урала в частности распадалась на субэлиты: чиновническую или бюрократическую, стоящую у власти и принимающую стратегические решения; бюрократическую отраслевую, имеющую влияние в определенной отрасли или на отдельную группу населения; выборную и утверждаемую электократию, а также выборную легислукратию.

В обозначенный период на Южном Урале можно проследить как общероссийские тенденции в элитных кругах: переход от дворянского комплектования элиты к разночинному, усиление влияния милитократии, появление институтов гражданского общества, так и специфичные для региона процессы.

Во-первых, огромное влияние военного фактора. Первое лицо южно-уральской элиты всегда совмещало военные функции, и если для военного губернатора было естественным иметь дополнение к должности – командующий Отдельным Оренбургским корпусом, то гражданский губернатор (с 1865 г.) – наказной атаман Оренбургского казачьего войска, явно не традиционный подход. Периодически местная отраслевая элита попадала в разряд милитократии: кантональное начальство (1798–1865 гг.), горные инженеры (1834–1867 гг.) или пополнялась военными кадрами (после раздела Оренбургской губернии в 1865 г.)

Во-вторых, снижение влияния землевладельцев-заводчиков, так как в первой половине XIX века большинство из них не проживали на Урале и не занимались своим заводским хозяйством лично, а после отмены крепостного права мало кто из них сохранил предприятия от акционирования или поглощения монополиями.

В-третьих, законодательное ограниче-

ние попадания в элитную среду представителей коренных народов через: делопроизводство на русском языке, поощрение православных, в среде руководящего состава, дублирование функций лидеров самоуправления назначенными администраторами или переход от выборной системы к назначению, например, в казачьей среде.

В-четвертых, буржуазные реформы Александра II проводились на Южном Урале с серьезными отступлениями и гораздо

позже, чем в центральной России, а следовательно и включение лидеров самоуправления в элитную среду происходит с ограничениями и позже.

Таким образом, элиту Южного Урала в XIX – начале XX вв. можно классифицировать в соответствии с хронологическими, административно-территориальными и рекрутационными параметрами. Новому этапу элитогенеза в России и на Южном Урале положил начало 1917 г.

1. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. / О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Росспэн, 2006.
2. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999.
3. Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Монография./ Р.И. Кантимирова – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2000.
4. Кодан С.В. Территориально-законодательное устройство Российской империи (1800–1850-е гг.)// Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность: Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, УрАГС, 2001. С. 43–45
5. Кононченко А.И. Церковно-административные преобразования конца XVIII–XIX вв. на территории Южного Урала.// Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы научно-практической конференции. – Челябинск. 2003.
6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. / О. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005.
7. Махрова Т.К. Казачество Урала и власть: Монография./ Т.К. Махрова – Москва ИПЦ «Глобус», 2004 г.
8. Очерки истории Челябинской области. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991.
9. Пляйс Я.А. Трансформация элит в переходные эпохи и ее особенности в современной России. // Элиты и будущее России: взгляд из регионов: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Ростов-н/Д. Изд-во СКАГС. 2007. С. 66.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 26. Оренбургская губерния. «Т-во Художественной печати». 1904.
11. Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в.: Монография./ Н.Л. Семенова – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2001.
12. Сидоренко Н.С. С мечтой о великой России: Уральские консерваторы и либералы в Государственной Думе: Монография./ Н.С. Сидоренко – М.: Изд-во МГОПУ, 2005.
13. Челябинск: Энциклопедия [Текст] / Челябинск: Каменный пояс, 2001.
14. Хрестоматия по истории государства и права России./ Титов Ю.П. – М.: «Проспект», 1999.
15. Ильин А.В., Карамышев О.М.. Юридические основания сословных корпораций дворянства в великорусских губерниях Российской империи. Краткий историко-правовой обзор. Режим доступа: <http://psodog1906.narod.ru/soslov3.html> (дата обращения 15.07.09.)
16. Оренбургская область. Режим доступа: <http://whp057.narod.ru/orenb.htm> (дата обращения 15.07.09.)
17. Черных Е., Шукоян В. Выборы на старый лад... Режим доступа: <http://orenburg.rfn.ru/archive/rnews.html?id=7271&date=10-05-2006> (дата обращения 15.07.09.)
18. Ислам в Приволжском федеральном округе. Режим доступа: www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?627 (дата обращения 15.07.09.)

ОБРАЗ Б.Н. ЕЛЬЦИНА В РОССИЙСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА 2000-го ГОДА: «УХОДЯЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ»

(на основе анализа «Российской газеты»)

УДК 32

Ю.П. ДЕНИСОВ

31 декабря 1999 г. в 12:00 по московскому времени Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин выступил со своим телевизионным обращением, повтор которого прозвучал по центральным информационным каналам в 23:50 в новогоднем поздравлении россиян. В нём фактически впервые за всю историю страны прозвучали слова о добровольном отказе от власти главы российского государства.

Важнейшую роль в процессе передачи власти сыграла репрезентация российскими средствами массовой информации образа Б.Н. Ельцина. Целью данной статьи является реконструкция образа экс-президента, сформировавшегося в официальном российском дискурсе начала 2000 г., на базе анализа печатного органа Правительства Российской Федерации – «Российской газеты». С одной стороны, в силу своего «официального» статуса данное издание обладает убеждающей силой документа. С другой стороны, для него характерны те отличительные черты газеты, на которые обратил внимание немецкий исследователь прессы Ю. Вильке: публичность, актуальность, универсальность, периодичность [20. С. 460].

Первый в 2000 г. общероссийский выпуск издания вышел на 24 страницах, объединив в себе сразу три газетных номера. Его «главными героями» стали Б.Н. Ельцин и В.В. Путин. Это подтверждается анализом частотности употребления фамилий этих двух политических лидеров на первой странице данного выпуска. Фамилия Б.Н. Ельцина употребляется на ней 14 раз, фамилия В.В. Путина упоминается 12 раз.

Вместе с тем на этой же странице у реципиента посредством различных техник создаётся ощущение доминирования В.В. Путина. Напечатанное фото исполняющего обязанности главы государства значительно превосходит по масштабу фотографическое

изображение ушедшего в отставку Президента РФ. При этом В.В. Путин на фотографии стоит, выпрямив спину, а Б.Н. Ельцин запечатлён в положении сидя. Такое изображение двух лидеров подчёркивает их яркое несходство. Под каждой из фотографий приводятся тексты выступлений изображённых на них политиков. Заголовков выступления Б.Н. Ельцина напечатан заметно меньшим шрифтом, чем выступления В.В. Путина. Текст выступления В.В. Путина приводится на первой странице газеты полностью, в то время как значительно превышающий его по объёму текст выступления Б.Н. Ельцина размещён здесь лишь частично, занимая существенно меньше места. Его окончание публикуется на второй странице. Всё это уже на визуальном уровне создаёт впечатление выхода на первый план новой фигуры.

Заголовком последнего выступления Б.Н. Ельцина стали его слова «Главное дело своей жизни я сделал» [7, с.1]. Выступление В.В. Путина озаглавлено словами «Все доброе обязательно сбудется». Перед заголовком стоят имя, напечатанная заглавными буквами фамилия будущего президента и знак двоеточия. Однако, если высказывание Б.Н. Ельцина в заголовке его выступления приводится дословно, то «название» выступления В.В. Путина в «Российской газете» представляет собой значительно видоизменённую выдержку из текста. Назначенный исполняющим обязанности Президента РФ Председатель правительства сказал в своём новогоднем обращении: «Все доброе и все хорошее, задуманное вами, обязательно сбудется» [18, с.1]. Изъятие причастного оборота, содержащего местоимение «вами», из предложения приводит к тому, что в заголовке выносится синтаксическая конструкция, в которой субъект действия фактически отсутствует. Как показывают политико-психологические исследования, «безагенсные» и

«псевдоагенсные» конструкции существенно снижают критическое восприятие текста читателем [15, с. 89]. Фраза же, содержащая в себе глагол «сделал», напротив, «настраивает» читателя несколько критически.

Употребление глаголов в заголовках двух выступлений также имеет свое семантическое значение. Глагол в заголовке выступления Б.Н. Ельцина, обозначающий действие политика, употреблён в прошедшем времени, тогда как глагол в заголовке выступления В.В. Путина, хотя и не обозначает его действия, использован в будущем времени, создавая у читателя ощущение «устремлённости в будущее» всего текста.

Символично, что выступления двух политических лидеров на первой странице «Российской газеты» разделены их указами: Указом Президента Российской Федерации № 1761 «Об исполнении полномочий Президента Российской Федерации», подписанным Б.Н. Ельциным, и Указом Президента Российской Федерации № 1762 «О временном исполнении полномочий Президента Российской Федерации», изданным уже В.В. Путиным. Публикацией этих двух указов, содержащих в себе ссылки на положения Конституции Российской Федерации между выступлениями Б.Н. Ельцина и В.В. Путина, легитимируется акт передачи власти преемнику, совершаемый в современном государстве.

В процессе легитимации власти нового главы государства образы Б.Н. Ельцина и В.В. Путина оказываются сопряжены. Их корреляцию отражает распространение в российском официальном медиадискурсе слова «преемник». Оно становится своего рода маркером, обозначающим появление нового главы государства.

«Преемственность власти» становится одной из важнейших тем публикаций «Российской газеты» в январе 2000 г. и мощнейшим фактором в процессе артикуляции позитивных оценок, даваемых политическому шагу Б.Н. Ельцина. В частности, в двадцатом номере приводятся результаты «январского опроса общественного мнения», которые предоставил ИТАР-ТАСС независимый исследовательский центр РОМИР. В соответствии с ними «более половины россиян – 54,5 процента – проголосовали бы за Владимира Путина» [13, с. 3]. В номере «Российской газеты», вышедшем 26 февраля 2000 г., под заголовком «Хватит бредовых идей революции» публикуется «отклик» А. Боева из Владикавказа на анкету, размещён-

ную в «Российской газете» 4 февраля 2000 г. Он пишет о В.В. Путине: «Его избрал своим достойным преемником первый Президент России Борис Ельцин, а это значит, что в стратегическом плане прежний курс к цивилизованной социально ориентированной рыночной экономике будет продолжен» [2, с. 5]. На необходимость преемственности власти для успешного развития международных отношений на дальневосточном направлении обращает внимание политический обозреватель «Российской газеты» В. Овчинников: «Пекину очень важно получить из первых уст подтверждение того, что после отставки Бориса Ельцина подход Москвы к российско-китайским отношениям остается прежним» [16, с. 7].

Артикуляция темы преемственности власти отражает подмеченную Э.В. Будаевым общую тенденцию российского политического дискурса начала XXI столетия к активизации метафор из сферы-источника «Монархия» [4, с. 7]. С данной тенденцией связано и преподнесение в официальном дискурсе передачи власти от Б.Н. Ельцина В.В. Путину как неожиданного события не только для «народа», но и для самого «преемника». В частности, своё выступление В.В. Путин начинает со слов: «Сегодня, в новогоднюю ночь, я, как и вы, с родными и друзьями собирался выслушать слова приветствия Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Но вышло иначе. Сегодня, 31 декабря 1999 года, первый Президент России принял решение уйти в отставку» [18, с. 1].

Акцентирование внимания на неожиданности, самостоятельности и некоторой спонтанности решения Б.Н. Ельцина в официальном дискурсе, вероятно, связано с конструированием в нем «биографического текста» нового правителя, в котором В.В. Путин предстаёт как «человек судьбы». В создаваемой мифологеме В.В. Путин не стремится к высшей власти преднамеренно, а, взяв бразды правления государством в свои руки, лишь выполняет то, что ему предназначено судьбой. Получение им президентских полномочий, его «принадлежность» к институту объясняется не активными действиями с его стороны, направленными на завоевание власти, а вмешательством в его жизнь посторонних сил.

Одновременно в российской официальной прессе формируются позитивные представления непосредственно об институте президентства. Уже на уровне семантических микроструктур положительное

отношение продуцентов печатных текстов к данному институту выражается в написании слова «Президент» с заглавной буквы.

Характерно и то, что публикация в первом «посленовогодном» номере принятого Государственной Думой 1 декабря 1999 г. Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» предваряется интервью с председателем Центризбиркома А.А. Вешняковым. Он, отвечая на вопросы журналистки А. Козыревой, акцентирует внимание на том, что «при принятии решения о своей отставке Президент учитывал, что есть новая правовая база для проведения выборов» [10, с. 1].

В этой связи вполне логичным выглядит выдвигание на первый план в структуре создаваемого на страницах «Российской газеты» имиджа Б.Н. Ельцина представлений о его политической деятельности, которые обретают яркую положительную окраску, распространяя её на остальные компоненты образа. Центральное место в процессе освещения политической деятельности экс-президента занимает его решение об отставке, которое преподносится как добровольный уход из политической жизни.

Наибольшее значение в конструировании образа ушедшего президента и представлений о его политической деятельности как компонента этого образа имеет включение в пространство газетного дискурса фрагментов «чужой речи», в частности, высказываний «людей из народа». В первом январском номере «Российской газеты» под новогодними обращениями двух лидеров размещён подготовленный Е. Писаревым блиц-опрос жителей Тамбова, представляющий «мнение народа». Он озаглавлен словами: «Это мужественный шаг первого Президента России». В нём действия Б.Н. Ельцина, связанные с его отставкой, характеризуются следующими выражениями: «...это было его право, и он им воспользовался» (Виктор Кулаев, 37 лет); «президент совершил гражданский подвиг» (Михаил Ананьев, 40 лет), «этот мужественный шаг сделан Президентом вовремя и красиво» (Виктор Шемякин, 55 лет). Говоря о политической деятельности Б.Н. Ельцина в целом, респондентка Лариса Долгушина (49 лет) особое внимание уделяет тому, «какой ценой он защищал демократию от оголтелых коммунистов».

Показательно, что респонденты в 2000 г. говорят в прошедшем времени не только об исполнении Б.Н. Ельциным обязанностей Президента РФ, но и о положительных чер-

тах его характера, о нём самом («он не был мстительным», «меня в нем привлекало его отношение к критике» и т.д.). Так в православной традиции говорят о недавно умершем человеке. Завершает публикацию блиц-опроса высказывание респондента Валерия Парамонова (33 года), коррелирующее с заголовком выступления Б.Н. Ельцина: «Он сделал все, что мог» [17, с. 1]. Репрезентация позитивных представлений о политической деятельности Б.Н. Ельцина усиливается благодаря цитируемым в газете высказываниям российских и иностранных официальных лиц различного уровня [5, с. 1].

Особую роль в процессе формирования положительных представлений о политической деятельности Б.Н. Ельцина играют сообщения о вручении ему различных наград. На страницах газеты сообщается о вручении ему во время визита в Вифлеем «первому из группы действующих президентов» Звезды кавалера ордена Гроба Господня [1, с.1], о награждении Б.Н. Ельцина одной из высших государственных наград Белоруссии – орденом Франциска Скорины [19, с. 1] и т.д.

Отдельно стоит обратить внимание в этом ряду публикаций о полученных Б.Н. Ельциным наградах на публикации в февральских номерах «Российской газеты», освещающие события, разыгравшиеся вокруг инициативы латвийских властей по награждению Б.Н. Ельцина орденом Трёх Звезд. В статье, появившейся в тридцать шестом номере газеты 19 февраля 2000 г. журналист Е.П. Вострухов сообщал о решении особой латвийской организации, именуемой «Думой по награждению орденом», представить Б.Н. Ельцина к награде «за личный вклад в восстановление независимости Латвии». С одной стороны, автор статьи обращает внимание на то, что «роль первого Президента новой России» в процессе обретения Латвией суверенитета «действительно заслуживает высокой оценки». Кроме того, он напоминает, что в период президентства Б.Н. Ельцина «Россия в срок или досрочно выполнила все свои обязательства перед Ригой по выводу войск и демонтажу Скрундского локатора, подписала ряд важных международных соглашений». С другой стороны, текст статьи начинается с пересказа истории награды, которой «наградил отличившихся еще диктатор Улманис, совершивший в 1934 году фашистский переворот». Далее приводится ряд фактов, свидетельствующих о сильных позициях в латышском обществе профашистских политических сил и дискриминации русскоязыч-

ного населения. Автор текста цитирует слова оппозиционного латвийского публициста Т. Яссона, ветерана Великой Отечественной войны Г. Курпника, председателя Русского общества в Латвии Т. Фаворской, проживающего на территории Латвии этнически русского безработного В. Чаплишкина, которые «жалуются на притеснения» и «просят» Бориса Николаевича не принимать награду. В завершающей части статьи автор высказывает предположение о том, что «Новая партия во главе с маэстро Раймондом Паулсом», первоначально инициировавшая награждение, действовала из конъюнктурных соображений. Заканчивается текст вопросом: «А может, действительно Борису Николаевичу не стоит спешить с получением сомнительной награды?» [6, с. 7].

Несмотря на то, что статья оформлена как самостоятельная публикация, продолжение рассказываемой в ней истории развивается в следующем по счёту, тридцать седьмом номере «Российской газеты», вышедшем 22 февраля 2000 г. В нём публикуется текст заявления Б.Н. Ельцина, красноречиво озаглавленный редакцией газеты словами: «Борису Ельцину пытались оказать «высокую честь». Он с честью отказался». Текст заявления предваряет фраза, «отсылающая» читателя к публикации в субботнем номере «о специфическом отношении латвийских властей к фашизму, фашистам и антифашистам». Непосредственно перед текстом заявления напечатана заканчивающаяся знаком двоеточия фраза: «Когда номер уже был подписан к печати, пресс-служба Президента РФ передала следующий текст заявления Бориса Ельцина». Таким образом, в официальном дискурсе у реципиента, с одной стороны, имплицитно создаётся ощущение того, что первый Президент РФ в своих действиях прислушивается к «гласу народа» (мнению ветерана Великой Отечественной войны, русского безработного и т.п.). С другой стороны, подчёркивается отсутствие какого-либо плана в действиях редакции в связи с данным решением Б.Н. Ельцина, для чего и служит упоминание того, что президентская пресс-служба передала текст заявления Б.Н. Ельцина после подписания номера к печати.

В заявлении Б.Н. Ельцина, как и в статье В.П. Вострухова, чётко обозначаются заслуги первого Президента России, дающие ему право на получение награды («я решительно поддержал движение по пути утверждения государственного суверени-

тета Латвии»). После этого экс-президент перечисляет обстоятельства, не позволяющие ему принять награду из рук латышского руководства: «...ущемляются права национальных меньшинств», «проводится откровенная дискриминация наших соотечественников», «раскручивается кампания преследования ветеранов войны и военной службы» и т.д. Заканчивается заявление решением, которое просил «народ» в статье Е.П. Вострухова. Б.Н. Ельцин заявляет: «В этих обстоятельствах моральные и человеческие убеждения не позволяют мне принять награду» [3, с. 1].

В том же, тридцать седьмом номере газеты, в рубрике «Мир и Россия» мы находим и третью часть данной суперструктурной схемы – заметку под заглавием «Латвия против геноцида». Она начинается словами: «Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга выразила сожаление в связи с тем, что первый Президент России Борис Ельцин отказался от высшей награды Латвии – ордена Трёх Звезд». Широко распространённое речевое клише «выразить сожаление» обретает в данном тексте особое звучание в связи с введённым ниже в текст фрагментом из беседы латвийского президента с журналистами: «Не в наших силах как-то повлиять... Жаль». Таким образом, на фоне слабости позиций латвийских политических оппонентов Б.Н. Ельцина, которые могут лишь «сожалеть», в тексте демонстрируется сила политического акта, совершённого первым российским президентом. Эффект от совершённого Б.Н. Ельциным действия усиливается в газетном дискурсе сообщением: «В. Вике-Фрейберга признала, что нацистским оккупантам во времена Второй мировой войны удалось завербовать «известную часть латышей, и это достойно сожаления», и «заявила о необходимости довести дело подозреваемого в военных преступлениях Конрада Калейса «до логической развязки» [12, с. 1].

Не меньшее значение в формировании положительного образа Б.Н. Ельцина имеет включение в пространство газеты высказываний региональных лидеров. Присутствие имен популярных в регионах политиков на страницах газеты, в позитивном ракурсе рассматривающих итоги политической деятельности Б.Н. Ельцина, несомненно, ведёт к «осветлению» его образа.

Примеры использования эффекта престижных имен отчётливо прослеживаются, в частности, в материалах, публикуемых в

«Российской газете» А. Козыревой. Журналистка приводит высказывания ряда крупных должностных лиц, положительно оценивающих политическую деятельность Б.Н. Ельцина в контексте его отставки. Так, в статье с характерным названием «Преемственность власти» акцентируется внимание на том, что Е.С. Строев «от имени Совета Федерации поблагодарил Бориса Ельцина за его работу» [11, с. 2]. Публикуя данные проведенного ею «блицопроса» в рубрике «Прямая речь» А. Козырева приводит мнения и других членов Совета Федерации. Губернатор Тюменской области Л.Ю. Рокецкий, рассуждая об отставке Б.Н. Ельцина, использует фрейм «Президент совершил мужественный поступок». Приводимое высказывание на ту же тему главы Алтайского края А.А. Сурикова начинается со слов: «Считаю, что Президент верно рассчитал время своего ухода» [9, с. 2].

Слово «эпоха» употребляется в данном тексте три раза и всегда увязывается непосредственно с фигурой правителя. Первое употребление происходит в результате появления в тексте речевого клише «эпоха Ельцина». Практика «увязывания» образа эпохи и образа политического лидера достаточно часто применяется на страницах «Российской газеты». В ходе анализа её номеров за 2000–2008 гг. нами было обнаружено 264 публикации, в которых слово «эпоха» и фамилия первого российского президента, так или иначе, сопряжены друг с другом. В свете данной статистики в российском политическом дискурсе артикуляция темы смены правителей и, соответственно, темы смены эпох выглядит важнейшим фактором, усиливающим позитивные характеристики всех компонентов образа Б.Н. Ельцина.

Важную роль в формировании образа экс-президента как образа прошлого играет интенсивное использование глагола

«уходить» и других слов, этимологически и семантически близких слову «уход». К употреблению такого рода семантических микроструктур многократно прибегает и сам «уходящий президент». В своём Новомодном обращении он использует данный глагол и однокоренные ему слова 7 раз (6 раз применительно к себе). Выражение «я ухожу» встречается в тексте 2 раза и в обоих случаях представляет собой отдельное предложение, которое заканчивается точкой [7, с. 1–2]. Именно с фразы «я ухожу», оформленной в виде прямой речи, в следующем номере «Российской газеты» начинается свою статью, посвящённую Б.Н. Ельцину, историк Р.А. Медведев [14, с. 5].

Ощущение окончательного ухода Б.Н. Ельцина из политики создаётся у читателя и за счёт снижения журналистского интереса к его фигуре, динамика которого прослеживается в процессе анализа последующих номеров «Российской газеты». Если в нескольких первых номерах «Российской газеты» фамилия Б.Н. Ельцина стабильно фигурирует на первых страницах (№ 1–6), то, начиная с седьмого номера, первый Президент РФ перестаёт выступать в роли ньюсмейкера, его фамилия надолго сходит с первых страниц официального газетного издания.

Несмотря на это, в январе-феврале 2000 г. в российском официальном дискурсе образ Б.Н. Ельцина рисуется в основном в светлых красках. В официальных медиатекстах конструируется миф о добром «демократическом царе», Президенте, сделавшем для своего народа всё, что он мог, а потому уходящем на покой. Вместе с ним в российской официальной мифологии уходит эпоха перемен, кризисов и невзгод. Ей на смену приходит новая эпоха нового Президента, наследника, получившего престол из рук старого правителя, исполнив ритуал «демократической» передачи власти.

1. Батыгин А. Праздник светлой надежды // Российская газета. – 2000. – 10 января.
2. Боев А. Хватит бредовых идей революции // Российская газета. – 2000. – 26 февраля.
3. Борису Ельцину пытались оказать «высокую честь». Он с честью отказался // Российская газета. – 2000. – 22 февраля.
4. Будаев Э.В. Социум и власть в зеркале метафоры: исследовательские эвристики // Социум и власть. – 2008. – № 2. – С. 5–11.
5. Будем сотрудничать // Российская газета. – 2000. – 5 января.
6. Вострухов Е. Алло, Рига! Три Звезды на тюремном фоне маэстро Паулс «пробил» для первого Президента России латвийский орден – за заслуги перед Отечеством. Ветераны Великой Отечественной призывают Б.Н. Ельцина не принимать эту награду // Российская газета. – 2000. – 19 февраля.
7. Ельцин Б.Н. Главное дело своей жизни я сделал // Российская газета. – 2000. – 5 января.
8. Из одной кампании в другую // Российская газета. – 2000. – 6 января.
9. Козырева А.В. Новый год без новых потрясений // Российская газета. – 2000. – 6 января.
10. Козырева А. Выборы нового Президента России пройдут по новому избирательному закону // Российская газета. – 2000. – 5 января.

11. Козырева А. Преемственность власти // Российская газета. – 2000. – 6 января.
12. Латвия против геноцида // Российская газета. – 2000. – 22 февраля.
13. Лидирует В. Путин // Российская газета. – 2000. – 28 января.
14. Медведев Р. И все-таки – эпоха Ельцина // Российская газета. – 2000. – 6 января.
15. Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис. – 2000. – № 4. – С. 82–93.
16. Овчинников В. Сохранить стратегическую стабильность // Российская газета. – 2000. – 29 февраля.
17. Писарев Е. Это мужественный шаг первого Президента России // Российская газета. – 2000. – 5 января.
18. Путин В.В. Все доброе обязательно сбудется // Российская газета. – 2000. – 5 января.
19. СНГ: свежее дыхание // Российская газета. – 2000. – 26 января.
20. Wilke J. Pressegeschichte // Das Fischer Lexikon: Publizistik Massenkommunikation. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. – S. 460 – 492.

ВООРУЖЕННОЕ НАСИЛИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 32

Р.Х. ФАЙЗРАХМАНОВ

Значение августовских событий 2008 года, определенных на официальном уровне как операция по принуждению Грузии к миру, не представляется возможным переоценить. Они разве что сравнимы с атакой двух нью-йоркских небоскребов в 2001 году, захватом заложников в Норд-Осте в 2002 году, нападением боевиков на школу в Беслане в 2004 году и подобными актами, навсегда вошедшими в историю начавшегося столетия. При всей множественности и разнообразии их объединяет одно: в этих и аналогичных явлениях и процессах объективируются вооруженные формы социально-политического насилия.

Современные реалии таковы, что в обозримом будущем человечество вряд ли откажется от них. А это со всей очевидностью обуславливает интерес к проблемам вооруженного насилия и особенно механизму его применения на постсоветском пространстве.

Под постсоветским пространством не следует понимать что-то однозначное и одноименное. В первую очередь, к нему можно отнести все народы и страны, в разной мере испытывавшие непосредственное влияние бывшего Советского Союза. Это пространство можно определить границами, в которых пребывала и развивалась так называемая мировая система социализма, или бывшие социалистические государства. Справедливо, как нам видится, включить сюда и иные слабые (например, многочисленный отряд бывших коммунистических и рабочих партий, так называемые государства социалистической ориентации и др.), что безразмерно расширяет его геополитические масштабы.

Однако чаще постсоветское пространство сводится к территории и совокупности тех современных народов и стран, которые составляли в прошлом Советский Союз. При чем они были связаны не только господством коммунистической идеологии и советской власти, а чем-то иным, более глубинным и сокровенным. Это есть собственно постсоветское пространство или постсоветское пространство в узком смысле слова.

В этой связи вспоминаются слова известного философа П.И. Новгородцева, ут-

верждавшего, что в истории человечества можно различать два типа народов. Одни из них «с замечательной размеренностью и постоянством шагают однажды избранным путем расширения своей власти, своего богатства и славы, пока не иссякнут и не израсходуются их внутренние силы. Их путь прям и последователен». Другие же, по его мнению, «образуют этим первым народам противоположность. Их путь непрямолинеен и прерывен, их характер двойственен и чрезвычайно непостоянен, их цели очень сложны и загадочны» [цит. по З, с. 220–221].

Нетрудно догадаться, что Россия и ее народы отнесены нашим соотечественником к числу тех «других». Для них характерно, что «в один период они взбирались на вершину величия и духовного возвышения, а в другой – низвергаются в бездну, чтобы затем вновь подняться и, возрождаясь, поразить мир своей жизненной силой» [З, с. 221]. Сам факт существования СССР и все, что происходило и происходит в его пределах после декабря 1991 г., это убедительно подтверждают.

Многочисленные, порой самые неожиданные по характеру и содержанию события и процессы, происходящие на постсоветском пространстве, убедительно доказывают, что народам России и другим вновь образовавшихся здесь государств досталось от прошлого далеко не самое светлое и доброе наследство. Однако, несмотря ни на что, к ним в полной мере можно отнести слова видного российского философа Н.А. Бердяева о том, что «...существуют народы и расы, которые не сказали еще своего слова, не выполнили своего дела, и им предстоят еще периоды высшего подъема» [1, с. 199]. Не верить в это нельзя и не хочется.

Под этим «несмотря ни на что» имеется в виду то, что уже около двадцати лет на постсоветском пространстве происходит то, что наводит на мысль о проявлении особой черты в характере народов, его населяющих. Речь идет о их такой, поистине уникальной способности, как доведение почти любой, порой самой простой ситуации до крайности, использование для выхода из нее любых, порой неожиданных и радикальных методов и средств, вплоть до экстремальных.

Убедительным доказательством тому служит то, что значительная часть народов постсоветского пространства, понимаемого в широком смысле слова, прежде всего, стран Восточной Европы, сумели в достаточной мере преодолеть большинство катаклизмов, вызванных предшествующим развитием. Что же касается ситуации на территории, ставшей плацдармом для появления сразу пятнадцати новых суверенных государств, то она не перестает быть конфликтогенной, зачастую просто взрывоопасной.

Неспроста в утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 Стратегии национальной безопасности России подчеркивается, что развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ, составляющих, по нашему мнению, ядро постсоветского пространства, было и остается для России приоритетным направлением внешней политики. В документе, рассчитанном до 2020 г., обращается внимание на то, что в условиях конкурентной борьбы за удовлетворение национальных интересов не исключены решения возникающих проблем *с применением военной силы*, может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников.

Чем вызвана такая ситуация на постсоветском пространстве? Что для нее характерно в первую очередь?

Вопросов и ответов может быть много. Однако среди ученых и политиков нет единого мнения относительно того, что лежит в основе социального развития, каковы его корни. Можно выделить две доминирующие, наиболее распространенные точки зрения. Сторонники одной из них отдают предпочтение *согласию и солидарности*, другие детерминируют все происходящее в обществе *конфликтом*, присущим всякому социальному явлению и процессу.

Позиция первых довольно сомнительна. С точки зрения чувственно-эмоциональной можно найти повод, чтобы согласиться с ними, ведь абсолютное большинство людей склонно к миру и согласию, они испокон веков тяготеют и тяготеют к этому, понимая такое состояние как естественное, нормальное. Вполне закономерно, что оно оказалось выраженным в праве, поскольку, по утверждению широко известного И.А. Ильина, «человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права» [2, с. 24]. Размышляя таким образом, он отмечает одну немаловаж-

ную деталь: «По своему объективному значению право есть орудие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывает собой ложь и насилие, тягание и раздор, бунт и войну» [2, с. 25]. Заметим, звучит по крайней мере любопытно и, более того, как повод для мысли о том, что мир, согласие и все с ними связанное есть предполагаемое, желаемое, а на самом же деле правят миром их антиподы.

Последнее склоняет чашу весов в дискуссию об основах социального развития в сторону тех, кто отдает предпочтение социальному конфликту. Рискнем предположить, что правы именно они, ратующие за опережающую, иногда доминирующую роль социального конфликта как не просто реальности, социального факта, а нормального ритма социальной жизни. По утверждению специалиста в области общественных отношений Р. Дарендорфа, для реального мира просто необходимо пересечение различных взглядов. Именно конфликт и изменения дают людям необходимую свободу, которая без них невозможна. Отложить, отодвинуть конфликт, сделать вид, что его нет, значит только усилить его потенциальную злокачественность, дать новый импульс той части его энергии, которая разрушает. Тот, кто упускает возможность разрешения конфликта, утверждает Р. Дарендорф, получает ритм истории себе в противники [см.: 8, р. 87].

Трудно не согласиться с его точкой зрения о том, что все социальные отношения, которые связаны с несовместимостью устремлений индивидов, являются отношениями социального конфликта, способного принимать форму гражданской войны или парламентских дебатов, забастовки или хорошо регулируемых отношений [см.: 7, р. 135].

Сегодня нет необходимости перечислять все многочисленные факты конфликтов, современником которых является каждый из нас вот уже в течение почти двадцати лет постсоветского развития. Подчеркнем лишь, что распространенный в науке и практике анализ конфликтов, проводимый по хронологическо-событийному принципу, вряд ли позволит в полной мере рассмотреть всю палитру и диалектику этих процессов, рано или поздно он приведет к субъективно-оценочным заключениям о содержании и движущих силах того или иного конфликта. Объективными же были и остаются лишь сам факт конфликта и его результаты.

Не ставя цель сконструировать особую типологию конфликтов, сосредоточим свой

взор на традиционном подходе к пониманию постсоветских конфликтов. Помня, что используемые при этом критерии в литературе уже сформулированы, а политические и идеологические ориентации вряд ли устранимы, выделим среди них лишь те, что имеют, по нашему убеждению, непосредственное отношение к интересующей нас проблеме. Обратим внимание лишь на некоторые из них:

- конфликт в Нагорном Карабахе, (1988 г. – настоящее время), характеризующийся столкновениями на этноконфессиональной почве;

- конфликт в Приднестровье 1992–1997 гг., связанный с попытками Тирасполя выйти из состава Молдовы;

- события в Таджикистане, начавшиеся в 1992 г. из-за борьбы за центральную политическую власть, столкновения происходят на религиозно-клановой основе;

- осетино-ингушский конфликт, разразившийся в октябре-ноябре 1992 г. как следствие политики депортации и этноконфессиональных противоречий;

- дагестанские события со 2 августа по 17 сентября 1999 г., вызванные вторжением чеченских бандформирований;

- события в Чечне 1994–1996 гг. и с 4 октября 1999 по настоящее время, именуемые как контртеррористическая операция по уничтожению бандформирований и их баз на территории Чечни. Правда, приказом директора ФСБ РФ от 16 апреля с.г. режим контртеррористической операции отменен. Мероприятия по борьбе с терроризмом в данном субъекте РФ будут осуществляться в соответствии с общим порядком, действующим в других регионах страны. Однако об окончательном разрешении конфликта здесь говорить пока преждевременно;

- и, наконец, грузино-осетинский конфликт, продолжающийся с 1991 г. и характеризующийся периодическими вооруженными столкновениями на этнической основе;

- а также, грузино-абхазский конфликт, не прекращающийся с 1992 г. из-за сепаратистского движения абхазов и сопровождающийся вооруженными столкновениями на этноконфессиональной основе.

Апогеем двух последних конфликтов явились, как известно, августовские события 2008 г., упомянутые в начале статьи.

Аксиоматично то, что основной формой и закономерным следствием всех этих и других конфликтов, является, как отмечено выше, *насилие* с применением *вооруженных*

средств и методов. Именно такое насилие во всех его проявлениях выступает тем критерием, который дает повод свести перечисленные и подобные им конфликты к одному виду – вооруженным конфликтам.

В связи с этим социопсихолог Жак Семлен небесспорно отмечает, что «истории присущи конфликты, а не насилие» и тут же утверждает, что «эти два понятия часто смешивают, игнорируя их принципиальное различие. Насилие – это один из возможных способов разрешения конфликта путем уничтожения друг друга. Насилие старается подавить конфликт, так как оно направлено на физическое истребление противника. История являет собой столкновение интересов людей, их противоположных мнений, которое выражается в различных формах проявления конфликта» [4, с. 85–87].

Подчеркнем, что конфликт и насилие, несмотря на прямую и непосредственную взаимосвязь друг с другом, изучены политологами и представителями других наук далеко не в равной мере. Конфликт оказался более исследованным явлением, сегодня широко распространено такое понятие, как конфликтология. Под ней понимается самостоятельная отрасль знания на стыке политологии, социологии, психологии и других наук.

Что касается насилия, то во второй половине двадцатого века на Западе начала складываться такая самостоятельная научная дисциплина, как валеинсология, изучающая насилие, с отдельными направлениями: политологическим, социологическим, психологическим, юридическим, международным. Российские ученые в этом плане существенно отстают от своих западных коллег. А уж если говорить о такой разновидности насилия, как вооруженное, то здесь разрыв увеличивается безмерно.

Причем к проблемам вооруженного насилия в нашей стране обращаются в первую очередь военные. Уж не потому ли, что именно они, с одной стороны, используются как субъекты насилия или, скорее, как средства его применения, а с другой, становятся, если не основными, то, как правило, первыми его жертвами?

Вопрос далеко не риторический. Ради корректности оставим его в данном случае без ответа. Однако сошлемся при этом на слова пока еще мало известного общественности военного теоретика начала двадцатого века А.Е. Снесарева о том, что «занятые своими специальными темами и излив на них всю свою энергию, военные науки не в си-

лах серьезно заняться войной как основным вопросом, и, в крайнем случае, им довольно какого-либо формального постулата, вроде того, что война явление неизбежное или всепроникающее, чтобы на нем построить все свои последующие выводы» [5, с. 62].

Распространенные на постсоветском пространстве вооруженные конфликты суть явления и/или процессы, которые происходят между конкретно определенными сторонами во времени и пространстве и имеют конкретное содержание и определенную форму.

Ацентрируя свое внимание на *форме* конфликта, мы понимаем под ней *способ и особенности его протекания, а также совокупность используемых при этом средств и методов достижения целей*. В данном случае следует вспомнить утверждение римских юристов о том, что *forma dat esse rei* (форма дает бытие вещи).

Итак, основной формой всех упомянутых выше конфликтов является вооруженное насилие, рассматриваемое нами *как особое средство и метод социальной борьбы, крайний способ принуждения противной стороны путем применения или угрозы применения вооруженной силы*.

Сущностной особенностью его является то, что оно выступает специфической формой принуждения с использованием специальных материальных устройств и средств, прежде всего, военной техники и вооружения, применяемых для физического уничтожения живой силы противника, его техники и вооружения, всевозможных сооружений и объектов.

Вооруженное насилие однозначно оценивается как крайняя форма и средство политического насилия, представляющего собой высшее воплощение социального насилия. Проявляется оно в политической сфере, основным содержанием которой было, есть и остается захват, удержание и использование политической власти, достижение политического господства, регулирование и всестороннее воздействие на экономические, социальные, духовные и иные явления и процессы. Обращение к любому конфликту на постсоветском пространстве и даже поверхностная оценка каждого из них подтверждает правоту этой мысли, поскольку за каждым из них стоят определенные политические силы, преследующую, в конечном счете, одну цель – прийти к власти, не гнушаясь при этом никакими средствами и методами.

Объективно в поле нашего внимания оказывается довольно широкая гамма разнообразных видов и форм проявления вооруженного насилия. В политологической литературе среди них называют войны (различные по характеру и масштабу), вооруженные восстания, повстанческую борьбу, путчи, массовые репрессии, террор, военную блокаду, демонстрацию военной силы с угрозой ее применения и без таковой и т.д. Авторы их разным образом интерпретируют уже известные подходы, пытаются предложить собственно свои.

Не бесспорной среди них выглядит, например, точка зрения авторов, относящих вооруженный конфликт к разновидности войны. Кажется, они противоречат сами себе. Более широким в данном случае будет понятие вооруженного конфликта. Война, под которой понимается не только продолжение политики, а еще и особое состояние общества, всегда есть конфликт, одна из форм его. Не всякий конфликт и не всегда «дорастает» до войны, он протекает относительно локально, чаще кратковременно, используется как средство или метод, а не цель. События на постсоветском пространстве убедительно доказывают верность нашего тезиса.

На проявление самых разнообразных видов и форм вооруженного насилия оказывают влияние, прежде всего, преследуемые цели и задачи, конкретные международные и/или внутренние условия, соотношение сил и средств, экономические, социальные, демографические, собственно военные и другие возможности. В совокупности они являют собою основу механизма применения вооруженного насилия на постсоветском пространстве.

С точки зрения логической в этот механизм следует включить такие структурные элементы, как совокупность субъектов (лиц, групп, объединений) и иных социально-политических институтов); объект насилия; установленный порядок (процедуры) действий по применению насилия; конституционно-правовые и концептуальные (доктринальные) основания применения вооруженного насилия.

Анализ и оценка качества и состояния этого механизма дают основание считать, что он характеризуется *системностью*. Проявляется она в двух аспектах:

во-первых, рассматриваемый механизм представляет собой важный структурный компонент политической системы общества;

во-вторых, сам по себе он представляет не простую совокупность, а четко определенную систему взаимосвязанных элементов, названных выше.

Имея в своем генезисе одинаковые сущностные корни и выражая специфические отношения и деятельность тех или иных социальных сил и групп, все виды и формы вооруженного насилия подчинены действию определенных закономерностей [6, с. 19–22]. Среди них преобладают, как нам кажется, те, что так или иначе связаны с морально-психологическими и идеологическими факторами.

Руководствуясь определенными соображениями, мы видим смысл проанализировать отдельные элементы механизма применения вооруженного насилия как системного явления.

Цель вооруженного насилия можно определить как предвосхищение субъектом конечного результата своих действий по принуждению противоположной стороны при помощи крайних форм насилия действовать согласно социально-политическим интересам субъекта. Коль всякая цель диалектически связана с причинами, порождающими явление или процесс, то цель вооруженного насилия также имеет прямую и непосредственную связь с причинами, вызывающими политический конфликт и применение оружия для ее разрешения.

С учетом того, что насилие однозначно предполагает участие в нем минимум двух сторон, то происходит это таким образом, что одна из них инициирует применение вооруженного насилия, а другая же принимает в связи с этим соответствующие ответные меры. То есть цели, преследуемые ими, объективно становятся противоположными, а используемые при этом средства и методы могут быть аналогичными. Таким образом, сторона, инициирующая насилие, однозначно выступает в качестве его субъекта, а контрсторона, подвергающаяся этому насилию, может быть признана его объектом.

Под субъектом вооруженного насилия понимают тех участников политических отношений, которые стремятся в своей деятельности с помощью крайних форм насилия принудить противоположную сторону следовать их политической воле.

В качестве таковых в современных условиях выступают индивиды, большие и малые социальные общности (социальные группы, классы, нации, конфессии); политические институты (государства, международные организации, политические партии и т. п.). По

положению эти субъекты могут быть институциональные (формальные), к которым относятся должностные лица, государственные органы, а также неинституциональные (неформальные) – общественные деятели, массовые общественные организации и движения и т. п., в т.ч. преступные формирования.

В зависимости от места и роли в принятии военно-политических решений (имеются в виду по применению вооруженного насилия) выделяют субъекты решающие, к числу которых относятся главы государств и правительств, парламента, военные ведомств (министерство обороны, генеральный штаб, объединенное командование и т. п.); совещательные (советы национальной безопасности, консультанты, советники, группы давления и лобби); обеспечивающие (научные и информационные центры и организации и др.).

Характеристика субъектов вооруженного насилия будет неполной, если не обратить внимания на такую деталь. Непосредственные участники вооруженных формирований не являются субъектами вооруженного насилия, поскольку они формируются и организуются так называемыми основными субъектами того или иного политического действия и выступают в их руках как средства вооруженного насилия, но не как субъекты. Это замечание, видимо, не стоит считать малозначительным, поскольку, когда встает вопрос об ответственности за применение вооруженного насилия, она не может быть для всех одинаковой. Ведь одно дело, когда надо привлекать к ответственности членов вооруженных бандформирований в Чечне и тех, кто их подвиг к этому, организовал, вооружил и руководил их действиями.

Объектом вооруженного насилия выступает та сторона, которая противостоит инициатору его применения. Судьба его определяется в зависимости от поставленных субъектом целей.

Субъекты вооруженного насилия в интересах достижения поставленных перед собой целей используют все необходимые для этого *средства*. В качестве их рассматривают специально создаваемые субъектом насилия вооруженные формирования, а также все находящееся у них вооружение – оружие, боевая техника и специальное оборудование, используемые для принуждения объекта следовать и подчиняться воле субъекта насилия.

Средства вооруженного насилия, используемые различными политическими силами, с точки зрения военно-технической

мало чем друг от друга отличаются, а иногда бывают одними и теми же. Их можно разделить на две группы: государственные или формально официальные и негосударственные, неофициальные. Разумеется, речь здесь идет, в первую очередь, о вооруженных формированиях, состоящих из людей. С точки зрения правовой первые можно считать законными, легитимными, поскольку они, их наличие, организация, функционирование и развитие однозначно связаны с государственной волей, обусловлены конституцией страны и другими нормативно-правовыми актами. Вторая группа средств – не законна, не легитимна, ибо с точки зрения формальной она не имеет связи с государством, его волей, выраженной в законах. К последним со всей очевидностью можно отнести упомянутых выше чеченских боевиков и других террористов.

Методы вооруженного насилия представляют собой основные приемы и способы применения субъектами средств вооруженного насилия в интересах принуждения противной стороны следовать их политической воле.

Применяемые в современных условиях методы можно разделить на два вида:

а) непосредственное вооруженное насилие как открытое и прямое воздействие средств вооруженной борьбы на объект насилия;

б) опосредованное вооруженное насилие, не предполагающее открытого и прямого воздействия. Если в первом случае имеет место непосредственное соприкосновение субъекта и объекта через применяемые средства и методы, то во втором проявляется только угроза применения такого насилия.

Наиболее распространенными формами опосредованного насилия являются такие, как приведение вооруженных сил государства в полную боевую готовность;

проведение крупных военных учений и маневров войск; создание в непосредственной близости с границами государства объекта военных баз или сосредоточение крупных воинских формирований; непосредственное присутствие определенного воинского контингента на территории иностранного государства; проведение разведывательных подобных операций и мероприятий.

События последних лет богаты примерами применения и тех и других методов. И не важно, какие из них при этом доминируют и более применимы, ибо принципиально то, что лежит в основе тех или иных действий и бездействий, каковы их конституционно-правовые и концептуальные основания. Ввиду отсутствия возможности детально остановиться на их анализе и оценке заметим лишь, что большинство цивилизованных субъектов (прежде всего, государств) оставляют за собой право применения вооруженного насилия лишь в ответ на агрессивные устремления других субъектов, в интересах обеспечения национальной и международной безопасности, адаптируемой ими на нормативном и доктринальном уровне к новым глобальным реальностям нашего времени.

В качестве вывода подчеркнем, что сегодня как никогда остро звучит вывод нашего соотечественника А.Е. Снесарева, наверняка сравнимого по своему вкладу в теорию вооруженного насилия с Клаузевицем, о том, что «объяснение войны (читай – вооруженного насилия – Ф.Р.) было бы односторонним, если бы было опущено ее государственное толкование и значение» [5, с. 61]. Наступивший век еще не вразумил человечество, оно никак не найдет возможности отказаться в отношении с себе подобными от вооруженного насилия как крайней формы проявления социально-политической конфронтации.

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918.

2. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.

3. Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. / Сост.: Альбов А.П., Масленников Д.В., Числов А.И., Филиппов С.В. – Санкт-Петербург, 1997.

4. Семлен Ж. Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Пер. с англ. и франц. / Сост. Л.И. Василенко, В.Е. Ермолаева. – М., 1990.

5. Снесарев А.Е. Философия войны. М., 2003.

6. Файзрахманов Р.А. Вооруженное насилие как проблема и предмет юридического образования (теоретико-методологические основы анализа) // Мир юстиции. 2003. № 2.

7. Darendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. London, 1959.

8. Darendorf R. The Modern Social Conflict. London, 1958.

МЕХАНИЗМ МНОГОСТОРОННЕГО НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 341.1/8

А.А. ТЕНЕТКО

До Второй мировой войны многостороннее наднациональное регулирование мировых экономических отношений не имело распространения ввиду отсутствия соответствующей инфраструктуры и неправительственных экономических субъектов (ТНК и ТНБ). Фактически действовало несколько многосторонних конвенций по экономическим вопросам, а в уставах международных организаций, таких, как Лига наций, вопросы полномочий организаций в сфере экономики не описывались.

На наш взгляд, необходимость в новом, современном многостороннем механизме регулирования обусловлена следующими факторами:

- экономической глобализацией: развитием взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик;

- усилением международной интеграции и кооперации труда, вызвавших транснационализацию производственной деятельности;

- ростом международного товарообмена (за последние 50 лет мировой товарооборот увеличился более чем в 15 раз) [2, с. 37];

- достижением валютно-финансовой стабильности в рамках специальных систем (сначала Бреттон-Вудской, затем Ямайкской);

- несогласованностью национальных законодательств, что вызвало потребность в создании единообразного универсального механизма организационно-правового регулирования международных экономических отношений; и здесь нужно согласиться с Герчиковой И.Н. в том, что правовая основа и методы выработки и принятия управленческих решений на уровне государственного и частного секторов требовали их унификации с точки зрения способов выработки решений, методов контроля, санкций во избежание многочисленных международных споров (требовали унификации и юридические принципы, используемые при урегулировании споров и коллизий) [2, с. 31];

- развитием региональной экономической интеграции;

- эволюцией межотраслевого экономического сотрудничества на многосторонней основе;

- связанной с экономической глобализацией и интеграцией социально-экономической дифференциации условий жизни людей в разных странах, которая объективно поставила вопрос об оказании помощи и содействия со стороны развитых стран развивающимся странам и среди них наименее развитым и бедным странам; такие усилия требовали координации действий и разработки единой стратегии социально-экономического развития развивающихся стран, разработки средств и инструментов, оказания им экономической, финансовой и технической помощи.

Причинами перехода к коллективным, многосторонним действиям развитых стран с середины XX века стало осознание реальной опасности глобального финансово-экономического кризиса, понимание того обстоятельства, что в условиях быстрого развития процессов транснационализации и мировой интеграции производства совершенно недостаточны усилия одной или даже ряда стран по стабилизации экономики и снижению риска кризисных ситуаций.

Регулирование осуществляется по следующим основным сферам международных экономических отношений:

- промышленное сотрудничество;
- сотрудничество в области транспорта;
- сотрудничество в валютно-финансовой сфере;
- сотрудничество в области мировой торговли;
- сотрудничество в области интеллектуальной собственности;
- сотрудничество в области стандартизации и сертификации продукции;
- сотрудничество в области инвестиций;
- научно-техническое сотрудничество;
- сотрудничество в области международной коммерческой практики.

Очень важно указать все регулируемые объекты, так как экономические методы регулирования определяются спецификой каждого объекта регулирования.

Субъектами регулирования международных экономических интересов выступают:

- 1) государства (правительства и чиновничий аппарат);
- 2) международные организации и неформальные группы интересов (Трехсторонняя комиссия и т.д.);
- 3) транснациональные компании и банки.

Рассмотрим характер участия и взаимодействия указанных субъектов.

Что касается государств с их правительствами и чиновничьим аппаратом, то общая схема участия в регулировании экономики здесь понятна и рассматривается в курсе макроэкономики. Главная особенность – деление стран на развитые и развивающиеся. То есть фактически полноправными субъектами международного регулирования выступают развитые страны, в которых сконцентрированы финансы, научно-производственный потенциал. Развивающиеся страны выступают скорее обязанными субъектами мировой экономики.

Необходимо также подчеркнуть, что в зависимости от политического режима в каждом государстве механизм участия в регулировании экономики значительно отличается. Так, в Японии, например, действует институт прямого государственного воздействия с Агентством экономического планирования во главе, которое принимает пятилетние планы. Тогда как в США внутриэкономическое регулирование осуществляется преимущественно посредством Федеральной резервной системы с ее 12 банками [5, с. 402].

Нет смысла более подробно останавливаться на вопросе государств как субъектов международных экономических отношений. Важнее понять все более важную и растущую роль достаточно «новых» субъектов – международных экономических организаций и ТНК/ТНБ.

Международные организации являются как правительственными, так и неправительственными.

Считаем целесообразным выделить три типа международных межправительственных организаций по соотношению объема компетенций, перераспределяемых между государством и международной организацией [2, с. 34–35]:

1) межправительственные организации, осуществляющие координационные функции. В них перераспределенная компетенция остается совместной для государства и

организации. Чаще всего организация наделяется правом обязывать своих членов без их согласия и против их согласия путем принятия обязательных решений большинством голосов;

2) международные организации, выполняющие отдельные наднациональные функции, когда конкретные вопросы регулирования мировой экономики передаются исключительно в ведение международной организации. В таких организациях ограниченного наднационального типа в учредительных документах установлена предельно широкая и объемная компетенция, затрагивающая основные компоненты государственной власти и ограничивающая функции государства применительно к этим компонентам. Такая организация также имеет право обязывать своих членов подчиняться ее решениям без их согласия и против их согласия, если решение принято большинством голосов. К организациям, выполняющим наднациональные экономические регулирующие функции, относятся группа Всемирного банка, а также МВФ, МБРР. Так, в Уставе МВФ, утвержденном в 1945 г., жестко ограничивалась компетенция государств-членов в области валютно-финансовой политики, в частности государство-член лишалось права самостоятельно вводить валютные ограничения, изменять паритет валют, проводить девальвацию и ревальвацию (денежную реформу) валюты. Последнее становилось возможным только с согласия Фонда (ст. IV, сек. 1 Устава МВФ). Аналогичные статьи содержались и в Уставе МБРР. В первые десятилетия деятельности МВФ и МБРР строго контролировали соблюдение данных полномочий;

3) наднациональные организации имеют следующие отличия: право международной организации на вмешательство в вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государства согласно его конституции; обладают полномочиями на создание в целях регулирования этих вопросов правил, обязательных для государств-членов и механизмов контроля и принуждения к соблюдению этих правил; возлагают широкие полномочия по созданию правил и контролю за их соблюдением на непредставительные органы; имеют право своими решениями обязывать и наделять правами физических и юридических лиц государств. Типичная организация наднационального типа – Европейский Союз (ЕС), который в лице своих главных органов – Европейского Совета,

Европейского парламента, Совета Европейского Союза и Европейской комиссии уполномочен создавать правила-регламенты и директивы, обязательные для стран-членов. Также в составе ЕС действует Европейский суд, который контролирует соблюдение регламентов и директив и обладает полномочиями на принуждение государств-членов к их исполнению.

В итоге получается следующее. Взаимодействие государств и международных организаций приводит к изменению их правового статуса. При создании международной организации государства выступают в качестве суверенных и равноправных образований как стороны международного договора об учреждении международной организации. Процесс взаимодействия государств носит при этом согласованный и координирующий характер.

С принятием устава международная организация становится субъектом международного экономического права, имеющим свои полномочия, свои цели и принципы. Международные экономические организации (за редким исключением) придерживаются принципа суверенного равенства государств-членов, о чем свидетельствуют положение о представительстве – одно государство – один голос, а также право добровольного выхода из организации. Таким образом, государства передают международным организациям полномочия принимать обязательные решения или действовать в определенных сферах, то есть на добровольной основе ограничивают свой суверенитет. Государства теряют право предпринимать действия, входящие в компетенцию международной организации, и обязаны подчиняться ее решениям в соответствии с полномочиями организации.

Ярким примером взаимодействия международной экономической организации и правительств стран-членов является ВТО: с одной стороны, правительства берут на себя определенные обязательства по соблюдению установленных ВТО принципов международной торговли и одновременно создают для экспортеров и импортеров, предпринимателей и потребителей конкретные условия и обязательства; с другой стороны, ВТО представляет собой многосторонний торговый договор, определяющий права и обязанности правительств в сфере международной торговли товарами и услугами – положения соглашений, образующих правовую базу ВТО, кодифицируют мировую коммер-

ческую практику, опирающуюся на сложную систему многосторонних отношений, конвенций, решений, выработанных на основе национальных законодательств крупнейших стран мира.

Международные неправительственные организации – это созданные по инициативе частных – физических или юридических – лиц объединения членов разной государственной принадлежности, созданные с целью осуществления международной деятельности некоммерческого характера и имеющие статус юридического лица по внутреннему (а не по международному) праву [З, с. 23]. Это могут быть объединения предпринимателей, международные союзы предпринимателей, международные общезкономические региональные и отраслевые ассоциации экспортеров и производителей сырьевых товаров, кооперативные союзы, международные, региональные и смешанные торговые палаты, фонды развития, создаваемые неправительственными организациями для координации экономической политики, выработки международных правил бизнеса и решения других проблем.

Участие неправительственной организации в глобальном регулировании может приобретать различные формы. Главное, однако, состоит в том, что международная неправительственная организация играет политическую и техническую роль. Эта роль проявляется в основном через механизм консультаций. Некоторые межправительственные организации поручают неправительственным организациям функции, которые непосредственно приобщают неправительственные организации к подготовке и реализации решений межправительственных организаций. В особую группу выделяют международные конгрессы и конференции. Специалисты считают, что существует сходность процедуры организации работы международных конференций и международных организаций. Это обстоятельство дает основание отнести их к «временным» международным организациям. Однако вряд ли целесообразно отождествление их с постоянно функционирующими международными организациями. В то же время необходимо отметить, что международные конференции и совещания позволяют оперативно и весьма успешно решать возникающие в международных отношениях вопросы. Их число имеет устойчивую тенденцию к росту. Все же наиболее значимыми субъектами регулирования современных международных

экономических отношений являются ТНК и ТНБ. Именно они образуют «скелет» экономической интеграции и глобализации.

Государственные интересы всех стран, занятых в глобализируемом мировом хозяйстве, находят выражение в международном праве. Одновременно государственное управление экономикой формулируется в экономическом праве. Таким образом, международное экономическое право выступает как средство воздействия на межгосударственные экономические отношения, как средство разрешения задач и проблем, существующих в межгосударственной сфере экономического взаимодействия.

Общее определение механизма международно-правового регулирования, безотносительно к экономической сфере, дает Лукашук И.И.: «Механизм международно-правового регулирования – это совокупность международно-правовых средств и методов воздействия на межгосударственные отношения» [4, с. 203].

Таким образом, учитывая вышесказанное, с нашей точки зрения, понятие механизма международно-правового экономического регулирования составляют юридические инструменты, с помощью которых удовлетворяются государственные интересы субъектов мирового хозяйства. Шумилов В.М. относит в состав данного механизма и международно-правовые нормы/принципы, и международные правоотношения, и юридические факты, и меры принуждения, и методы правового регулирования [6, с. 187]. При этом он подчеркивает, что международное экономическое право представляет собой лишь часть международной нормативной системы, регулирующей международные экономические отношения.

Предметом международно-правового регулирования выступают: отношения между субъектами международного права по поводу трансграничного движения товаров, финансов, капиталов, прав, рабочей силы, то есть материальных, экономических благ (ресурсов в широком смысле); отношения между субъектами международного права по поводу правового режима деятельности и статуса частных лиц в экономическом взаимодействии.

Первым элементом экономического международно-правового механизма регулирования является международно-правовая норма. Юридическая функция норм состоит в нормативном регламентировании отноше-

ний между субъектами. Регулирование осуществляется путем определения стандартов, моделей обязательного, возможного и недопустимого поведения, а также побуждения субъектов следовать этим стандартам (например, ГАТТ/ВТО, промышленные стандарты и т.д.). Достигается цель специфическим юридическим методом, путем установления взаимосвязанных прав и обязанностей, образующих правоотношение.

Второй компонент – международно-правовое отношение, которое представляет собой взаимосвязь прав и обязанностей, вытекающих из международно-правовой нормы. Правоотношение может рассматриваться как юридическая взаимосвязь субъектов, в которой они осуществляют взаимные права и обязанности. Правоотношение автономно и не сливается с регулируемым международным отношением [4, с. 204]. Существуют также правоотношения, которые не опосредуют каких-либо иных отношений, например процессуальные, связанные с участием в Статуте Международного Суда ООН.

Следует, однако, помнить, что правоотношение тесно связано с регулируемым отношением. Поэтому представляется целесообразным признать и понятие правоотношения в широком смысле как общественного отношения, урегулированного правом. Однако элементом механизма экономического международно-правового регулирования является только собственно правоотношение, т.е. правоотношение в узком смысле.

В свою очередь элементом правоотношения выступает субъективное право, которое можно определить как меру дозволенного поведения субъекта, обеспеченную соответствующей обязанностью другого или других субъектов. Соответственно обязанность – мера должного поведения субъекта, соответствующая субъективному праву и обеспечиваемая системой международно-правового регулирования. Во взаимосвязи субъективные права и обязанности образуют юридическое содержание правоотношения. Материальным содержанием правоотношения наполняются в процессе функционирования. Юридическое содержание стабильно, материальное – динамично. При одном и том же юридическом содержании материальное содержание может меняться в значительных пределах [4, с. 205].

Существенное значение в реализации экономического международно-правового механизма регулирования имеют юридические факты, под которыми понимаются

события и действия субъектов, порождающие юридические последствия. Например, решение о приеме в члены АСЕАН или ЕС, ратификация договора или присоединение к соглашению ВТО. Юридическими фактами являются и неправомерные действия. Они порождают охранительные правоотношения ответственности.

Другой важный элемент экономического международно-правового механизма регулирования – международно-правовое сознание, под которым понимается совокупность разделяемых государствами взглядов, представлений, идей относительно необходимого международного правопорядка в сфере экономических отношений. Частью международного правосознания является правосознание отдельного государства, которое выражает не только общее, но и специфическое мировоззрение данного государства.

Правосознание направляет процессы как формирования, так и реализации международно-правовых норм. Оно воздействует на поведение государств не только через нормы, но и непосредственно как часть юридического мировоззрения.

Главная особенность механизма экономического международно-правового регулирования – неразрывная связь с суверенной властью государств, посредством которой этот механизм создается и приводится в действие. Международно-правовое регулирование экономических отношений построено на отношениях власти, источником которой является суверенная власть государств. Механизм регулирования связан с государственным аппаратом, в этом процессе участвуют все ветви государственной власти.

Международный межгосударственный механизм, на основе которого развиваются сегодня мирохозяйственные связи, определяет в современных условиях торгово-политические режимы подавляющего большинства стран мира. Экономический суверенитет наций все более становится абстрактной и фактически нереализуемой категорией. Эффект масштаба производства, выражающийся в развитии ТНК и ТНБ и создании международных экономических организаций, становится определяющим фактором развития мировой экономики.

Растущая степень консолидации производственной, торговой и инвестиционно-финансовой сфер ведет к формированию мирового производственно-хозяйственного комплекса, который, несмотря на сохраняющиеся суверенитеты государств, включает

экономики последних как составные части глобальной, интегрированной экономической системы. Взаимозависимая и взаимосвязанная экономическая система современного мирового хозяйства радикально изменяет модели регулирования международного бизнеса. Основой интеграции хозяйственной жизни выступает многоуровневое и многостороннее функционирование всемирной экономической системы, объединяющей отдельные страны в единый мирохозяйственный комплекс, структурообразующей частью которого выступает, с одной стороны, система межправительственных и неправительственных международных экономических организаций, а с другой – ТНК и ТНБ.

Формируемый новый экономический мировой правопорядок выражает и закрепляет организационную структуру экономики сообщества государств, и вместе с тем есть результат функционирования международного экономического права и обычаев делового оборота.

Герчикова И.Н. отмечает еще один важный аспект нового механизма регулирования [2, с. 40]: в современных условиях в основе развития экономических отношений между странами лежит развитие производственно-хозяйственных связей – межфирменных и внутрифирменных. На долю внутрифирменного товарооборота ТНК приходится более 40% международной торговли (одновременно интенсивно развивается процесс перехода от отраслевых к межотраслевым корпорациям). Вокруг них концентрируется большое число специализированных мелких и средних фирм, связанных с первыми технологически-производственными связями... Международное регулирование экономики охватывает не только многосторонние отношения между правительствами государств, осуществляемое через международные организации, но и регулирование и содействие развитию мирохозяйственных связей на уровне экономических субъектов рыночных отношений, т.е. межфирменное регулирование, осуществляемое неправительственными организациями – международными объединениями предпринимателей, а также региональными организациями, банками, фондами.

Международное регулирование предпринимательской производственно-хозяйственной деятельности есть результат усиления взаимодействия между субъектами мирохозяйственных связей, осуществляемых на макро- и микроуровне, и появления но-

вых субъектов в лице ТНК и ТНБ. Организационными формами такого взаимодействия выступают международные экономические организации, неправительственные организации и объединения, региональные.

Складывается определенная система международных организаций, целью которой является обеспечение стабильного экономического развития, оказание содействия частным предпринимателям путем предоставления финансовой, научно-технической и других видов помощи в инвестиционной деятельности и реализации хозяйственных связей. Нельзя допускать ошибку и отождествлять экономическое развитие с социальным – фактически последнее реализуется как следствие первого и не является самоцелью (хотя большинство отечественных исследователей придерживаются официальной точки зрения, провозглашающей социальное развитие приоритетом). И развитые страны не являются доказательством, так как высокий уровень жизни в них вызван, прежде всего, потребностью технологической цивилизации в высококвалифицированной рабочей силе, а не филантропией правительств и элиты.

Из ряда проблем, затрудняющих изучение механизма регулирования междуна-

родных экономических отношений, стоит выделить две.

Первая – расплывчатость грани между международным сотрудничеством суверенных государств и самостоятельной, наднациональной ролью международных организаций. Трансформация ЕС подтверждает, что трудно зафиксировать момент, начиная с которого следует вести речь о глобальном, наднациональном регулировании в чистом виде.

Вторая проблема, особо подчеркиваемая Барабановым О.Н. [1, с. 33 – 34], – призрака «теории заговоров», который заключается в соблазне списать все трудности современной жизни на деятельность «мировой закулисы» в самых различных ее формах (будь то масонство или Сионская община), а это создает опасность изначально привнести в исследование большую долю идеологизированности.

Ясно одно – механизм регулирования международных экономических отношений будет развиваться в сторону наднационального многостороннего регулирования, использующего национальный суверенитет для эффективного местного контроля и реализации глобальных экономических задач.

1. Барабанов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия», 2002. С. 33–34.

2. Герчикова И.Н. Международные экономические организации: регулирование мирохозяйственных связей и предпринимательской деятельности. Учеб. пособие. М.: Издательство АО «Консалтбанкир», 2000. С. 31, 34, 35, 37, 40.

3. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право // Международные отношения, 2002. С. 23.

4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 203–205.

5. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика. Том I: Теория, принципы, политика. М.: Экономика, 2001. С. 402.

6. Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации // Международные отношения, 2003. С. 187.

ИНСТИТУТЫ ЭКОНОМИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ*

УДК 330.101.542

Е.В. ПОПОВ, И.В. ЛАВРОВ

Для современных институциональных исследований характерно признание, что среди трех наиболее значимых факторов различий благосостояния наций, социальных групп и индивидов – природно-климатических, социокультурных и институциональных – фундаментальной причиной дифференциации уровней богатства и бедности, свободы и зависимости (несвободы) являются институты. Убедительное доказательство данного тезиса было представлено в исследованиях Д. Асемоглу, С. Джонсона, Д. Робинсона, А. Шляйфера, С. Дьянкова и др. В табл. 1 в агрегированной форме представлены некоторые современные трактовки условий различий институтов как фундаментальных причин роста (спада) благосостояния и субъектов его изменений.

На развитие теории экономических институтов, включая политические и социальные институты в качестве составной части экономических, на наш взгляд, пока существенно не повлияло столкновение исследовательских альтернатив и представления институтов как «правил игры» в обществе [6], как равновесий [10, с. 113] или как норм [8].

Исследование трех основных альтернатив современного представления институтов экономики благосостояния («правила игры» – равновесия – нормы) показывает, что выбор той или иной альтернативы в построении моделей экономического поведения определяется, с одной стороны, статусной функцией языка в отношении предметов и людей, а с другой, институциональными

Таблица 1. Институты и субъекты изменений общественного благосостояния [1]

Автор /подход/ направление	Условия различий в экономических институтах	Субъекты социального действия
Д. Асемоглу, С. Джонсон, Д. Робинсон, Д. Норт, И. Валлерстайн, Томас /Новая политическая экономия / Новая институциональная экономическая теория	1. Социальный конфликт. 2. Проблема выполнения принятых ранее обязательств (политический оппортунизм)	Элиты
А. Шляйфер, С. Дьянков, Р. Ла Порта, Б. Мур, Э. Глэзер /Компаративная экономическая теория/ Новая институциональная экономическая теория	1. Исторические различия правовых систем регулирования хозяйственных отношений. 2. Особенности социальной структуры общества. 3. Уровень коммерциализации сельского хозяйства	Социальные группы Экономические классы и слои
Р. Коуз, Г. Демсец, О. Уильямсон /Экономика транзакционных издержек / Неинституциональная экономическая теория	Общественная эффективность, гарантирующая рост объемов выпуска	Государство
Дж. Ромер, Т. Пикетти, Э. Саэз, П. Кругман /Экономика знаний/ Неинституциональная экономическая теория	Различия политических идеологий	Лидеры и партии

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-02-00504 а/Р «Российские особенности теории экономики благосостояния»).

структурами. В работах Дж. Серла основным фактором институционального структурирования реальности является язык и некоторые ментальные особенности человека, например его способность к коллективной и индивидуальной интенциональности. Язык формирует деонтологию реальности на основе логической структуры «X считается Y в контексте C». Y приписывает статусную функцию X в контексте C, следовательно, $\forall x = Y$, если $x \in X$. По логике Дж. Серла, «институт представляет собой систему конститутивных правил вида: «X считается Y в контексте C», как только институт устоялся, он порождает структуры, отвечающие за создание институциональных фактов» [9, с. 15].

В подходе Дж. Серла наиболее фундаментальным институтом общества (одновременно и простым, и сложным) являются деньги, что кроме него признавали и другие экономисты и социологи [5]. Весьма уязвимым для критики положением данной теории является ее центральный тезис о базовой институциональной функции языка в процессах конструирования социальной и индивидуальной реальности. Язык и связанные с ним символические функции общения, конечно, составляя важнейший атрибут человека и общества, но не единственный, как пытается доказать Дж. Серл. Кроме языка, к атрибутивным свойствам человека и общества следует отнести мышление (сознание), труд и материальное производство благ, веру, потребность в защите и самореализации. На наш взгляд, психологический и социальный феномен языковой реальности человека не может быть исходным, так как для его понимания требуется реконструкция в первую очередь речевой деятельности, а затем только на этой основе анализ сущности знака и знаковых систем, включая исследование естественных или искусственных языков как их видов.

Вместе с тем, институты не остаются где-то на втором плане институциональных фактов, а составляют конкретную форму «игры» экономических агентов, и они (институты) в трудах Л. Гурвица, Р. Майерсона, Э. Маскина и их многочисленных последователей называются экономическими механизмами совместимости стимулов [2, с.8]. Собственно, в парадигме теории экономических механизмов институты являются набором правил, позволяющих в ситуации информационной асимметрии (каждый агент знает свои предпочтения, но мало что о предпочтениях контрагентов) согла-

совывать поведение и совмещать стимулы (говорить правду). Значение теории экономических механизмов для микроэкономики было осмыслено только тогда, когда удалось формализовать отношения продавцов и покупателей и расширить область применения теории аукционов Л. Вальраса.

Обобщенно формализация исходной модели теории экономических механизмов реализуется на базе неокардиналистской методологии представления индивидуальной и коллективной полезности, особенностью которой является устремленность к синтезу классических вариантов ординализма и кардинализма в теории ценности. Логическую основу моделирования составляет модель аукциониста в теории общего экономического равновесия Л. Вальраса, при этом аукционистом может быть кто угодно, обладающий полномочиями согласовывать индивидуальные выгоды и платы за пользование благами.

В транзитивных экономиках бывших республик СССР и социалистических стран Европы значение общественных благ для роста благосостояния граждан гораздо выше, чем в развитых капиталистических странах благодаря институциональному эффекту «path dependence». Поэтому для исследования институтов экономики благосостояния в условиях информационной асимметрии случай потребления общественного блага в подходе Л. Гурвица применялся достаточно простой набор переменных: u (индивидуальная полезность блага Y для n -го потребителя, выгода от потребления Y), M (сообщения о готовности платить за пользование благом Y), P (индивидуальный платеж), U (коллективная полезность Y), $P(U)$ (цена предложения общественного блага). Этого набора оказалось достаточно для последующего содержательного анализа экономических механизмов («правил игры») поведения игроков. Чтобы производство и потребление общественного блага состоялось ($Y=1$), должны быть реализованы общие условия совместимости стимулов игроков:

$$\sum_{i=1}^n u_i > \sum_{j=1}^m p_j; \sum_{i=1}^n u_i = U;$$

$$\sum_{i=1}^n u_i = \sum_{i=1}^n M_i = U > \sum_{j=1}^m p_j \text{ при } P(U) = \sum_{j=1}^m p_j \quad (1)$$

Правила, применяемые в ситуациях совместимости стимулов, оптимизации выбора, масштабности и сложности информации, неопределенности, ограниченности

когнитивных способностей лица, принимающего решение, обучения и общения рыночных агентов, например, Дж. Ходжсоном определяются как «условные или безусловные образцы мышления или поведения, которые могут усваиваться агентами как сознательно, так и неосознанно» [12, с. 40]. К правилам принятия и реализации решений с полным основанием следует отнести методы задания результатов и установления возможных значений параметров, способы выбора альтернатив, а также стандарты, предписания, нормы и нормативы инструкций, положений, приказов и т.п.

Используя терминологию теоретико-игровых описаний, равновесия повторяющихся успешных стратегий поведения экономических агентов могут трактоваться как правила (институты), которые затем укореняются в привычках игроков. Так, по мнению Э. Шоттера, «в повторяющихся играх игроки развивают определенные социетальные соглашения, – решающие правила (rules of thumb), нормы, конвенции и институты, – которые передаются последующим поколениям игроков» [7, с. 113].

Определение институтов как правил или, в крайнем случае, сведения институтов к правилам находит отражение в институциональной экономике. «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь. Они организуют взаимоотношения между людьми, так что когда мы хотим поздороваться с друзьями на улице, поехать на автомобиле, купить апельсины, занять деньги, организовать свой бизнес, похоронить близких и совершить любые другие действия, с которыми сталкиваемся в обычной жизни, мы знаем (или можем легко научиться), как это сделать... Институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека» [6, с. 17–18].

Основным элементом институциональной среды, в которой реализуются выбор и действия хозяйствующих субъектов, является норма. Научным определением понятия «норма» достаточно много, так как применение этого понятия настолько широко (все области права, нормативный подход в этике, эстетике, социологии, экономике и т.д.), что затруднительно, наверное, будет перечислить все нюансы существующих подходов.

На наш взгляд, достаточно будет назвать наиболее распространенные определения нормы, принятые именно в экономической теории: «регулярность в поведении индивидов, опирающаяся на санкции», «отражение элемента долженствования в поведении», «связующее звено между ценностной системой индивида и его повседневным поведением». Норма является предписанием для обязательного поведения определенной группы людей с целью выполнения ими определенной функции и поддержания порядка [7, с. 107, 112]. Норма – это «базовый регулятор» отношений людей и их поведения, содержанием которой предлагается им либо добровольно выполнить данное предписание, либо выполнить его при помощи политико-правовых и социально-экономических санкций.

Во всех выше перечисленных подходах исследователи не дифференцируют нормы и правила друг от друга в качестве основных элементов институтов. Однако, несмотря на «игровую метафору» Норта, в которой отождествляются нормы и правила в качестве содержания экономических и социальных институтов, с научных позиций корректнее соотносить с институтом не правила сами по себе, а нормы [8, с. 30]. Если сравнить значения, которые могут принимать оба этих термина в социально-экономических исследованиях, то семантика термина «правило» по сравнению с нормой более прагматична и конкретна. Так, содержание термина «норма» трактуется как «предписания, служащие общими указаниями для социального действия... Нормы предполагают наличие легитимности, согласия и предписания, поскольку самим термином обозначаются социальные ожидания «правильного» или «надлежащего» поведения. Отклонение от норм наказывается санкциями, приобретаются же нормы посредством интернализации и социализации» [8, с. 30].

Чаще всего в исследованиях правила рассматриваются как особый вид причинности, характерный только для человеческого поведения. Правила являются способом связи между действиями индивидов, поскольку они основываются на смыслах, а не на внешней причинности, источником которой могут быть предписания любого происхождения, то есть социальные, этические, религиозные, экономические, правовые, научные и т.п. нормы. Таким образом, наделение смыслом – это индивидуальный процесс применения различных правил, которые по

своей природе социальны, поскольку адекватность осмысления можно определить, следуя тем правилам, которым следуют другие. Поэтому в социокультурных и социально-экономических системах правила обозначают реальность, отчасти совпадающую с той, которая определяется нормами, но одновременно и значительно отличную от нее, так как правила моделируют как внутреннюю (смысловую), так и внешнюю (нормативную) структуры человеческого поведения.

Правило описывает внутреннюю и внешнюю структуру действия индивидуумов как процесс взаимной пронцаемости смысла и предписания. Поэтому логично утверждать, что всякая норма – это правило, но не всякое правило – норма. Представляется, что норма соответствует внешней структуре социальных взаимодействий – предписаниям, ожиданиям, указаниям, требованиям, санкциям, наградам – и в микроэкономике регулирует рост организаций и фирм всевозможных видов (от коммерческих предприятий до благотворительных ассамблей), а затем и организацию внутрифирменной среды предприятий.

Основные предпосылки теории общего экономического равновесия (модель Л. Вальраса) – атомарные хозяйствующие субъекты экономики (производители и потребители) с экзогенно заданными предпочтениями, в основе предпочтений лежат аксиомы полной или ограниченной рациональности, позволяющей упорядочивать (набор благ А предпочтительнее набора благ В, или набор благ В предпочтительнее набора благ А, или они равноценны, т.е. безразличны для хозяйствующего субъекта) и согласовывать выбор на основе отношений предпочтения (>) или безразличия (-), если $A > B$ и $B > C$, то $A > C$, ненасыщаемые потребности независимых друг от друга хозяйствующих субъектов, конкурентные рынки, равновесные схемы и цены обмена – повторяются и в условиях частичного равновесия с небольшими изменениями условий устойчивости и источника предпочтений. Отсюда, согласно первой теореме экономики благосостояния, любое конкурентное равновесие является Парето-эффективным, следовательно, эффективное перераспределение ресурсов приводит к конкурентному равновесию (вторая теорема экономики благосостояния).

Выигрыши агентов рынка (продавцов и покупателей) в результате перераспределения ресурсов оптимальны по Парето как второе лучшее состояние, и они реализуют, та-

ким образом, условия общего равновесия по Вальрасу: если все функциональные рынки, кроме одного, находятся в равновесии, то и на последнем рынке также будет достигнуто равновесие. Но можно ли доказать справедливость обратного утверждения, когда существует равновесие на части рынков, то может быть достигнуто равновесие на всех функциональных рынках? А также возможно ли достижение частичного равновесия на части рынков наряду с неравновесными процессами обменов на второй части рынков? Иначе говоря, доказуемы ли частичная эффективность и конкурентное равновесие в рамках теоремы второго лучшего оптимума в теории второго лучшего [3]?

Общая теорема в теории второго лучшего независимо от подхода (т.е. подхода Дж. Мида и подхода Р.Дж. Липси – К. Ланкастера) утверждает, что «если в систему общего равновесия введено ограничение, которое препятствует достижению одного из паретианских условий, остальные паретианские условия, даже если они еще достижимы, в общем, более не являются желательными. Другими словами, притом что одно из условий паретианского оптимума не может быть выполнено, ситуация оптимума может быть достигнута только за счет отклонения от всех прочих паретианских условий» [3, с. 96].

Таким образом, ситуация оптимума второго лучшего реально достигается, поскольку она осуществима при ограничении, которое по определению не позволяет быть паретианскому оптимуму. Паретианский оптимум (условия Парето) заключается в соблюдении трех условий (правил) экономики благосостояния: 1) предельная норма замещения в потреблении между двумя любыми благами должна быть одинаковой для всех потребителей, при этом отношение замещения благ не ухудшает и не улучшает положения потребителя ($MRS_{xy} = -\partial Y / \partial X$ при $U = \text{const}$); 2) предельная норма технического замещения между двумя любыми факторами производства должна быть одинаковой в любое время и в любом месте их использования, отношение замещения факторов означает, что они взаимно заменяются без существенного изменения уровня производства ($MRST_{kl} = -\partial L^{\alpha} / \partial K^{1-\alpha}$ при $Q = \text{const}$); 3) предельная норма трансформации для любых двух благ должна быть равна предельной норме замещения в потреблении этих благ, так как в национальной экономике отношение увеличения производства одного блага достигается за счет пожертвования определенного количества

другого блага ($MRST_{xy} = MRS_{xy} = -\partial Q_y / \partial Q_x$ при $U = \text{const}$). Формализация указанных условий паретианского оптимума в связи с общим конкурентным равновесием имеет следующий вид:

$$\forall x^*(x^* \in X) \exists x (x \in X) \Rightarrow f_i(x) \geq f_i(x^*), i = 1..n. \quad (2)$$

Условие Парето-оптимальности в отличие от условий максимизации целевых функций $f_i(x)$ из множества решений X экономического агента, где $x \in X$, является менее строгим, так как Парето-улучшения достижимы для всех состояний кроме одного, при этом, что одна из функций в перемещении по точкам множества Парето уменьшается. Множество Парето представляет множество точек, в которых благосостояние оптимально: оптимум по Парето существует тогда, когда имеет место такое распределение ресурсов и готовой продукции, при котором отсутствует какой-либо вариант перераспределения, улучшающий, по крайней мере, положение одного индивида и не ухудшающий положение других индивидов.

Конкурентное общее и частичное равновесие по Парето, а также второе лучшее состояние экономики регулируется на основе институтов и институциональных структур либо спонтанно (так называемой «невидимой рукой» рынка) либо целенаправленно (сознательно). На наш взгляд, частичное конкурентное равновесие (эффективное по Парето) и общее второе лучшее равновесие основаны на типичной модели максимизации (минимизации) выбора в экономическом анализе. Пусть имеется функция $F(x_1, \dots, x_n)$ с n переменными x_1, \dots, x_n , которая должна быть максимизирована (минимизирована) при наличии одного ограничения Ψ на переменные $F(x_1, \dots, x_n) = 0$. Паретианский оптимум будет решением этой задачи при условии $n-1$ для $\Omega_i(x_1, \dots, x_n) = 0, i=1..n-1$ и при условии n для $F(x_1, \dots, x_n) = 0, i=1..n-1$. Решение второго лучшего при дополнительном ограничении $n+1$, такого, как, например, $\Omega_i \neq 0$, где $i = 1..n+1$, для максимизации (минимизации) F при наличии ограничений Ψ и $\Omega_i \neq 0$ будет в самом общем случае таковым, что ни одно из все еще достижимых условий оптимума по Парето ($\Omega_i = 0, \Psi, i = 1..n-1$) не будет удовлетворено. Доказательство общей теоремы второго лучшего было представлено в работе Р.Дж. Липси и К. Ланкастера.

Взаимосвязь максимизации функции благосостояния и равновесия в паретианском или втором лучшем оптимуме следует представлять следующим образом: макси-

мизация благосостояния может быть неэффективной, но равновесной и соответствовать условному оптимуму Парето (второму лучшему). Для объяснения устойчивой неэффективной и равновесной ситуации разработаны две теории – неоклассическая теория второго лучшего и теория институциональных ловушек. Теория второго лучшего создана для решения всех задач максимизации, а не только экономики благосостояния. Во многих случаях из этой теории следуют рекомендации, позволяющие сравнивать различные положения вещей и оценивать их влияние на благосостояние.

В теории институциональных ловушек («lockin») с позиций эволюционизма дается объяснение разнообразных эффектов «path dependence», обозначающих зависимость эволюции системы от траектории предшествующего развития. Эти эффекты – экономические по своей сути – зависят от религиозного, исторического и хозяйственного опыта поколений. Теория «lockin», кроме эволюционно-институциональной методологии, тесно связана с идеями социального и человеческого капитала в экономике, и как теоретическая дисциплина она формирует позитивное содержание нормативной экономической теории. Институциональная ловушка – это неэффективная устойчивая норма, неэффективный институт и неэффективные равновесия, порождаемые соответствующей нормой. Теория институциональных ловушек принимает за причину временной невозможности улучшения в смысле достижения эффективной нормы недостаток координации, культурную инерцию, сужение планового горизонта, отрицательные эффекты обучения и сопряжения. Любой из этих эффектов чреват попаданием в институциональную ловушку и закреплением впоследствии неэффективного института.

Различные виды равновесия поддерживаются субъектами социального действия и экономического поведения (государством, элитами, предприятиями, индивидами и т.п.) при помощи созданных и укорененных институтов экономики благосостояния: лидерства, социальной ответственности, доверия и перспективы. В качестве репрезентативных (представительных) институтов, интегрирующих экономическую и политико-правовую систему современного индустриального общества, следует, на наш взгляд, принимать институты: гедонизма (по И. Бентаму), конкурентного равновесия (по К. Эрроу), эффективной экономической политики, признания

личной свободы, этических, социокультурных и культурно-исторических оценок как регуляторов поведения в рамках деонтологической этики (по А.В. Этциони), утилитаристского (роулианского) контракта.

В современных российских условиях репрезентативные институты экономики благосостояния связывают в динамическую

систему современное гражданское общество, экономику, политику и индивидуальную свободу как элементы единого целого, снижая издержки трансакций за счет мирного разрешения социальных конфликтов, внедрения контрактной парадигмы, укоренения норм толерантности и взаимности, инсталляции нового институционального порядка.

1. Асемоглу Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон // Эковест. 2006. № 1 (5); № 2 (5). – (Институт приватизации и менеджмента).
2. Измалков С. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г.) / С. Измалков, К. Сонин, М. Юдкевич // Вопросы экономики. 2008. №1.
3. Липси Р.Дж. Общая теория второго лучшего / Р.Дж. Липси, К. Ланкастер // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4. Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа. 2004.
4. Минцберг Г. Стратегический процесс / Г. Минцберг, Дж.Б. Куинн, С. Гошал; пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер. 2001.
5. Московичи С. Машина, творящая богов. Пер.с фр. / С. Московичи. М.: Центр психологии и психотерапии. Изд-во «КСП+». 1998.
6. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д.К. Норт. М.: Начала. 1997.
7. Олейник А. Институциональная экономика / А. Олейник // Вопросы экономики. 1999. № 2.
8. Попов Е.В. Институты минэкономики / Е.В. Попов; РАН, УрО, Ин-т экономики. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2005.
9. Серл Дж. Что такое институт / Дж. Серл // Вопросы экономики. 2007. № 8.
10. Тамбовцев В.Л. О разнообразии форм описания институтов / В.Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. 2004. № 2.
11. Фавро О. Экономика организаций / О. Фавро // Вопросы экономики. 2000. № 5.
12. Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. 2000. № 1.

ПОНЯТИЕ РЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА КОНЬЮНКТУРЫ РЫНКА И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ

УДК 330.564.4.012.23

Т.А. ЕГОРОВА

Развитие теории доходов общественно-го сектора и в общем случае теории общественных благ представлено, на наш взгляд, последовательной сменой четырех подходов – классического (У. Петти, Д. Юм, Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо), неоклассического (А. Маршалл, А. Пигу), кейнсианского (Дж.М. Кейнс, Р.Ф. Харрод, Е. Домар), институционального (К. Виксель, Э. Линдаль, Дж. Бьюкенен, Д. Норт). Эволюция теории экономики общественного сектора от теории доходов общественного сектора, называемых в настоящее время государственными финансами, до системы общественного выбора, включающего доходы и расходы государственного бюджета, поменяла коренным образом методологию и направление исследований: новая парадигма охватывает движение от нормативной к позитивной науке, от микроэкономической, соответственно, к макроэкономической и институциональной методологии.

В эпоху становления классической политической экономии (во Франции – это физиократическая школа, в Великобритании – школа трудовой теории стоимости, конкуренции и *laissez faire*) в общем виде сущность налогов трактовали как экономический фактор, определяющий трудолюбие и богатство нации, с одной стороны, и как неизбежную плату населения за общественное благо государственных гарантий социально-экономических и политических прав и свобод, с другой. Как отмечал А. Смит, первой обязанностью государства является «защита общества от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ» [3, с. 561]. Доходы и расходы государственного бюджета, таким образом, обусловлены социально-политическими и социально-экономическими реалиями общественной жизни. Представители классической политической экономии (У. Петти, Д. Юм, А.Смит, Д. Рикардо, А.Р.Ж. Тюрго, Ф. Кенэ и др.) трактовали налоги в качестве основы государственных доходов, система которых должна носить справедливый, эффективный, публичный и соразмерный характер.

Налоги, как полагали в XVIII веке, меняют относительные цены факторов производства: «Для труда рабочего основная цена равна стоимости его существования. Каждый налог, падающий на рабочего, неизбежно увеличивает стоимость его существования, потому что к его прежним расходам присоединяется новый – на уплату налога. Итак, основная цена труда повышается. Между тем, основная цена, хотя и не определяет прямо рыночной стоимости труда, является все-таки тем минимумом, ниже которого последняя не может упасть» [4, с. 98]. Парадигма классической школы полагала единичную степень эластичности не только номинальной заработной платы, но и доходов капитала и земельной собственности, поскольку налоги не увеличивают и не уменьшают их реальной рыночной стоимости в коротком периоде за счет постоянства величин относительных рыночных цен, устанавливаемых на основе обратных связей механизма темпа прироста инфляции ($0 \leq \Delta P/P < \infty$). Величина $\Delta P/P$ в общем виде, на наш взгляд, входит в формулу определения коэффициента эластичности (E) доходов (Q_i) по цене (P):

$$E^Q_i \Delta Q_i / Q_i : \Delta P / P = \Delta Q_i \times P / Q_i \times \Delta P. \quad (1)$$

Иначе говоря, реальная заработная плата, прибыль на промышленный капитал, включая банковский процент на ссудный капитал и земельную ренту $\times (1 + \text{темпы прироста инфляции}) = \text{номинальная заработная плата, прибыль на капитал, включая банковский процент на ссудный капитал и земельную ренту}$.

В настоящее время исследователи общественного сектора трактуют категорию «общественные финансы» как значительно более узкую область теории, которая концентрируется на налоговых доходах государственного бюджета. Но экономика общественного сектора носит более общий характер и включает общественный выбор, охватывающий обе стороны бюджета – как его доходы, так и расходы. Для А. Маршалла общественные финансы ограничивались

исследованием налогового сдвига и распределения налогового бремени в отношениях производителей и потребителей. Эти отношения выходят за рамки взаимодействия спроса и предложения и охватывают рентный потенциал рынка. Рентный потенциал мы определяем как сумму излишков потребителей и производителей, графически рентный потенциал представлен на рис.1, его размеры определяются формой и наклоном кривых спроса и предложения, а их сочетание (пересечение), на наш взгляд, следует считать конъюнктурой рынка [2, с. 257].

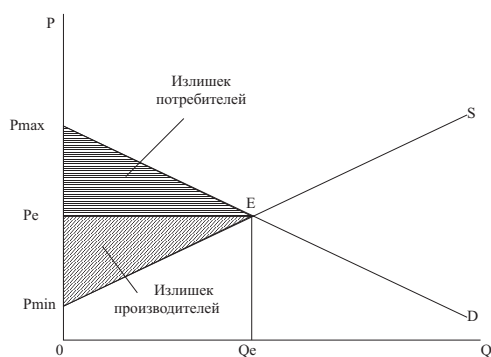

Рис. 1. Рентный потенциал конъюнктуры рынка

Q_e показывает равновесное количество благ, P_e — равновесную цену, точка E — пересечение кривых спроса всех потребителей и предложения всех производителей, ось P — цена, ось Q — количество благ. Над линией P_eE — излишек потребителей, под линией P_eE — излишек производителей. Оба заштрихованных треугольника — рентный потенциал конъюнктуры рынка как сумма излишков производителей и потребителей.

А. Маршалл использовал теорию налогового сдвига в частичном равновесии для иллюстрации микроэкономических принципов теории цен, он создал позитивную теорию налогообложения для отражения влияния различных налогов, которыми облагаются домашние хозяйства и фирмы, на цены и выпуск. В части налогообложения экономика общественного сектора относится к прикладным разделам теории ценообразования, при этом анализ распределения налогового бремени строится на основе теории общего или частичного экономического равновесия. В дополнение к маршаллианской позитивной теории распределения налогового бремени в период до 1950-х годов была разработана также нормативная теория налогообложения на базе утилитаристского подхода А. Пигу,

который обстоятельно изучал проблему, как должно налоговое бремя распределяться между индивидами.

Метод оценки влияния изменения среднего уровня цен на уровень благосостояния на основе излишка потребителей и производителей, широко применяемого в теории государственных финансов А. Маршаллом, вполне может быть дополнен методами оценки компенсирующего и эквивалентного изменения благосостояния. По существу, в широком смысле все три метода оценки можно рассматривать в качестве трех разных вариантов денежной оценки излишка потребителей и производителей. Отсюда, согласно нашей методологии исследования, речь должна идти о денежной оценке рентного потенциала рыночной конъюнктуры. Другими словами, денежная оценка рентного потенциала рыночной конъюнктуры равнозначна денежной оценке совокупного благосостояния — определенной способности населения нести налоговое бремя.

Графической иллюстрацией (рис.2) совокупного благосостояния может служить известная в макроэкономике кривая Лаффера, отражающая взаимосвязь между величиной ставки налогов (R) и доходами государственного бюджета (G). При ставке $R_b = 50\%$ доходы государственного бюджета G_b максимальны. Линия K, проходящая через начало системы координат и точку B (точка максимальных доходов государственного бюджета и оптимальной налоговой ставки), показывает направление развития рентного потенциала рыночной конъюнктуры, а тангенс угла KOG — константа (рентная постоянная) благосостояния (r_w), равная отношению величины доходов государственного бюджета G к размеру налоговой ставки $R: r_w = G/R$.

Основная идея кривой Лаффера заключается в том, что при увеличении налоговой ставки налоговые поступления будут увеличиваться до определенного максимального уровня, а затем будут понижаться, так как высокие налоги сокращают рост объемов производства и доходов. Уменьшение налоговых ставок вызовет сокращение объема государственного бюджета в краткосрочном периоде. В долгосрочном периоде снижение налоговых ставок обеспечит рост сбережений, инвестиций и занятости, в результате чего увеличатся производство и доходы, подлежащие налогообложению, что увеличит налоговые поступления в государственный бюджет. Такой подход выдвигали сторонники теории «экономики предложения».

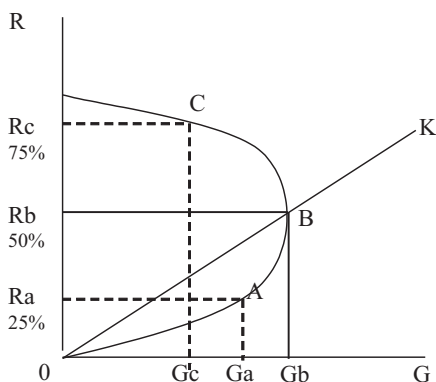

Рис.2. Кривая Лаффера

Несмотря на критику подхода А. Лаффера к практике налогообложения в США, теоретико-экономический смысл кривой заключается в том, что размер ставки подоходного налога, определяющий суммы подоходного налога, получаемых государством, не может быть одинаковым для одного и того же государства, находящегося на различных ступенях экономического роста, тем более – для разных стран. Практическое значение кривой Лаффера мы видим в том, что для реализации принципов налогообложения важно определить, на какой стороне кривой (правой или левой) находится экономика страны. Снижение налоговых ставок увеличивает размер располагаемого личного дохода, что при известной склонности к сбережениям увеличивает долю сбережений и предложение труда в национальной экономике.

Традиции А. Маршалла и А. Пигу в области общественных финансов полностью доминировали в США и Великобритании примерно до середины 1950-х годов. В то же время неоклассическая традиция упускала два важных аспекта экономики общественного сектора: во-первых, не освещалась практически расходная сторона бюджета, во-вторых, полностью игнорировался процесс коллективного принятия решений в органах муниципальной и государственной власти. Параллельно с англо-саксонской традицией в Швеции и Италии сформировались новые подходы к общественным финансам.

Начиная с 1880-х годов, К. Вискель и В. Парето начали анализировать общественный сектор в контексте обменов голосов избирателей и обещаний кандидатов в депутаты парламента и представительной власти местного самоуправления. Если англо-саксонская школа Маршалла-Пигу изу-

чала первостепенную роль государства в процессе бюджетирования общественных доходов (своими основами эти исследования уходят в работы А. Смита и Д. Юма), то шведско-итальянская школа Вискеля-Парето-Линдаля в области общественных финансов превратила общественные доходы и расходы государственного бюджета в направление исследований представительства частных интересов индивидов в рамках публичных институтов государства. В работах представителей шведской школы (К. Вискеля и Э. Линдаля) налогообложение и общественные расходы стали рассматриваться в качестве единой интегрированной системы. Работы К. Вискеля заслуживают особого внимания, так как его анализ стал тем источником, который лег в основу современной теории общественного выбора. К. Вискель не только рассматривал налоги совместно с расходами, но также трактовал принятие решений в общественном секторе как политический и коллективный выбор индивидов.

Школа общественного выбора распространяет на общественный сектор экономическую парадигму, согласно которой индивиды – эгоистические и рациональные максимизаторы полезности. Особый интерес для нее представляет поведение основных агентов процесса принятия политических решений. Взаимодействие избирателей, политиков и бюрократов дает конечный результат в виде определенного уровня и устойчивой структуры государственных доходов и расходов. В теории общественного выбора анализируется поведение индивидуального экономического агента человека, а не социальной группы, партии, государства или нации в целом. В этом отношении школа общественного выбора опирается на установленную К.Вискелем традицию, который отрицал какой-либо антропоморфизм по отношению к государству, а также социальным группам или политическим партиям. Это означает, что вместо трактовки поведения групп или объединений индивидов, включая государство, как если бы эти группы были индивидами (в чем и заключается антропоморфизм), надежной научной логикой в экономике общественного сектора является методологический индивидуализм. Индивид рассматривается как единственный субъект экономического благосостояния. Коллективные действия базируются на агрегировании характеристик предпочтений отдельных индивидов.

Теория общественных благ исследует

влияние экономики общественного сектора на размещение ресурсов в рыночном секторе, изучая влияние общественных расходов и доходов на экономику в целом. В теории экономики общественного сектора изучаются следующие вопросы: какие функции должны выполняться государством? Снижает ли финансирование общественных расходов через налоги потенциал роста экономики из-за увеличения неэффективности? Как принимаются решения относительно величины общественных (государственных) доходов и расходов? Что вызывает рост доходов и расходов государственного бюджета? Разрушают ли налогообложение и общественные (государственные) расходы стимулы людей? Улучшают или ухудшают благосостояние населения действия государства? Для кого эти действия выгодны, а для кого – нет? Что происходит с рыночным экономическим поведением вследствие замены одного налога другим, приносящим те же доходы? Размещает ли общественный сектор ресурсы эффективно между различными видами своей активности?

Современная экономика индустриально развитых стран не может существовать без вмешательства государства, что обусловлено целями, которые оно преследует. Основными целями такого регулирования обычно принято считать обеспечение необходимых темпов экономического роста, обеспечение полной занятости населения страны, стабильность уровня цен и устойчивость национальной валюты, поддержание внешнеэкономического равновесия. Кроме того, можно выделить одну основную глобальную цель развития национальной экономики – обеспечение наиболее высокого уровня благосостояния общества. В связи с тем, что структура экономики как народнохозяйственного комплекса имеет весьма сложный характер, государство пользуется разными методами регулирования экономики. Эти методы делятся на две большие группы: связанные со степенью непосредственного воздействия государства на процесс принятия субъектами управленческих решений и связанные с организационно-институциональным критерием.

В первой группе выделяют прямые методы – прямое воздействие государства на деятельность хозяйствующих субъектов (экономические решения основаны на приказах государства) и косвенные методы – воздействие государства путем создания предпосылок

к тому, чтобы при самостоятельном выборе субъекты тяготели к тем вариантам, которые соответствуют целям государственной экономической политики. Ко второй группе относят административные и экономические методы. Административные методы основаны на силе государственной власти и связаны с обеспечением правовой инфраструктуры, имеющей целью создание правовых условий, наиболее благоприятных для частного сектора. Экономические же методы представляют собой меры государственного воздействия, при помощи которых создаются условия, направляющие развитие рыночных процессов в нужное государству направление. Обычно они связаны либо с созданием дополнительного материального стимула, либо с угрозой финансовых потерь.

Государство как стратегический макро-субъект регулирует ценовые и физические параметры общественных и частно-общественных благ, по отношению к субъектам микроэкономических отношений вносит упорядоченность в их взаимоотношения, устанавливая понятные и общие для всех правила поведения. Тем самым государство уменьшает «энтропийность» рыночного механизма. Концентрация рыночной власти на различных уровнях и подуровнях управления экономической системы по мере ее развития является объективным следствием преодоления фактора неопределенности и «провалов» доверия в поведении хозяйствующих субъектов. Различные формы проявления рыночной власти в этом отношении выступают проводником экономической власти государства. При повышении управляемости и организованности экономической системы государство не подменяет собой механизм саморегулирования рыночных структур, а, наоборот, способствует развитию их функциональных параметров, что выражается в совершенствовании системы экономических институтов. Государство «как экономический руководитель» выступает в качестве «общественно-политической инстанции, изменяющей институциональные правила, в которых функционируют организации». Роль государственного воздействия усиливается и возрастает по мере развития экономики как иерархической системы [1, с. 25–46]. В табл.1 представлены характеристики элементов теории общественных благ, связывающих в систему основные подходы в экономике общественного сектора.

Таблица 1. Характеристики элементов теории общественных благ

№	Название подхода	Элементы теории общественных благ				
		Экономическая сущность блага	Виды благ	Мера измерения публичности благ	Источник финансирования	Механизм воспроизводства
1	Классический	Стоимость	Товары (частные блага)	Государственная собственность, закон трудовой стоимости	Налоговые и неналоговые доходы государства	Законы накопления (богатства)
2	Неоклассический	Полезность (ординальная и кардинальная) и стоимость	Чисто общественные, чисто частные, смешанные, клубные	Национальный дивиденд (национальный доход), закон убывающей предельной полезности благ	Налоговые и неналоговые доходы государства и муниципальных образований	Рентный потенциал конъюнктуры рынка
3	Кейнсианский	Ценность и стоимость как ценность наилучшей отвергаемой альтернативы	Товары (частные блага), услуги (общественные блага)	Экономическое благосостояние, закон возрастающей предельной нормы замещения (замены) благ	Налоговые и неналоговые доходы государства и муниципальных образований	Предельная эффективность общественного богатства (капитала)
4	Институциональный (неоинституциональная экономическая теория)	Полезность (ординальная и кардинальная) и стоимость	Чисто общественные, чисто частные, смешанные, клубные	Эластичность полезности публично предоставляемого блага к численности потребителей	Налоговые и неналоговые доходы государства и муниципальных образований	Общественный выбор в экономике общественного сектора

На наш взгляд, все отмеченные в таблице подходы имеют одно общее свойство – источником финансирования производства общественных благ являются налоговые и неналоговые доходы государства и муниципальных образований, а также, отчасти, совпадают теоретические положения неоинституциональной и неоклассической экономической теории касательно экономической сущности и видов благ. Доходы бюджетной системы государства и местного самоуправления, таким образом, являются первым общим элементом, связывающим достаточно различные теоретические подходы в решении проблем управления общественным сектором экономики и общественного выбора. Вторым общим элементом взаимосвязей подходов в теории общественных благ является единая основа их классифика-

ции – неисключаемость и неконкурентность в потреблении.

Идея выделения двух фундаментальных свойств, конституирующих экономическую сущность благ, теоретически и методологически, бесспорно, очень важна, но в реализации данной идеи есть логические упущения – грамматически определение указанных свойств представлено в отрицательной форме, что предполагает их дальнейшие исследования. Эту теоретико-методологическую задачу следует решать на основе критического анализа теории и методологии экономики общественного сектора, образованного хозяйственно-коммерческой деятельностью государства и муниципальных образований, и углубленным исследованием рентного потенциала конъюнктуры рынка.

1. Перский Ю.К., Шульц Д.Н. Государственное регулирование экономики как иерархической системы // Журнал экономической теории. 2005. № 2.

2. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2008.

3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

4. Юм Д. Из переписки Юма с Тьюго по вопросу о налогах (1766–1767 гг.) // Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Изд-во К.Т. Солдатенкова, 1995.

ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ ИНТЕНСИВНОГО И ЭКСТЕНСИВНОГО ТИПА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

УДК 330.35.01

К.В. ПАВЛОВ

Для повышения уровня конкурентоспособности продукции и экономической эффективности российской экономики большое значение имеет разработка проблем изучения влияния интенсификации производства на рост его конкурентоспособности и эффективности при рыночных отношениях. Социально-экономические процессы в условиях формирования рыночных отношений все более нестабильны и изменчивы. Неопределенность экономической среды требует качественно иного подхода к формам управления производством, в том числе процессом интенсификации, являющимся важнейшим условием повышения эффективности общественного воспроизводства. Следует отметить, что хотя недостаточно высокий уровень интенсификации и явился одним из наиболее существенных факторов, обусловивших необходимость радикального реформирования российской экономики, анализ показал, что при переходе к рыночным отношениям темпы интенсификации значительно снизились. Это во многом связано с тем, что в процессе реформирования российской экономики на основе монетарной модели практически не учитывались особенности отечественной системы общественного воспроизводства.

Таким образом, результат получился прямо противоположный: в последнее время не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства и повышения темпов этого процесса, но и уровень интенсификации существенно снизился. Связано это в значительной мере с разрывом хозяйственных связей, с возросшей неопределенностью экономического пространства и другими причинами. Чтобы приостановить действие данной негативной тенденции и в дальнейшем избежать еще более серьезных последствий, необходимо разработать комплекс регулирующих и стимулирующих мер, реализация которых

позволит повысить эффективность и уровень интенсификации в новых рыночных условиях хозяйствования. В этих мероприятиях должна быть учтена также отраслевая и региональная специфика.

Переход на интенсивный путь развития в различных отраслях народного хозяйства имеет свою специфику. Она определяется рядом особенностей, присущих отрасли: характером НТП, соотношением живого и овеществленного труда в процессе производства, социально-экономическими условиями организации труда, степенью влияния природных факторов и т. д. Характер направленности интенсификации производства в отрасли, сроки проведения мероприятий, сосредоточенных на усилении интенсивного характера процесса производства, в значительной мере определяются той ролью и местом, которое занимает отрасль в экономике народного хозяйства на данном этапе его развития, а также условиями воспроизводственного процесса.

Имеются существенные различия в протекании этого процесса и на региональном уровне. Так, например, в зависимости от того, относится определенный регион к трудодефицитному или трудоизбыточному, эффективность трудосберегающего направления интенсификации регионального производства будет существенно различаться. Значительное влияние на направленность интенсификации в регионе оказывает и такой фактор, как преимущественное размещение в нем предприятий, занимающихся выпуском средств производства или предметов потребления. Например, несомненное преобладание на Кольском полуострове природоэксплуатирующих производств на первый план выдвигает скорейшее внедрение других ресурсосберегающих технологий. Можно выделить большое количество других причин и факторов, от которых будут зависеть

* Продолжение. Начало в № 2. 2009. С. 74–79.

направленность, темпы и уровень интенсификации воспроизводства в регионе.

При этом следует отметить связь и взаимовлияние отраслевых и региональных особенностей процесса перевода экономики на рельсы интенсивного развития. Так, скажем, приоритетность и значимость процесса на двух идентичных предприятиях одной отрасли, но расположенных в разных регионах будут, скорее всего, неоднозначными, что может быть связано с такими обстоятельствами, как отнесение этой отрасли в первом регионе к отрасли российской специализации, тогда как во втором случае эта же отрасль относится к вспомогательным или обслуживающим отраслям другого региона. Поэтому при характеристике отраслевых особенностей интенсификации какой-то однотипной группы предприятий, расположенных в известном регионе, целесообразно, помимо общепромышленных, указывать и такие особенности, которыми отличается интенсификация производства предприятий этой отрасли в этом регионе, иначе говоря, помимо общепромышленных особенностей, учитывать и региональные.

К отраслям специализации ряда регионов Северного экономического района, например, Мурманской области, в значительной мере определяющих характер развития экономики всего региона, относятся такие отрасли промышленности, как горная и рыбная. Это обстоятельство было определяющим для выбора предприятий именно этих двух отраслей в качестве объекта исследования для изучения вопроса о выявлении отраслевых особенностей интенсификации; в других отраслях, которые невозможно все рассмотреть в силу их многочисленности, подобные особенности должны быть несколько иными, хотя, разумеется, совпадения здесь совершенно не исключены.

Большим своеобразием отличается процесс интенсификации производства в рыбной промышленности. Специфический характер интенсификации производства в этой отрасли определяется особенностями организации производства и труда в море и размещением предприятий на окраинных территориях, характером сырьевой базы, значением рыбного хозяйства и рядом других факторов.

Рыбная промышленность — самая фондоемкая отрасль пищевой промышленности, в которую входит еще около 40 других отраслей (в том числе мясная, маслосыродельная, молочная, сахарная, хлебопекарная и др.).

В связи со все увеличивающейся фондоемкостью рыбной отрасли (в первую очередь ее добывающей подотрасли) особое значение приобретает фондосберегающее направление интенсификации производства. Следующей очень важной особенностью рыбной промышленности является низкий уровень механизации и автоматизации производства. В среднем в отрасли доля ручного труда выше, чем в аналогичных отраслях агропромышленного комплекса (АПК) на 12%. В связи с этим важную роль играет трудосберегающее направление интенсификации производства.

Производство на рыбообрабатывающих предприятиях характеризуется высокой материалоемкостью продукции. Больше половины всех затрат в структуре себестоимости приходится на сырье и материалы. На некоторых береговых предприятиях по отдельным видам биоресурсов при производстве теряется до 50% ценных веществ. Это в значительной мере связано с тем, что основные технологические методы переработки сырья на протяжении последних лет существенно не менялись, тогда как видовой состав осваиваемых биоресурсов претерпел значительные изменения. Поэтому большое значение для повышения эффективности имеет и материалосберегающее направление интенсификации производства.

Таким образом, одной из важнейших отличительных особенностей процесса интенсификации рыбопромышленного производства является острая необходимость проведения и трудо-, и фондо-, и материалосберегающих мероприятий интенсификации, тогда как в других отраслях, как правило, преобладает необходимость проведения какого-либо одного ресурсосберегающего направления интенсификации производства. Нужно искать такие пути усиления интенсивного характера производства, которые способствовали бы экономии как овеществленного, так и живого труда. Другая отличительная черта процесса интенсификации в рыбной промышленности заключается в большой зависимости добычи и обработки рыбной продукции от природных факторов и специфического характера сырьевой базы. Среди них следует выделить сезонность, подвижность предмета труда и скоропортящийся характер сырья.

Комплексность как специфическая черта, отличающая рыбное хозяйство от многих других отраслей промышленности, существенно влияет на процесс интенсификации

производства в отрасли. Наличие в рыбной промышленности различных специализированных отраслей и подотраслей способствует установлению между ними более тесных и сложных связей по кооперированию производства, оказывает определенное влияние на такие важнейшие составляющие интенсификации, как процессы специализации и комбинирования предприятий. Комплексный характер отрасли в значительной степени определяет направленность главного фактора интенсификации производства — научно-технического прогресса. Вхождение в рыбную промышленность добывающей и обрабатывающей отраслей определяет наличие таких проявлений отраслевой интенсификации, как появление комбинированных производств — плавучих рыбоконсервных заводов, тунцеловных баз, рыбомучных плавбаз и др. В рыбную промышленность, помимо рыбной, входят и такие отрасли, как машиностроительная и металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, текстильная и отрасль промстройматериалов. Выпуск рыбной продукции во многом зависит от эффективности функционирования этих специализированных отраслей. Так, основной причиной низкой эффективности производства консервов среди ряда береговых рыбообрабатывающих предприятий стала постоянная необеспеченность банкой.

Рассмотрим отраслевые особенности интенсификации горнопромышленного производства. Сравнивая горную промышленность с рыбной, нельзя не заметить в характеристике этих двух отраслей ряд однотипных параметров: природоэксплуатирующая направленность производства, существующая зависимость от природных факторов, комплексность производства. Это обстоятельство объясняет совпадение некоторых особенностей интенсификации горно- и рыбопромышленного производства. Так, если взять в качестве объекта рассмотрения только производственное объединение «Апатит», то можно увидеть, что это сложный взаимосвязанный комплекс горнодобывающих и обогатительных цехов, транспортных и вспомогательных производств, включающих три подземных и два открытых рудника, три обогатительные фабрики. В технологическом цикле объединения присутствуют почти все виды работ, характерные для различных горных предприятий, а именно: вскрыша, бурение, взрывные работы, экскавация, транспортировка руды на открытых горных работах; проходка, бурение, производство

массовых взрывов, различные варианты добычи, электровозной откатки и выдачи руды на подземных горных работах; железнодорожные перевозки; дробление, измельчение, классификация, флотация, обезвоживание готового продукта, в обогатительном производстве; содержание отвалов и хвостохранилищ; все виды обеспечивающих производств. Кроме апатитового концентрата (с полезным компонентом P_2O_5) из апатито-нефелиновых руд Хибинского массива вырабатываются также нефелиновый концентрат (с полезным компонентом Al_2O_3) — сырье для производства алюминия, титано-магний-концентрат и титановые белила, ведется работа по разработке технологии извлечения из руды других полезных компонентов, сфена, эгирина. Проблема комплексного использования запасов апатито-нефелиновых руд Хибинского массива с дальнейшей переработкой и использованием всех полезных элементов в народнохозяйственном масштабе, к сожалению, до сих пор не решена. Используется весьма небольшая часть нефелина, все остальное в качестве отходов апатитового производства в течение долгих лет складывается в хвостохранилищах, нанося экологический ущерб и значительно снижая производительность труда коллектива и прибыль предприятия. Таким образом, и в горной промышленности комплексный характер производства оказывает существенное влияние на направленность и эффективность процесса интенсификации.

Существенно сказывается на интенсификации горнопромышленного производства и такой фактор, как невозобновляемость добываемого сырья (в отличие от биоресурсов). Помимо общеотраслевых особенностей интенсификации горнопромышленного производства, на протекание этого процесса на предприятиях горнопромышленного комплекса Мурманской области значительное влияние оказывают и региональные условия, как-то: суровый климат, большая продолжительность зимнего периода, значительная удаленность от рынков сбыта и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс интенсификации производства в каждой из двух рассмотренных отраслей промышленности имеет свои особенности, которые в значительной степени связаны со спецификой отраслевого воспроизводства, причем некоторые из выявленных особенностей присущи этому процессу на предприятиях обеих отраслей. Важно также отметить, что на протекание этого процесса

существенное влияние, помимо общеотраслевых, оказывают и выявленные региональные особенности. На наш взгляд, проведя исследования, можно выявить особенности интенсификации производства и в любой другой отрасли народного хозяйства, часть из которых, возможно, будет совпадать с уже определенными.

Для практики хозяйствования большое значение имеет определение уровня интенсификации производства, выявление динамических характеристик этого процесса. Измерению степени интенсификации производства может помочь комплекс показателей. Однако до сих пор не разработана общепринятая система показателей, всесторонне характеризующая этот процесс.

Правда, некоторые исследователи считают, что определять уровень интенсификации производства следует каким-то одним обобщающим показателем. В качестве последнего предлагаются производительность труда, отношение прироста национального дохода к объему затрат и др. Не отрицая важности поиска такого рода обобщающих показателей, нужно признать, что только система их способна полностью охарактеризовать со всех сторон столь сложное и многогранное явление, как интенсификация производства.

Система показателей интенсификации общественного производства должна включать, на наш взгляд, две группы: первая — это показатели, характеризующие факторы интенсификации производства; вторая — отражающие результаты действия этих факторов. Факторные и результирующие показатели необходимо рассматривать в комплексе. Ибо если рассматривать каждую группу изолированно, то мы будем иметь представление, каким образом достигнуты результаты, но не знать о причинах.

К таким факторам интенсификации производства относятся НТП, являющийся решающим фактором, общественные формы организации производства, т. е. концентрация, специализация, кооперирование и комбинирование, совершенствование отраслевой и территориальной структуры, совершенствование управления, планирования и организации производства и др. Действие факторов интенсификации производства приводит к тому, что более эффективно, или в обратном выражении — более экономно, расходуются живой труд, сырье, основные фонды, капитальные вложения и т. д. Поэтому результирующие показатели могут вы-

ражаться в индексной форме либо в виде показателей, отражающих экономию ресурсов. К этой группе показателей относятся такие, как индекс производительности труда, фондоотдачи, материалоемкости, капиталоемкости, показатели экономии рабочей силы и другие. Все результирующие показатели можно разбить на три подгруппы: показатели, отражающие, каким образом за счет факторов интенсификации производства увеличилась эффективность использования живой силы, предметов и средств труда.

Более подробное рассмотрение проблемы усиления интенсивного характера производства на основе прогрессивных форм НТП позволяет сделать вывод о том, что в новую систему управления НТП, которая формируется в процессе развития рыночных отношений, должны включаться следующие компоненты: разработка общей стратегии НИОКР; финансирование крупных программ; система научно-технической информации, аккумулирующая мировой опыт; льготы и субсидии, стимулирующие инновационную активность предприятий и их подразделений и ряд других.

В развитых странах государство в значительной мере контролирует и определяет развитие новых форм НТП, причем его функции не сводятся только к микроэкономическому регулированию рынка, хотя и это весьма важная сфера его деятельности, ибо именно контролирующие функции центральных органов власти, например, удерживают отрасли от чрезмерной монополизации, способствуя тем самым более быстрому развертыванию НТП. Особенно велика роль государства в поддержке и стимулировании развития сферы НИОКР, причем в последнее время это прежде всего проявляется в формировании государственной научно-технической политики, основанной на учете приоритета общеэкономических целей развития и включающей систему определенных мероприятий, таких, как прямое финансирование НИОКР, развитие инфраструктуры обеспечения этой сферы, использование контрактной системы для осуществления крупных научных проектов и программ и ряд других. Но представляется, что особенно большие возможности в системе регулирования и государственного стимулирования НТП имеются в осуществлении разумной налоговой и амортизационной политики.

Например, в Японии промышленным компаниям, осуществляющим капиталовложения в передовое оборудование, использу-

емое для исследований и разработок новой технологии, налоговое законодательство предоставляет право вычесть из налога на прибыль 7% от величины таких инвестиций. В Великобритании еще 50 лет назад были введены налоговые скидки по инвестициям, которые предоставляются компаниям в первый год эксплуатации машин и оборудования. В Ирландии размер скидок, получаемых компаниями в первый год эксплуатации оборудования, достигает 100%. Следует сказать, что налоговые льготы по инвестициям в новые производственные фонды в той или иной форме предоставляются почти во всех развитых странах. Правда, в таких странах, как Великобритания, Франция, ФРГ, решающую роль в стимулировании инвестиций в ряде отраслей промышленности играют не налоговые скидки, а амортизационная политика. В Великобритании, например, многим компаниям разрешено списание полной стоимости технически передового оборудования в первый год его функционирования.

Приведем ряд фактов, подтверждающих значение и роль государственного регулирования НТП в развитых капиталистических странах вопреки иногда встречающемуся в специальной литературе мнению, что высокие темпы НТП в передовых странах обусловлены только закономерностями рыночного хозяйствования (хотя, разумеется, наличие развитого рынка — обязательное условие ускорения НТП, но велика в этом и роль государства). В большинстве ведущих стран государство покрывает около половины всех расходов на НИОКР, соблюдая при этом определенные политические, экономические и научно-технические приоритеты. Так, в США, где в последние десятилетия резко возросла роль частного сектора, государство финансирует почти половину расходов на науку, свыше 50% затрат на НИОКР берет на себя государство в Великобритании и Франции, более 40% — в ФРГ.

Государство активно содействует осуществлению комплексной автоматизации производства. Так, разработка, производство и внедрение робототехники почти во всех развитых странах осуществляется при активном содействии государства — государственное стимулирование развития робототехники проводится в Японии, ФРГ, Франции, Великобритании, Канаде и других странах. Развитие роботизации возведено в ранг национальных приоритетов. В значительной мере то же самое можно сказать и о государственном стимулировании разви-

тия биотехнологии, освоения космического пространства, развития полупроводниковых технологий, ядерной энергетики и других важнейших направлений НТП. Источниками финансирования НТП в развитых капиталистических странах выступают государственные бюджеты, государственные специальные фонды, собственные средства промышленности фирм, частных некоммерческих организаций и вузов, а также иностранный капитал.

Государственное стимулирование НТП в развитых странах осуществляется в двух основных формах: в прямом государственном финансировании и в поощрении путем создания льготных условий для тех частных и государственных предприятий, которые расширяют научно-исследовательскую деятельность, внедряют прогрессивную технику и технологию. Первая форма в большей степени оказывает влияние на ускорение НТП в сфере научных исследований и освоения новейших отраслей промышленности, вторая — на повышение общего уровня техники и технологии. Во всех развитых капиталистических странах применяются обе эти формы, причем соотношение между ними в разных странах и на различных этапах развития может весьма сильно варьировать. Например, в Японии стимулирование государством НТП, помимо прямого бюджетного финансирования, осуществляется также с помощью косвенных методов: налоговых льгот и ускоренной амортизации, причем первым крупным стимулятором служит политика налоговых льгот, которая в последнее время играет гораздо большую роль, чем ускоренная амортизация. В ряде других стран соотношение различных видов государственных стимуляторов может быть иным (наиболее контрастно специализация на отдельных видах научно-технической деятельности видна при сопоставлении структуры общих расходов на эти цели в Японии и Франции, в этой связи даже говорят о французской и японской моделях государственного стимулирования НТП).

Тем более должна быть значимой роль государственного регулирования интенсификации производства и, прежде всего, главного фактора — развития НТП в переходный к рыночным отношениям период, когда неизмеримо возрос уровень изменчивости и нестабильности организационно-экономической среды, т.е. неопределенность, присущая процессу НТП (а тем самым процессу интенсификации) как таковому, усиливается в огромной степени

неопределенностью самой среды. Только государство способно уменьшить уровень нестабильности и направить развитие НТП в русло, когда это будет способствовать росту экономической эффективности (разумеется, речь идет о преимущественно индикативном характере государственного регулирования, которое будет изменяться по мере приближения к развитой рыночной экономике) [3]. Если этого не произойдет, если позволить осуществиться стихийной форме перехода к рыночным отношениям системы НТП, то кризис еще более усилится в будущем.

Формы и методы государственного стимулирования и регулирования процесса интенсификации в переходный период могут быть самыми разнообразными. В этой связи полезно использовать полезный зарубежный опыт. Это могут быть следующие полезные формы стимулирования: финансирование из бюджета разных уровней, из специальных

финансовых фондов – инновационных, инвестиционных, научных; ускоренная амортизация основных фондов; льготный порядок отнесения затрат, связанных с усилением интенсивного характера производства на себестоимость продукции; дифференцированное кредитование и налогообложение с учетом источников получаемых доходов и направлений расходования прибыли; дифференцированное ценообразование и целевые дотации на научно-техническую продукцию; таможенные и валютные льготы для экспортно-импортных операций, содействующих дальнейшей интенсификации; предоставление консультационных, информационных и других услуг государственными организациями и т. д. Представляется, что в настоящее время особое внимание следует уделить косвенным методам государственного стимулирования, прежде всего, в налоговой и амортизационной политике.

-
1. Андреев В.А., Павлов К.В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории / Общество и экономика. 2006. № 6. С. 152–162.
 2. Александров Г.А. Курсом интенсификации. М.: Экономика, 1998. 158 с.
 3. Виленский М. Интенсификация экономики и ускорения технического прогресса / Вопросы экономики. 1985. № 7. С.15–25.
 4. Дынкин А. Мировой кризис – импульс для развития инноваций / Проблемы теории и практики управления. 2009. № 4. С. 5–14.
 5. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределённости рыночной среды. М.: Магистр, 2007. 271 с.
 6. Черковец В. Особенности нового этапа инновационного развития России / Экономист. 2008. № 12. С.38–55.

ДИАЛОГ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

УДК 322(470)

И.И. БРЯНЦЕВ

Необходимость публичности в деятельности органов власти, особенно руководящего звена, мотивирована необходимостью легитимизации принимаемых решений. Несмотря на специфику деятельности того или иного государственного учреждения, степени его открытости или закрытости, в его деятельности всегда существует непосредственный канал воздействия на внешнюю (общественную) среду. Это реализуется либо посредством принимаемых законов или иных нормативно-правовых актов, либо посредством иных инструментов.

Несмотря на наличие внутренней иерархии внутри каждого властного института, его зависимости от вышестоящих инстанций всегда существует уровень собственного «оперативного простора» для принятия тех или иных решений. И такие решения, как правило, очень трудно обосновать как в системе горизонтальных связей, так и в их вертикальной составляющей. В особенности если последствия реализации этого решения порождают конфликт интересов.

Другой важной мотивационной составляющей развития диалога власти и общества через создание технологических инструментов такого взаимодействия является потребность в репрезентации властных институтов. Через работу с общественностью идет фактически формирование образа власти и ее действий по реализации соответствующих властных полномочий.

Одной из наиболее активных форм реализации прав населения на реализацию своих конституционных прав и свобод является формирование национально-культурных общественных организаций.

Важнейшим результатом посткоммунистических реформ явилось изменение трех взаимосвязанных характеристик соответствующих обществ: институциональной структуры, социальной структуры и человеческого потенциала [2].

Прямым и непосредственным результатом реформ является изменение общественных институтов, ведущих к преобразованию социальной структуры, поскольку жизненные интересы классов, слоев и групп концентрируются именно здесь.

Период конца XX – начала XXI вв. был ознаменован активизацией широкого спектра этнополитических сил, которые, с одной стороны, интенсифицировали свои усилия в сфере воздействия на органы государственной власти и международные институты, а с другой – сами стали относительно удобным и эффективным инструментом как в руках политических элит отдельных государств, так и в руках транснациональных акторов, обеспечивающих укрепление своего влияния в тех или иных регионах. К обозначенным этнополитическим силам можно отнести этнические меньшинства, диаспоры и разделенные народы, участие которых в политическом процессе на государственном, региональном и международном уровнях способно дестабилизировать ситуацию как в границах целого ряда существующих государственных образований, так и на международной арене.

Необходимо отметить, что этническим меньшинствам и диаспорам посвящено значительное количество научных работ, авторы которых акцентируют внимание на самых различных аспектах их политической активности, предпринимая попытки широкомасштабного комплексного исследования причин, механизмов и последствий их воздействия на политические процессы на внутригосударственном и международно-политическом уровнях. Проблема адекватности, справедливости выстраивающихся социальных иерархий, в том числе этнической, клановой, территориальной – новой социально-политической стратификации в целом становится одной из центральных в современном российском обществе [1].

Стержнем национальной политики является ее направленность на национально-культурное развитие народов Российской Федерации.

Одним из инструментов реализации усилий по построению гармоничного этнокультурного общества является культурный плюрализм (мультикультурализм), позволяющий гражданам удовлетворять свои этнокультурные потребности в форме ассоциаций, союзов, национально-культурных автономий [10].

Термины «мультикультурное общество», «мультикультурализм» возникли в Канаде, в 1960-х годах, в процессе урегулирования конфликта в Квебеке, в ходе поисков путей разрешения ситуации и управления бикультурной в то время (англо-французской) страной. Официальное политическое признание он получил в 1971 году.

В Австралии это понятие стало употребляться, начиная с 1970-х годов, однако в европейском научном сообществе этот термин стал употребляться лишь с конца 1980-х годов.

Как правило, понятие «мультикультурализм» употребляется в трех контекстах: политическом, эмпирическом (дескриптивный, аналитический) и социально-философском (вопросы социального и политического порядка и прав человека) [7].

Интерес к проблеме мультикультурализма связан с тем, что культурные различия в обществе, организованном в форме государства-нации, не только исчезают или сглаживаются, а напротив, проявляются все более и более выпукло и ярко. Анализируя проблему интереса к мультикультурализму, Г. Требор правомерно считает, что основными причинами актуализации исследований в этой области являются с одной стороны нарастающие миграционные процессы в условиях глобализации, а с другой – взаимосвязанность с культурной политикой идентичности.

Современное понятие мультикультурализма постнационально, поскольку, по сути, возникло, когда нации были сформированы, и процессы мультикультурализма развивались в границах современных национальных государств.

Сущность современного мультикультурализма заключается в том, что его вызов формируется не только в терминах равенства, но и в требованиях на такое различие, которое не влечет за собой дискриминацию или маргинализацию. Мультикультурализм

представляет собой особую форму интегративной идеологии, посредством которой полиэтнические, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни [9].

Обзор научных исследований и политических региональных практик по тематике мультикультурализма видно, что наиболее приемлемой формой реализации мультикультуральности является подход, при котором культурное многообразие понимается как многообразие форм человеческой идентификации, включая сложные образования как на уровне группы, так и на уровне индивида. Сосуществование двух основных форм идентичности – культурной и политико-государственной – не являются взаимоисключающими. А на локальном уровне (муниципальном, региональном) существование и целенаправленное формирование множественных и взаимодополняющих идентичностей в рамках единого государственного сообщества является оптимальным и наиболее перспективным, а в ряде случаев – единственно возможной перспективой. Культурное многообразие региона – это не просто номенклатура, перечень проживающих на конкретной территории народов и народностей, а многообразные, многоуровневые формы идентичности.

Авторы «Доклада о развитии человека 2004» в этом вопросе придерживаются следующего [3]:

культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою идентичность (ст. 1);

чувство самобытности и принадлежности к группе, разделяющей общие ценности, имеет огромное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами (ст. 3);

теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям, и может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности (ст. 5).

Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии, и воспринимать всемирные ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности (ст. 12).

Подводя итог рассуждений о культурной свободе, авторы доклада пишут: «Рождение в конкретной культурной среде не является реализацией свободы, – скорее наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид осознанно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив».

На наш взгляд, здесь принципиально важным является перенос акцентов от прав этнокультурной группы на формирование идентичности к праву индивида определять свою собственную этнокультурную принадлежность, а при необходимости – выбрать ту идентичность, которая наибольшим образом соответствует его мироощущению.

Актуальность и практическая значимость исследования проблем национально-культурного развития народов России определяются необходимостью более глубокого осмысления происходящих перемен в современном социально-политическом развитии России, поиска новых подходов к их решению; потребностью политико-правового обеспечения национально-культурного развития народов страны; дальнейшей разработки научной концепции национально-культурного развития народов на региональном уровне.

Сегодня на территории Российской Федерации проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Взаимодействуя, эти культуры дают мощный заряд национально-культурному развитию каждого народа.

Концепция государственной национальной политики определяет ее основную задачу – дать возможность каждому народу самореализоваться посредством различных форм национально-культурного развития. Одной из таких форм экстерриториального самоопределения народов в России становится национально-культурная автономия.

В основу федеральных и региональных программ национально-культурного развития народов России «должна быть положена система мер, направленных на сохранение и развитие культур, языков, традиций народов, расширение сотрудничества и духовное взаимообогащение граждан всех национальностей» [4].

В соответствии с Первым докладом Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите на-

циональных меньшинств (2000 г.) главная цель национальной политики Российской Федерации – создание условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех граждан Российской Федерации, интеграции общества.

В докладе особо отмечено, что «защита прав национальных меньшинств для России – это условие сохранения ее государственности и территориальной целостности», а также то, что «весь объем прав в области сохранения и развития родного языка, получения образования на родном языке и выбора языка обучения, сохранения и развития национальной культуры, создания экстерриториальной национально-культурной автономии распространяется на все этнические группы (национальные меньшинства, коренные малочисленные народы и т. п.).»

Необходимо исходить из осознания того факта, что в современном мире нет моноэтнических государств. Напротив, во всех странах живут люди разных национальностей. Они нередко расселены по территории страны, часто не имеют устойчивых связей, не осознают себя как определенный этнический коллектив. Если этносы проживают компактно, они могут создать субъект федерации в федеративном государстве (например, Татарстан в России или франкоязычная провинция Квебек в Канаде) или территориальную автономию (например, иракский Курдистан или Аландские острова в Финляндии, где проживают шведы). Если же этнос разрознен, не составляет компактной группы – создание территориальной автономии невозможно, да и в самих территориальных автономиях тоже живут представители разных этносов.

В этих условиях на первый план сама жизнь выдвигает проблемы национально-культурной автономии, которая, в отличие от территориальной, обеспечивает развитие не компактно проживающих, а разрозненно живущих этносов. Это организационная форма этнического самосознания в особых условиях расселения этноса. Она находит свое выражение в создании разного уровня общественных объединений того или иного этноса (в унитарных государствах – общегосударственных объединений и на тех или иных ступенях административно-территориального деления, а также в масштабах нескольких административно-территориальных единиц, в федеративных государствах – также в масштабах субъектов федерации и их групп).

Таким образом, национально-культурная автономия — это действующее в государстве с многонациональным составом населения добровольное общественное объединение, реализующее во взаимодействии с государственными органами и на основе консолидации усилий национальных общественных объединений право соответствующей этнической общности (нации, народа, национальности) на сохранение самобытности и создаваемое на основе участия физических лиц и этнических объединений. Эта форма этнической самоорганизации позволяет сочетать единство государства с укреплением единства этноса, его самовыражением, самоорганизацией.

Положения, связанные с регулированием межнациональных отношений, содержатся в Конституции Российской Федерации. Это позволило создать целостную основу для развития законодательства в данной сфере с позиций демократии и уважения прав человека. В тех этнополитических и этносоциальных реалиях, в которых к началу 90-х гг. XX века оказалась Россия, иного пути быть просто не могло. Огромная территория исторически объединила большое количество наций и народностей, которые в современных условиях оказались расселенными не только по национально-территориальным субъектам, но и по всей стране. Этнический фактор обуславливает многие положения Основного Закона. Уже в преамбуле содержалась исходная формулировка о многонациональном народе Российской Федерации. Это граждане различных национальностей, образующие российский народ.

Более десяти лет назад, в июне 1996 года, вступил в действие Федеральный закон «О национально-культурной автономии», который определил правовые механизмы реализации прав и свобод граждан в сфере национально-культурного развития, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Закон по существу создает правовые условия для широкого включения России в интеграционные европейские структуры с учетом того, что в феврале 1996 г. Российская Федерация подписала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств. В Законе прямо указано: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Федеральным законом, то применяются правила международного договора» [5].

Этот Закон фактически впервые опре-

делил правовые основы экстерриториального самоопределения этнических общностей России в целях их национально-культурного развития. В нем содержатся такие юридические конструкции, которые могут быть использованы также в тех бывших республиках Союза ССР, где существует проблема сохранения самобытности наших соотечественников. Институт национально-культурных автономий — новый для Российской Федерации. Он призван сыграть большую роль в поддержании межнационального мира и согласия в обществе, улучшении взаимодействия и взаимопонимания проживающих в России народов.

Кроме законодательных актов, имеющих целью непосредственное регулирование вопросов национальной политики в целом и национально-культурных автономий в частности, субъектами Российской Федерации нередко принимаются программные документы в данной сфере. Примером подобных актов служат так называемые концепции национальных отношений на территории того или иного региона [6]. Как правило, документы такого рода носят подзаконный характер и определяют основные приоритеты деятельности государственных органов субъекта Федерации в рассматриваемой области.

Российский опыт осуществления национально-культурной автономии пока еще недостаточно известен. Широко распространено мнение, что в России культурно-национальная автономия не получила реального осуществления. Это утверждение, однако, не совсем верно. В действительности культурная (иначе — персональная, экстерриториальная) автономия являлась одной из альтернатив решения национальных проблем в России в начале XX века, и особенно в переломные 1917–1922 годы. Достаточно сказать, что национально-культурная автономия, отставшая практически всем спектром политических партий России как общероссийских, так и национальных, за исключением самых крайних флангов (монархисты и большевики), получила вполне реальное воплощение в политической и законотворческой практике большинства всероссийских, областных и национальных, кроме белогвардейских, правительств. Другое дело, что установление советской власти на большей части территории страны привело к утверждению сугубо территориального подхода к решению национального вопроса, к отрицанию позитивного потенциала культурной автономии, а затем и к полному ее забвению.

Теория национально-персональной (культурной, экстерриториальной) автономии пришла в Россию из многонациональной Габсбургской монархии. Сущность концепции ее авторов, К. Реннера (Р. Шпрингера) и О. Бауэра, заключалась в том, что источником и носителем национальных прав должны служить не территории, борьба за которые лежит в основе большинства межнациональных конфликтов, а сами нации, точнее национальные союзы, конструируемые на основе добровольного личного волеизъявления. Персональную принадлежность граждан к тому или иному союзу должен был представлять институт так называемого кадастра (переписи), составленного на основе личных заявлений совершеннолетних граждан. В системе национально-персональной автономии кадастр получал не меньшее публично-правовое значение, чем территория для национально-ограниченной области.

Национально-культурные автономии выступают и как важный фактор формирования гражданского общества. Сегодня можно с уверенностью сказать: этот институт в нашей стране состоялся, граждане активно воспользовались предоставленными им Законом правами, что подтверждено практикой деятельности национально-культурных автономий.

Органы государственной власти и национально-культурные автономии имеют общую цель — укрепление государственности, что подразумевает необходимость совместной плодотворной работы. При этом следует исходить из того факта, что институт национально-культурных автономий в многонациональной России возник в первую очередь для того, чтобы начать путь к выравниванию конституционно закрепленных равных прав всех народов нашего государства.

Многие проблемы правового характера в процессе становления и деятельности института национально-культурных автономий решаются во взаимодействии с Комитетом общественных связей и национальной политики Саратовской области.

Основным принципом взаимодействия власти и национально-культурных автономий представляется, что каждая национально-культурная автономия должна взаимодействовать с органами власти исходя из того условия, что национально-культурная автономия является неполитической, непартийной организацией, равно относится ко всем политическим силам, но в политической и партийной жизни не участвует. Каждая

национально-культурная автономия сотрудничает с действующей властью и никогда не противопоставляет ей себя.

В то же время органы исполнительной и законодательной власти не поняли до конца, насколько для них важны национально-культурные автономии для регулирования межэтнических отношений на территории того или иного субъекта. Дело в том, что создавшие их народы заявили как минимум о двух вещах.

Во-первых, о том, что они не будут политизировать национальное движение. В многонациональной стране политизация национальных организаций гибельна для государства. Создав национально-культурные автономии, а не общественно-политические организации, эти народы ясно показывают, что они не будут заниматься политикой. Более того, следовало бы распускать те национально-культурные автономии, которые будут заниматься политической деятельностью.

Во-вторых, создав национально-культурные автономии, их основатели заявили о том, что готовы работать в рамках экстерриториальной автономии, не претендуют на территориальную автономию. Это ведь самые надежные из всех национальных организаций партнеры для государства, для власти, это проводники государственной политики в национальных отношениях [8].

В то же время следует признать, что в стране все еще нет технологий обеспечения представительства народов России в органах власти и управления. Самое главное, нет признания того, что народы нашей страны как естественно сформировавшиеся самостоятельные сообщества являются важнейшей составной частью гражданского общества. Поэтому, на наш взгляд, необходимо всемерно укреплять и усиливать совместную деятельность национально-культурных автономий и других общественных организаций с органами государственной власти как федеральными, так и региональными.

Финансирование мероприятий по реализации Концепции государственной национальной политики, национально-культурных программ на федеральном уровне — это проблема, требующая ответственного государственного решения. Независимо от масштаба федерального бюджетного финансирования оно вряд ли способно решить все проблемы той или иной национальной общины. И здесь могут и должны играть ключевую роль региональные министерства, в чью компетенцию входит взаимодействие с

НКА. Так, в Саратовской области действует областная целевая программа «О развитии народов Саратовской области на 2008–2010 годы», которая предусматривает значительные средства на организацию взаимодействия областного правительства, местных администраций и представителей этнокультурных групп.

Работа Комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области в 2008 году велась по двум основным направлениям, которые получили отражение в реализации мероприятий двух целевых областных программ: «Развитие гражданского общества Саратовской области на 2008–2009 годы» и «Национально-культурное развитие народов Саратовской области на 2008–2010 годы».

Цель от реализации Программ – объединить усилия представителей различных общественных сил гражданского общества в поиске необходимых всему обществу решений по значимым проблемам общества.

Комплексные меры, реализованные в рамках этих Программ, направлены на развитие гражданского общества, воспитание гражданской позиции, патриотизма, интернационализма, поддержание мира и согласия, противодействие любым проявлениям экстремизма и ксенофобии.

Для реализации этих Программ на 2008 год было предусмотрено финансирование в

сумме 4360 тыс. руб. по программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» и 4585 тыс. рублей по программе «Развитие гражданского общества Саратовской области».

Здесь важно отметить следующее. Говоря о финансировании НКА посредством конкурсов, поддержки грантовых проектов, мы говорим об определении через бюджет приоритетов внутренней политики, то есть это вопрос сугубо политический. Национальный вопрос – это не песни на родном языке, точнее не только это, а в первую очередь – вопрос национальной безопасности. Таковым он неизбежно становится в стране почти двух сотен национальностей, множественности традиций, обычаев и конфессий, существующих и, увы, негаснущих межэтнических конфликтов. Закрывать глаза на эту реальность – значит пренебрегать сохранением стабильности в государстве и обществе, одной из важнейших возможностей построения гражданского общества.

Проводимые в Саратовской области конкурсы в рамках целевых областных программ дают возможность многим национальным общественным организациям, работающим в области профилактики межнациональных конфликтов, участвовать в конкурсе проектов впервые, позволил почувствовать значимость своего участия в укреплении межнационального мира и согласия.

1. Бойков В.Э. Социально-политический фон самоидентификации российского населения // Социология власти. – 2007. – № 1; Бреднева Е.А. Специфичность идентификации в кризисном обществе // Российское общество в условиях социального кризиса. – Саратов: [Б.м.], 2001; Бызов Л.Г. Основные идеологические течения в массовом сознании современной России // Мониторинг общественного мнения. – 2006. – № 4; Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социс. – 2006. – № 7; Данилова Е.Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс. – 2004. – № 10; Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. – 2008. – № 3; Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3; Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. – 2008. – № 2; Соловьев А.И. Политические и культурные основания идентификационных моделей в российском обществе // Политическая наука. – 2006. – № 3.

2. Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. – 1995. № 6. С. 122–124; Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен / Социальная идентификация личности. М.: ИС РАН. – 1994. – С. 267–290.

3. Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004.

4. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний 19 марта 1996 года // М.: Известия, 1996.

5. О национально-культурной автономии: Федер. закон Рос. Федерации от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ: принят Гос. Думой 22 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 июня.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2965. – С. 6161–6172.

6. Осипов А.И. Национально-культурная автономия. С.-Пб.: Алетейя, 2003.

7. Треборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. Том 1. № 1. 2001. С. 50–67.

8. Фомченко М.П. Национально-культурная автономия как форма самоопределения народов в России. М.: Авианздат, 2008. С. 32.

9. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft: Das alte Deutschland im neuen Europa? Len Gespräch mit Michael Haller/ Hrsg. M. Haller. Zurich, 1991. S. 29.

10. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N. Y. 1981. P. 35.

ВЛАСТЬ И ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

УДК 29

С.С. ЗАГРЕБИН

Современные общественно-политические реалии российского социума демонстрируют усиление роли и значения Русской Православной Церкви. Будучи организационно отделена от государства Церковь входит в социально-политическое и культурное пространство в качестве равноправного партнёра властных субъектов социума. В условиях постсоветского системного идеологического и духовного кризиса обращение власти к традиционным культурным ценностям представляется своевременным и необходимым шагом на пути формирования новой идеологии, без которой поступательное развитие общества становится всё более затруднительным. В данном контексте представляется интересным обращение к одному из фрагментов исторического опыта отношений власти и Церкви.

В 1920-е гг. молодое советское государство устремило свои усилия на искоренение религии из индивидуального и общественного сознания, на разрушение Русской Православной Церкви как организационного и духовного оплота религиозности и инакомыслия. Одним из сильных ударов власти стало изъятие так называемых «церковных ценностей», а в действительности – отчуждение церковной собственности и конфискация атрибутов богослужебной практики. Другим ударом стал спровоцированный государством церковный раскол.

Следует отметить, что известные предпосылки раскола существовали внутри Церкви и до событий 1917–1922 годов. Внутри Русской Православной Церкви имелись известные противоречия во взглядах духовенства на внутрицерковную организацию и систему отношений Церкви и власти. В некоторых вопросах противостояние наблюдалось и между черным и белым духовенством. Все существующие противоречия катализировались революционными событиями начала XX века, затем обострились сознательно направленной на эти цели политикой Советской власти. Искусственность раскола проявится уже в 1930-е годы, когда

усилившееся гонение на Церковь все более заглушит внутрицерковные противоречия. А вскоре после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов обновленческое духовенство со своими приходами возвратится в лоно Русской Православной Церкви.

Но это произойдет не сразу. Теперь же, в 1920-е годы, Советская власть всеми средствами способствует церковному расколу. Практические мероприятия по расколу Русской Православной Церкви Советская власть начала весной 1922 года. Патриарх Тихон был арестован 6 мая, а уже 14 мая 1922 года на первой странице газеты «Правда» было опубликовано Обращение «Верующим сынам Православной Церкви России», подписанное епископом Антонием и несколькими священниками из Петрограда, Москвы и Саратова. Обращение не просто демонстрировало свою лояльность к Советской власти, но сам факт существования рабоче-крестьянского правительства объяснялся «волей Божьей», залогом преодоления всех бедствий и тягот, а Церковь обвинялась в сознательном самоустранении от «великой борьбы за правду и благо человечества». Выступая от имени широких церковных кругов, группа подписавших Обращение священников осуждала контрреволюционную деятельность «тех иерархов и тех пастырей, которые виновны в организации противодействия государственной власти по оказанию помощи голодающим и в других его начинаниях на благо трудящихся». Далее священнослужители высказывали необходимость «созыва Поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений между ней и Советской властью» [9]. Под Обращением к «Верующим сынам Православной Церкви России» в газете «Правда» помещалась редакторская статья «Церковная демократия против церковного феодализма», где не только подчеркивалась значимость этого Обращения, но где ему предрекалось стать «переломным моментом в истории Русской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант РК 2009 Урал: Челябинская область. 09-01-85122 а/у.

Церкви». Такой прогноз был неслучайным, это был сигнал к началу широкомасштабной кампании, имеющей целью способствовать расколу Русской Православной Церкви.

Уже на следующий день после данной публикации Л. Троцкий в секретном письме к членам Политбюро ВКП(б) высказал недовольство медленной реакцией средств массовой информации на Обращение «лояльной группы духовенства». В своем письме Л. Троцкий подчеркнул, что отделение Церкви от государства не означает «безразличие государства к тому, что творится в Церкви, как в материально-общественной организации». По мнению Л. Троцкого, государство должно активно вмешиваться в эту сферу, диктовать свою волю. Далее Л. Троцкий ставит конкретные задачи по углублению раскола Церкви: всеми средствами разжигать и стимулировать борьбу внутри Церкви, поддерживать лояльных к власти священнослужителей, организовать в прессе соответствующую информационную поддержку [7, № 4, с. 196].

Через несколько дней в местные партийные организации направляется телеграмма за подписью секретаря ЦК РКП(б) В. Куйбышева. Констатируя появление в церковной среде обновленческого движения, ЦК партии призывает коммунистов на местах обратить свое внимание на этот процесс. В телеграмме говорилось: «Партия твердо стоит на своей принципиальной позиции, враждебной всякой религии. Советская власть, проводящая отделение Церкви от государства, продолжает политику официального невмешательства в церковные и религиозные дела, но для партии далеко не безразлично, стоят ли во главе церковной организации... контрреволюционные заговорщики или элементы, лояльно настроенные к Советской власти». Местным партийным организациям рекомендовалось очень осторожно проводить антирелигиозную работу, чтобы не оттолкнуть от себя лояльное духовенство. Это духовенство интересовало партию не как потенциальный союзник, но как сила, способная осуществить церковный раскол. Спустя два месяца, в августе 1922 года, в материалах Двенадцатой Всероссийской конференции РКП(б), а именно в резолюции об антисоветских партиях и течениях, среди прочих врагов Советской власти будет названа Церковь, а «начавшийся глубокий раскол Церкви, чреватый серьезными последствиями, будет оценен партией как положительный факт» [8, т. 2, с. 592].

Так Русской Православной Церкви был нанесен двойной удар. Сначала – изъятие церковных ценностей, причинившее не только материальный ущерб, но и духовные страдания от осквернения богослужебных предметов. Затем – организация церковного раскола. По сути, формы и методы гражданской войны были внесены в жизнь церковную и разделили духовенство, разделили мирян на противодействующие группировки. Одну группу составляли приверженцы Патриарха Тихона, другую – так называемые «обновленцы» – сторонники широких внутрицерковных реформ.

Обновленцы пытались объяснить свое движение характером изменившейся политической обстановки; они ставили своей задачей примирение Церкви с революцией и революционной государственностью. Они заявляли, что сочувствуют социальному перевороту, социальным лозунгам Октябрьской революции, как отвечающим голосу христианской правды, и потому приемлют новый государственный строй [11, с. 33]. Обновленцы называли «близорукой» точку зрения многих церковников на то, что «удар, нанесенный русскому православию Октябрьским переворотом, заключается в отделении Церкви от государства». По их мнению, революция нанесла удар, прежде всего, церковной идеологии, которая изжила себя, ведь «христианство обещало Царствие Божие, обещало всех людей сделать братьями, но не сделало этого».

Обновленцы выражали уверенность, что именно революция способна превратить «человечество ... в братский союз народов, а в общественной жизни восторжествует по-прежнему справедливость». Ведь «перед революционным натиском падают те позиции социального зла, которые твердо противились религиозному воздействию ... Еще немного и ... не будет никаких рабов, ни нищих, ни насильников» [12, с. 6]. Обновленчество было далеко не однородным течением, более того, обновленцев объединяло лишь одно – публичная демонстрация лояльности к Советской власти. Власти было достаточно одного лишь этого факта, чтобы расценивать все течение обновленчества как единую силу, способную практически осуществить раскол в Русской Православной Церкви.

Арест 6 мая 1922 года Патриарха Тихона явился своеобразным сигналом к активизации действий обновленцев. Спустя неделю, 12 мая Патриарха Тихона посетила группа духовенства в составе протоиерея

Введенского, священников Красницкого, Калиновского, Белкова и псаломщика Стадника. В течение продолжительной беседы речь велась о судьбе Русской Православной Церкви, о ее современном положении в обществе, об отношении Церкви с Советской властью. Сами обновленцы описывали свою беседу как достаточно категоричное и резкое обвинение Патриарха Тихона в антисоветской деятельности. Скорее всего, это объяснение не соответствует действительности, и обновленцы пришли к Патриарху, лишь демонстрируя благие намерения. Сам Патриарх Тихон писал в этой встрече по-иному: пришедшие к нему на Троицкое подворье священники, под видом заботы о благе Церкви, подали Патриарху письменное заявление, где объяснялось, что «вследствие сложившихся условий церковные дела остаются без движения» и просили Патриарха «вернуть им канцелярию... для приведения в порядок поступающих в нее бумаг» [10, кн. 1, с. 196]. Патриарх Тихон наложил на письмо священников резолюцию, в которой поручал им управление Канцелярией и делами впредь до приезда митрополита Агафангела. Именно ему, митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), Патриарх Тихон вручал временные полномочия главы церковного управления; об этом 12 мая 1922 года Патриарх сообщил Председателю ВЦИК М.И. Калинину [1, с. 213]. Митрополит Агафангел не смог приступить к своим обязанностям временного главы церковного управления, так как органы Советской власти не допустили прибытия митрополита в Москву. Группа обновленцев, воспользовавшись этим обстоятельством, вновь посетила Патриарха Тихона; ссылаясь на отсутствие Агафангела и какого-либо церковного руководства, они выговаривали себе дополнительные полномочия в церковном управлении. Впоследствии обновленцы использовали беседы с Патриархом как оправдание собственных действий по созданию Высшего Церковного Управления (ВЦУ).

Следует отметить, что обновленцы не ставили своей целью расколоть Русскую Православную Церковь. Создание ВЦУ объяснялось обновленцами как необходимая мера, призванная упорядочить церковные управления на период отсутствия Патриарха. Но обновленцы позволяли себе публично осуждать Патриарха Тихона, его политику. Созданное обновленцами Высшее Церковное Управление стремилось подчинить себе все стороны церковной жизни. Эти действия

обновленцев стали вызывать недовольство верующих и протесты высших церковных иерархов. Сначала прозвучало послание митрополита Агафангела, в котором он, в качестве Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, объявлял свое категорическое несогласие с узурпацией обновленцами церковной власти. Признавая необходимость урегулирования многих внутрицерковных вопросов, митрополит Агафангел подчеркивал возможность их решения исключительно Всероссийским Поместным Собором.

Не внимая увещаниям митрополита Агафангела, обновленцы продолжали подвергать резкой и часто несправедливой критике Патриарха Тихона, пренебрегая элементарными нормами этики и субординации. Спустя полгода после послания митрополита Агафангела, 19 декабря 1922 года, Патриарх Тихон в специальной грамоте объявил анафематствование Высшему Церковному Управлению и всем, имеющим с ним какое-либо общение [10, с. 198–199]. Заявление Патриарха Тихона, нацеленное прежде всего на сохранение единства Русской Православной Церкви, неизбежность ее традиций, фактически окончательно обозначило раскол уже как совершившийся факт. И подтверждением этого факта раскола Русской Православной Церкви явился созыв обновленцами собственного Собора, который они назвали Вторым Всероссийским Поместным Церковным Собором. Этим названием обновленцы хотели представить созыв Собора как исполнение коллективной воли Церкви (на Первом Поместном Соборе предполагалось созвать следующий Собор в 1921 году).

Второй Всероссийский Поместный Собор состоялся в Москве, заседания Собора проходили с 29 апреля по 9 мая 1923 года. В работе Собора принимало участие 350 делегатов, из них 260 – составляли обновленцы. С первых же дней работы Собор продемонстрировал свою лояльность к Советской власти, направив приветствие Правительству Российской Республики и приветствие ВЦИКу. В этих двух документах декларировалась приверженность Церкви к революционным преобразованиям в России. «Великий Октябрьский переворот» признавался средством достижения «начал равенства и труда, имеющихся в христианском учении». Третьего мая 1922 года Собором была принята очень важная резолюция, положения которой кардинальным образом

меняли всю систему отношений государства и Церкви. Поместный Собор приветствовал Декрет об отделении Церкви от государства, Конституцию Советского государства. Собор подчеркивал, что «Советская власть, одна во всем мире... государственными методами... борется за идеалы Царства Божия...» [2, с. 5]. Советская власть определялась как мировой вождь в борьбе за братство, равенство и мир народов; а капитализм объявлялся смертным грехом и борьба с ним – священной для христианина. Политическая терминология: «классовая борьба», «капитализм» и другие не просто вошли в церковный лексикон, но и нашли в нем свое действенное выражение. Поместный Собор заклеил международную и отечественную контрреволюцию, осудил ее «всем своим религиозно-нравственным авторитетом», признав, что «Церковь как контрреволюционная организация оказалась побежденной. В докладе протоиерея А.И.Введенского Патриарх Тихон назван «агентом международной реакции», «заклятым врагом Советской власти», носителем и разжигателем контрреволюционных настроений: «...Патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции и этим... ввел в заблуждение широкие церковные массы». В постановлении Собора Патриарх Тихон обвиняется в том, что он «направлял всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни». Множество пунктов доклада А.И. Введенского, а также резолюций и постановлений Собора содержат самые невероятные обвинения Патриарха, начиная от нарушений заповедей Христа, ввержения Церкви в контрреволюционную борьбу, до обвинений в жестокости к голодающим: «Патриарх Тихон, затворивший свое сердце от умирающих с голода бедняков и не желавший отдать церковные сокровища на нужды голодающим...» [2, с. 5, 7]. Осудив Патриарха Тихона за «неисчислимыя беды», в которые «Церковь впала» по его вине, Собор определил Патриарху суровое наказание: «Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви и на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращает в первообычное мирянское положение. Отныне Патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин». Отдельным параграфом этой резолюции сам факт восстановления Первым Поместным Собором (1917–1918 гг.) института Патри-

аршества объявлялся «актом определенно-политическим, контрреволюционным», и на этом основании Собор «отменяет восстановление Патриаршества» [2, с. 8].

Таким образом, обновленческий Собор 1923 года продемонстрировал полное подчинение церковной жизни государственным интересам. В угоду политической конъюнктуре предавались забвению канонические основы православия. Обновленцы нарушили Соборность Церкви тем, что перестали подчиняться избранному Собором Патриарху Тихону и осудили его вопреки соборным правилам. Основанием подобных действий могли служить лишь серьезные нравственные преступления, а не политические взгляды, тем более, что Патриарх Тихон никогда не делал политических заявлений; во всех его посланиях политические реалии оценивались исключительно с религиозно-нравственных позиций.

Реакцией Патриарха Тихона было полное и категорическое неприятие решений Собора, о чем он заявил в своих посланиях от 28 июня и от 1 и 15 июля 1923 года [6]. Собор обновленцев не нашел поддержки и у автокефальных Православных Церквей за рубежом. Но самое главное – широкие массы верующих граждан остались верны Патриаршей Церкви. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста, затем его заявление о лояльности к Советской власти лишили обновленцев их главного обвинительного аргумента. Достаточно разрозненные обновленческие течения все более расходились между собою, теряя организованность. В то же время Патриаршая Церковь усилиями Патриарха Тихона обрела все большую внутреннюю стабильность.

Советская власть, добившись от Патриарха Тихона публичного заявления о его лояльности к новой власти, продемонстрировала свою «гуманность». Постановлением Президиума ВЦИК Союза ССР от 21 марта 1924 года было прекращено судебное производство по делу Патриарха Тихона. В Постановлении говорилось: «Принимая во внимание, что гражданин Белавин В.И., бывший Патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян... и что влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено... гражданин Белавин, бывший Патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для Советской власти». На следу-

ющий день Патриарх Тихон в газете «Известия» выразил свою благодарность Советскому правительству за милосердие [3].

Впоследствии, когда угроза ареста уже не довлела над Патриархом Тихоном, все усилия главы Церкви были направлены на обустройство внутрицерковной жизни. Однако Патриарх был вынужден периодически выступать в советской печати с разъяснениями лояльности Церкви по отношению к Советской власти. Смирненное приятие власти, какой бы она ни была, являлось залогом общественного примирения, отнимало у той же власти повод к очередному насилию. Желание Патриарха Тихона увидеть в России и в Церкви гражданский мир и согласие, донести это еще и еще раз до сознания паствы, клира и до сведения властей четко прослеживалось в последних посланиях Патриарха. Особенно ярко проявилась позиция Патриарха Тихона в его последнем послании, написанном в день кончины 7 апреля 1925 года и ставшем своеобразным духовным завещанием. Оно было передано митрополитами Петром Крутицким и Тихоном Уральским в редакции газет «Правда» и «Известия», в которых и было опубликовано в один день.

Весь текст послания был пронизан одной заботой – сохранить Русскую Православную Церковь в условиях нового общественно-политического строя. Признавая установление Советской власти как свершение воли Божией, Патриарх предостерегал паству от уныния, от возможного богохульного роптания, призывал «не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении ... быть искренними по отношению к Советской власти... осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее» [4]. Этими словами Патриарх помогал верующим избавиться от необходимости делать выбор между своим духовным долгом и гражданскими обязанностями. Гармонизация этих двух сфер человеческого бытия и сознания вселяла в личность чувство внутренней стабильности и тем самым обеспечивала ею все общество. Огромное число верующих могло обрести внутреннюю духовную свободу в условиях тоталитарной политической системы.

Церковно-обновленческое движение 1920-х годов продемонстрировало и духовенству и мирянам всю пагубность внутрицерковных распрей. В среде самих обновленцев тоже не было единства. Существовали различные обновленческие

течения – «Живая Церковь», «Церковное возрождение», «Союз общин древлеапостольской Церкви» и другие. Главным был сам факт церковного раскола, который распространился на все епархии.

Внутрицерковное примирение было необходимо, и сами обновленцы понимали важность церковного объединения. Летом 1925 года обновленческий Синод обратился к митрополиту Петру с предложением организовать совместную комиссию для преодоления внутрицерковных разногласий. Однако митрополит Петр, который выполнял в это время обязанности Патриаршего Местоблюстителя, отказался участвовать в каких-либо переговорах с «еретиками», считая, что внутрицерковное примирение можно осуществить только через личное покаяние обновленцев и возвращение их в лоно Патриаршей Церкви [10, с. 253]. Обновленцы приняли решение добиться собственной правоты на новом Поместном Соборе.

Третий Поместный Собор проходил в Москве с 1 по 10 октября 1925 года. Следует сразу сказать, что свою главную задачу – церковное примирение – Собор не решил. Руководители обновленцев – митрополит Введенский, протоиерей Красотин, митрополит Серафим в своих выступлениях пытались обосновать каноничность церковно-обновленческой власти, одновременно обрушиваясь с критикой на Патриаршую Церковь, обвиняя ее приверженцев в лицемерном примирении с Советской властью. Но, несмотря на официальные победы на Соборах 1923 и 1925 годов, количество обновленческих приходов постоянно сокращалось. Думается, во многом это объясняется стойкой и бескомпромиссной позицией приверженцев Патриаршей Церкви и ее иерархов. Сохраняя все традиции православия, претерпевая тяготы гонений, они продолжали верно служить Церкви. Само примирение их с Советской властью было осуществлено с достоинством: власти было отдано должное гражданское уважение, Церкви осталось верное духовное служение.

Таким образом, достаточно динамичное сокращение сторонников обновленческих течений, укрепление позиций приверженцев Патриаршей Церкви создавали предпосылки установления, хотя и не полного внутрицерковного примирения. Однако в этот процесс вновь вмешалось Советское государство. По обвинению в антисоветской деятельности был арестован Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, в результате чего

вновь встал вопрос о преемстве высшей церковной власти. Во внутрицерковных отношениях началась новая смута; суть ее заключалась в противоборстве различных группировок, отстаивающих свое право на высшее церковное управление.

К концу 1920-х годов внутри Русской Православной Церкви наметились основные группировки, отстаивающие свое право на высшее церковное управление. Одну из этих группировок возглавлял митрополит Сергей, исполняющий обязанности Патриаршего Местоблюстителя; другая группировка сосредоточилась вокруг архиепископа Григория и Временного Высшего Церковного Совета. Третью силу составляли автокефалисты – православные иерархи, не принимавшие ни митрополита Сергея, ни архиепископа Григория. Представители каждой из группировок обвиняли противников в неканоничности властных претензий и в забвении принципов соборности, и эти обвинения были во многом справедливы. Окончательно разрешить все внутрицерковные разногласия мог лишь Поместный Собор с широким представительством клира и мирян, но созвать Собор в то время не представлялось возможным. Российская Православная Церковь находилась в невероятно сложном положении. Обеспечить хоть какое-то внутрицерковное управление возможно было лишь при условии постоянных контактов с органами Советской власти, но государство требовало за самую свою незначительную поддержку полного подчинения. Митрополиту Сергию стоило большого труда сохранить относительную независимость Церкви.

В своей деятельности митрополит Сергей руководствовался принципами, определенными еще Патриархом Тихоном, четко различая гражданские обязанности члена общества и духовный долг пастыря. Высказывая свою лояльность к Советской власти, митрополит Сергей подчеркивал, что не стремится «примирить непримиримое и подкрасить ... веру под коммунизм». Митрополит Сергей пытался доказать Советской власти, что ей не опасен православный христианин, что, как и любой другой гражданин страны, православный христианин живет заботами и удачами своего Отечества, что нравственные принципы православного христианина определяют его законопослушность и одновременно обязывают к духовной работе [5]. Предназначение Церкви виделось митрополиту Сергию ни в решении

сиюминутных политических вопросов, но в духовном служении.

Большинство православных иерархов разделяло позицию митрополита Сергея. Русская Православная Церковь все более приспособлялась к существованию в условиях атеистической страны. Глубокий анализ принципов взаимоотношений Церкви и Советского государства содержался в Обращении православных епископов из Соловецких островов к правительству СССР (май 1927 года). Характеризуя противоречия между Русской Православной Церковью и Советским государством, священники уточняли, что эти противоречия носят не экономический и не политический характер. Корень противоречий Церкви и Советского государства находился в сфере духовной, в принципиальной непримиримости религиозного учения и философской материалистической доктрины, определяющей государственную идеологию. Соловецкие епископы вполне справедливо отмечали, что между Церковью и Советским государством «невозможно примирение, как ... между «да» и «нет», потому что душой Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает последовательное утверждение принципа отделения Церкви от государства могло обеспечить мирное сосуществование этих двух общественных институтов.

В Советской России этот принцип был закреплен в Конституции; однако система законодательных положений обеспечивала государству целый комплекс экономических, юридических, политических, идеологических рычагов давления на Церковь, при этом Церковь была лишена многих прав, включая права собственности и статуса юридического лица. Православные епископы выражали надежду, что реализация принципа отделения Церкви от государства проявится в отказе государства от вмешательства во внутренние дела Церкви: в ее вероучение, богослужение и управление. «Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится...», – писали соловецкие епископы [1, с. 500–507]. Разумеется, записка православных епископов не нашла в правительстве никакого отклика.

Подведем некоторые итоги. В 1920-е годы партийно-государственный аппарат спланировал и организовал широкомасштабное наступление на Русскую Православ-

ную Церковь. Повсеместное закрытие православных храмов, массовые аресты священнослужителей, правовые ограничения деятельности Церкви, изъятие церковных ценностей, спровоцированный церковный раскол – все это имело целью уничтожить само существование в России Православной Церкви. Усилиями сначала Патриарха Тихона, затем митрополита Сергия были частично преодолены острые разногласия Церкви и государства. Пойдя на определенные политические уступки, Церковь сохранила главное – свое существование в

России и духовно-нравственное значение в сердцах верующих. Государство осознало, что не смогло уничтожить ни Церковь, ни православие. Поэтому уже в 1930-е годы деятельность органов государственной власти были переакцентированы с задачи ликвидации Церкви как общественно-политического института на задачи истребления Веры как мировоззрения, как системы эмоционально-нравственных категорий, составляющих основу морального строя личности. Так начиналась эпоха «воинствующего атеизма», исход которой всем хорошо известен.

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. – М., 1994.
2. Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. Бюллетени. – М., 1923.
3. Известия. – 1924. – 22, 23 марта.
4. Известия. – 1925. – 15 апреля.
5. Известия. – 1927. – 19 августа.
6. Известия. – 1923. – 4 июля; 6 июля.
7. Известия ЦК КПСС. – 1990.
8. КПСС в резолюциях... – М., 1983.
9. Правда. – 1922. – 14 мая.
10. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. – М., 1995.
11. Титлинов Б.В. Новая Церковь. – Пг. – М., 1923.
12. Титлинов Б.В. Историческое обоснование обновленческого движения. – Самара, 1926.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАГНИТОГОРСКА: АНАЛИЗ ПРИЧИН СМЕРТНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ (1930–1935)

УДК 314.48

Н.Н. МАКАРОВА

Демографическая история – отрасль истории повседневности, которая возникла в XIX веке. Исследованием проблем демографической истории занимались в основном зарубежные историки, среди которых Д.С. Смит, Ф. Фурет, Л. Генри, Д. Нунан, Р. Мэнард, Л.Р. Пус, М.Л. Ли, Д. Локши и др. В исследованиях российских ученых демографические изыскания играют не ведущую роль. Объясняется это преимущественно тем, что демография по сути является узконаправленной дисциплиной, рассматривающей вопросы, связанные со смертностью, рождаемостью, брачностью, продолжительностью жизни, миграциями, естественным приростом, на основе математических вычислений. Изучение демографических процессов требует от историков не только сбора эмпирических данных, что является трудоемким процессом, но и вкрапления их в историческую картину с целью демонстрации воздействия конкретно-исторической ситуации на изменение жизни населения и его демографических характеристик.

Демографическая история Советского Союза в 1930-е гг. занимает особое место по сложности происходивших социально-экономических и политических событий. Демографические изменения 1930-х гг. имели долгосрочные последствия и определили в значительной мере особенности демографических процессов вплоть до настоящего времени. Изучением названных процессов в Советском Союзе занимались исследователи разных лет – С.Г. Струмилин, Л.Л. Рыбаковский, Б.Ц. Урланис, А.Я. Кваша, А.Г. Вишневский и др. [13; 14; 15]. Советские демографы внесли весомый вклад в изучение проблем рождаемости, смертности и брачности, однако ограниченный доступ к статистическим материалам предопределил заведомую неполноту представленной информации в работах ученых. Интерес к демографическим проблемам СССР и

России проявляли и зарубежные исследователи (Б.А. Андерсон, А.Р. Льюис, Н.Р. Роулэнд, С.Г. Уиткрофт, Р. Конквест) [3]. В наши дни на базе рассекреченных материалов изучаются потери населения СССР (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.А. Харькова, Н.А. Араловец, В.В. Цаплин, В.Б. Жиромская), принудительные миграции населения (В.Н. Земсков), влияние государства на демографическую политику (Ю.А. Поляков) [1; 4]. Итогом современных исследований в области народонаселения является коллективный труд «Население России в XX в.», в котором представлен материал о демографических изменениях в СССР в 1926–1939 гг. Особого внимания заслуживает монография В.Б. Жиромской «Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное». Автор говорит о причинах заболеваемости и смертности населения в стране, о влиянии бытовых условий в городах на демографическую картину СССР, приводится соответствующая статистика. Однако демографическая картина, формировавшаяся в условиях новостроек, автором не рассматривается. Региональные демографические исследования в связи с разрешением доступа к статистическим материалам получают все более широкое распространение. Исследователь В.В. Кондрашов изучает демографию Поволжья, Е.Н. Осколков – Северного Кавказа, В.А. Исупов – Сибири [5]. Историко-демографические исследования на Урале проводят исследователи В.В. Алексеев, Г.Е. Корнилов, А.И. Кузьмин, И.П. Мокеров, В.П. Мотревич, А.Г. Оруджиева, Ю.А. Русина [7; 9]. Коллектив уральских исследователей подготовил и издал труд «Население Урала. XX век. История демографического развития», в котором проанализировал демографическую ситуацию на Урале и отразил ее специфику. Обновленные статистические данные приводят авторы коллективной монографии «Население Урала за 100 лет (1892–1992)» [10]. Специальных исследований в области демографии, посвященных

новым индустриальным городам Урала, в настоящее время нет. Не подвергалась изучению и проблема изменения численности населения в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения демографической ситуации в городе-новостройке. В данной статье мы попытаемся проанализировать причины смертности в Магнитогорске в указанный период и сопоставить полученные результаты со знанием специфической социально-экономической обстановки в городе и образом жизни населения.

Демографическая ситуация в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. может быть охарактеризована как «демографическая катастрофа». Анализируя демографические процессы в городе, мы опирались на данные статистики, сохранившиеся в архиве ЗАГС и городском архиве Магнитогорска. Хотя эти данные неполные, они отражают общую картину изменений демографической обстановки в городе. Кроме того, данные статистики сопоставлялись нами со сведениями конъюнктурных обзоров, которые производил городской отдел здравоохранения. Значительную сложность исследованию придает то, что город являлся новостройкой: потоки рабочей силы практически не контролировались статистическими службами. Существенное влияние на демографическую обстановку оказывали массовые переселения раскулаченных и заключенных, а также миграции населения, спровоцированные целым спектром разнообразных причин.

Основополагающим показателем демографического развития населения является величина его естественного прироста, которая представляет собой разницу между числом родившихся и умерших за единицу времени, преимущественно за год.

Таблица № 1*. Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста в Магнитогорске

годы	рождаемость	смертность	естественный прирост
1930	20,45	110,22	-89,77
1931	46,96	27,21	19,75
1932	19,26	20,02	-0,76
1933	9,7	15,18	-5,48
1934	22,05	15,78	6,27
1935	52,59	13,01	39,58

* Рассчитано по: архив Магнитогорского бюро ЗАГС: Книга учета архивного фонда книг о рождении; книга учета архивного фонда книг о смерти.

Из таблицы видно, что смертность в Магнитогорске в 1930 г. была значительной. Объясняется преобладание смертности над рождаемостью тем, что в течение 1930 г. в городе шел сложнейший процесс становления и организации элементарных бытовых условий. В 1930 г. в городе не хватало жилья. Жилой фонд города состоял в основном из бараков, землянок и палаток. Последних катастрофически не хватало. Начальник Магнитостроя Я. Шмидт пытался «выбить» брезент в военно-морском наркомате, но безуспешно [11, л. 5]. Зимовали в палатках в 1930–1931 гг. несколько тысяч человек. Точных данных о численности горожан, зимовавших в палатках, получить не удалось. В сентябре 1930 г. газеты сообщали, что около 2000 рабочих будут по-прежнему жить в палатках, а исследователи И.В. Антипова и М.И. Школьник указывали на то, что к лету 1931 г. более 10000 человек проживали в палатках. Качество медицинского обслуживания было на низком уровне, в городе работало не более 60 врачей, а снабжение населения продуктами питания и товарами первой необходимости происходило с перебоями.

Положительная динамика 1931 г. была обусловлена не качественными изменениями в жизни горожан, а колоссальным притоком на строительство семей рабочих. По словам А.И. Сулимова, предполагалось, что «строители будут временные, без семей... но уже в 1930 г. из деревень и городов к рабочим стали приезжать жены и дети» [2, л. 51–52]. Однако нельзя отрицать и незначительную положительную динамику в жизни горожан. Жилищный фонд города увеличился за счет форсированного строительства бараков облегченной конструкции. Открывались новые лечебные учреждения. В частности, была развернута сеть пунктов оказания первой медицинской помощи по всем строительным участкам и в жилых районах. Система снабжения по-прежнему работала с перебоями. Но в городе появилась регулярная ярмарка – базар. Жители близлежащих сельских районов привозили в Магнитогорск основные продукты питания, в результате в значительной мере удавалось скрыть общий недостаток продукции Управлением рабочего снабжения.

Отрицательный коэффициент естественного прироста населения в 1932–1933 гг. явился следствием роста и распространения инфекционных заболеваний, пик которых

пришелся на указанный период. Заметим, что коэффициент рождаемости в Магнитогорске в 1933 г. был в 3,6 раза ниже, чем по Уралу (35%) [5, с. 29]. Наконец 1934–1935 гг. – время стабилизации. В эти годы более или менее устояло число постоянных жителей города. Сезонные рабочие больше не прибывали в Магнитогорск партиями по 1500 человек ежедневно, как это происходило в течение 1930–1932 гг. Значительно увеличился жилищный фонд города: если в 1932 г. весь фонд составлял не более 490397 кв. м, то в 1934 возрос до 669947,5 кв. м [8, л. 31, 35, 39, 44, 52, 57, 74]. Структура медицинских учреждений была отрегулирована. В городе действовали пять здравобъединений, каждое из которых включало в себя амбулаторию, сеть пунктов первой медицинской помощи, детскую и / или женскую консультацию. С 1932 г. работала больница, число койкомест в которой составило 1305 в 1934 г., что в 1,6 раза больше, чем в во время ее открытия в 1932 г. Снабжение было нормализовано, в городе была развернута сеть магазинов и ларьков. Совокупность перечисленных факторов благоприятно сказалась на естественном приросте населения, который был обусловлен не только снижением смертности, но и ростом рождаемости. Показатели рождаемости стабильно росли, начиная с 1933 г. При этом общая демографическая ситуация по России и на Урале значительно отличалась от положения в Магнитогорске. Коэффициенты рождаемости по Уралу, начиная с 1929 г., стабильно сокращались: 1929 г. – 49,5 %, 1933 г. – 35 %, 1935 г. – 32 % [5, с. 29]. Это было следствием социально-экономических процессов, происходивших в стране. Низкая рождаемость на Урале в указанный период объясняется также голодом 1932–1933 гг., первые признаки которого появились в 1930–1931 гг. Рост рождаемости в Магнитогорске в 1933 – 1935 гг. был следствием определенной стабилизации в жизни горожан и преобладанием на строительстве молодежи, которая активно создавала семьи.

Сравнительный анализ демографической ситуации в Магнитогорске и по Советскому Союзу в целом выявляет как сходные черты, так и существенные различия. В СССР и в Уральском регионе в 1933 г. развернулась полномасштабная катастрофа, характеризующаяся скачкообразным ростом

смертности. В частности, на Урале в 1933 г. естественный прирост был отрицательным и составил 14,3%. В Магнитогорске рост смертности начался еще в 1932 г. и к лету 1933 г. достиг своего пика. Главными факторами высокой смертности в это время были не ее сезонные колебания, а голод в стране и эпидемии. Исследователь В.А. Исупов справедливо утверждает, что голод распространился не по всей территории страны, однако так называемый латентный голод (хроническое недоедание) был характерным явлением для всего Советского Союза и для Магнитогорска в частности. Если по стране отрицательный естественный прирост населения был обусловлен массовым вымиранием, а не снижением рождаемости, то в Магнитогорске сказывались оба этих фактора. После стабилизации ситуации в сфере снабжения населения и здравоохранения рождаемость в СССР сокращалась по инерции вплоть до 1934 г. В Магнитогорске положительный естественный прирост объяснялся прежде всего всплеском рождаемости, показатели смертности при этом даже незначительно увеличились. В целом последствия демографического кризиса и в СССР и в Магнитогорске удалось преодолеть к началу 1935 г., а вот Урал справился с проблемой только к 1939 г.

Таблица № 2*. Естественное движение населения в 1930–1935 гг. (тыс. чел.)

годы	СССР		
	рождаемость	смертность	естественный прирост
1930	6694	4284	2410
1931	6510	4501	2009
1932	5837	4786	1051
1933	5545	11450	-5905
1934	4780	3410	1369
1935	5249	3282	1967

Брачность в России в первой половине 1930-х гг. была традиционно высокой. В Магнитогорске по имеющимся в архиве данным было заключено значительное число брачных союзов. При этом мы использовали данные официальной статистики, а значит, что число фактических браков (незарегистрированных в ЗАГСе) в ней не отражено. Наиболее интенсивной «брачной» порой в Магнитогорске были летние месяцы, в отли-

* Андреев Е. М., Дарский Л.Е. Харьковская Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. – 1990. – № 7. – С. 34–46.

чие от сельских районов, где свадьбы традиционно играли осенью после окончания полевых работ. Разводов было также достаточно много (фактические разводы также не учтены). Таким образом, статистика браков и разводов представлена неполно, но она позволяет судить о росте числа брачных союзов в городе и как следствие о росте рождаемости.

Таблица № 3*. Статистика браков и разводов

годы	браки	разводы	% разводов по отношению к числу заключенных браков
1930	97	22	22,6 %
1931	416	92	22,1%
1932	759	205	27%
1933	1149	201	17,4%

Анализ причин смертности в Магнитогорске позволяет объяснить сложившуюся демографическую ситуацию. Наиболее распространенной причиной смерти являются болезни органов дыхания. По этой причине в городе умирало 23,8% [8, л. 27, 31, 35, 39, 44, 49, 52, 57, 74], из них от туберкулеза – 8,3% и пневмонии – 0,7%. Для сравнения, в РСФСР от заболеваний органов дыхания умирало 11,8% [6]. Еще одной распространенной причиной смерти являлись острозаразные инфекционные заболевания: оспа, сыпной тиф, брюшной тиф, скарлатина, дифтерия, дизентерия, малярия, корь, менингит и т.п. От этих заболеваний умирало до 25,3%. По РСФСР этот показатель составлял около 21,4% [6]. В условиях общей неустроенности, антисанитарии, недоедания обычные детские болезни превращались в бич, от которого страдало и взрослое население города. В частности, от кори умирало 3,1%. Среди иных причин смертности распространены были болезни сердца – 13,1%, а также желудочно-кишечные «интериты» и колиты – 2,4%. Имели место раковые заболевания – 0,21%. Детская смертность в Магнитогорске была значительная и составляла около 24% от общего числа умерших. Среди причин младенческой смертности и детей до одного года преобладали болезни дыхательных путей – 38,2%, врожденная слабость – 27% и детские инфекционные заболевания – 18,6%.

Врожденная слабость была обусловлена общим уровнем и качеством жизни: некачественное, а зачастую и недостаточное питание и неприспособленные для детей жилищные условия. Детская смертность по РСФСР была несколько ниже – около 22%.

Проведенный анализ показал, что основной причиной смертности в Магнитогорске являлись болезни дыхательных путей. Это свидетельство неблагоприятной экологической обстановки в новом индустриальном центре. Известно, что жилые бараки, землянки и палатки располагали в непосредственной близости от строящихся и работающих объектов и цехов комбината в целях экономии времени в условиях форсированного строительства. О здоровье населения никто не задумывался. Широко известен факт первоначально неправильного расположения жилых районов без учета розы ветров – в результате пыль, гарь и выбросы производственной деятельности «направлялись» на жилые районы.

Существовали две специфические причины смертности в Магнитогорске. Город Магнитогорск принято называть городом юных, городом молодежи, однако от старческой дряхлости** умирало 7,1% населения. Данный диагноз ставили не 80–90-летним старикам, а довольно часто людям в возрасте 50–55 лет, организм которых в силу образа и условий жизни, тяжелого физического труда, недоедания «изнашивался» значительно быстрее. Еще одну группу причин смертности представлял травматизм. Данные статистики не дают полной картины смертности от травм, полученных на строительстве, производстве или в быту. Однако отдельные сведения, сохранившиеся в архиве города, позволяют судить о том, что их доля была существенной – 2,9% [8, л. 27, 31, 35, 39, 44, 49, 52, 57, 74]. Высокий травматизм являлся следствием низкой квалификации рабочих и недостаточной охраны труда. Несомненно, имели место и такие причины смертности, как убийства и самоубийства (в частности, в период с апреля по сентябрь 1933 г. было зарегистрировано 49 самоубийств), но статистика подобного рода практически отсутствует [8, л. 31, 35, 39, 44, 49, 52.].

Таким образом, демографические процессы, проходившие в Магнитогорске в зна-

* Рассчитано по: Муниципальное учреждение «Магнитогорский государственный архив». Ф. 16. Оп. 1. Д. 1–12. Данные о числе заключенных браков за 1934, 1935 гг. в архиве не отражены.

** На наш взгляд, уместнее использовать термин «истощение», однако мы в статье использовали терминологию, предложенную в статистических отчетах горздравотдела и отдела статистики города Магнитогорска.

чительной мере отличались от общероссийской ситуации в области народонаселения и обстановки на Урале. Причина разнонаправленных процессов рождаемости и смертности в стране и в Магнитогорске заключалась в специфике города – новостройки. В то время как на демографические процессы, а именно на рост смертности населения, в СССР и на Урале преобладающее влияние оказывали начавшиеся форсированная индустриализация и коллективизация и голод. В Магнитогорске основной причиной смертности выступали общая неустроенность жизни населения, отсутствие необходимого жилищного фонда, качественного медицинского обслуживания и снабжения продуктами питания, что в целом было характерно для многочисленных новых городов, возникших при строительстве индустриальных гигантов. Если по Уралу и СССР в целом коэффициент рождаемости в 1933–1934 гг. неуклонно понижался, то в Магнитогорске данный показатель стал увеличиваться за счет сравнительной нормализации жизни

населения, притока на строительство семей рабочих и высокой рождаемости. Половозрастная структура населения Магнитогорска оставалась в состоянии «демографической молодости», т.е. преобладание молодежи над средним и пожилым возрастными было значительным. На высоком уровне была смертность, в том числе детская. Основной причиной смертности в городе были заболевания органов дыхания и инфекции, что вполне логично в неблагоприятных санитарных и экологических условиях новостройки.

В целом демографическое развитие Магнитогорска в начале 1930-х гг. было нестабильным. Резкие «всплески» рождаемости, смертности, а следовательно и естественного прироста населения, были обусловлены состоянием общей социально-экономической обстановки в городе: качеством жилья, снабжения и здравоохранения. Несмотря на серьезные трудности показатели естественного прироста населения к 1935 г. устоялись, а численность населения города зафиксировалась на уровне 160 тыс. чел.

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.А. Демографическая история России. – М., 1998. 183 с.
2. Воспоминания А.И. Сулимова // МУ «Магнитогорский краеведческий музей». № 1908 / 19. 73 л.
3. Демографические процессы в СССР в 20–80-е гг. (современная зарубежная историография) / под ред. В.З. Дробижева. – М. : ИНИОН, 1991. 125 с.
4. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд на неизвестное. – М. : РОССПЭН, 2001. 279 с.
5. Жулева М.С. Повседневная жизнь Кургана (1929–1941) : дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / КГУ. – Курган, 2004. 195 с.
6. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 243 с.
7. Кузьмин А. И. Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. 237 с.
8. Магнитогорское городское управление статистики // МУ «Магнитогорский государственный архив». Ф. 16. Оп. 1. Д. 13.
9. Мотревич В. П. Погибли на Урале. Судьба депортированных в 1940–1941 гг. в Свердловскую область высших государственных деятелей Эстонской Республики // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 67–71.
10. Население Урала за 100 лет (1892–1992) . – Екатеринбург, 1996. 367 с.
11. [Письма Я. Шмидта] // МУ «Магнитогорский краеведческий музей». № 5243 / 11 / 4. № 105233.
12. Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) // Вопросы истории. – 1995. – № 3. С. 122–128.
13. Рыбаковский Л.Л. Методологические вопросы прогнозирования населения. – М. : Статистика, 1978. 234 с.
14. Струмилин Л.Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде. – М. : Политиздат, 1957. 268 с.
15. Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти (брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР). – М. : Политиздат, 1977. 279 с.

«ПРИГЛАШЕНИЕ»*

УДК 327

А.Н. БУРМЕЙСТЕР

Двадцать лет спустя хочется задать себе вопрос: «А что бы сказал сегодня Клод Симон о России Путина или о Киргизстане»? Я полагаю, что рассказал бы то же самое. «Приглашение» остается удивительно актуальным текстом. Автор сразу вычеркнул все, что могло походить на репортаж о современном событии. Одно только указание на время: наступает зима, ни одной фамилии – одни фигуранты, ни одной содержательной речи – лишь фразы впустую, а в описанном пространстве проходят серийно Красная площадь, провинциальный город, ледник Пальмира, поток допотопных времен, монастырь, опера, музей, балерина далекого прошлого.

«Столь старая, призрачная, руина посреди пустой, запыленной сцены, сама рассыпаясь в пыль, сероватого цвета, изнемогая, с глубокими синяками под глазами, отвечая сконфуженной улыбкой на комплименты, прижимая к себе рукой букет уже завядших цветов».

Отвлекаясь от современности, он углубляется в раздумье об истории, об Истории в духе Шекспира, Пушкина, Мусоргского. Он нам говорит о смерти империй, о бренности почестей и власти, как Плутарх, Тацит, он нам описывает убийство Берии, как первобытное преступление:

«Они приоткрыли дверь в кабинет, где они заседали и, молча, указали лишь головой пораженному караулу на лежащее на полу тело того, кого они убили: что это (эпизод ли, как это назвать? Драмой, сценой из Шекспира, убийством, казнью, дракой?) даже не в стиле первых бормотаний Истории, диких, варварских, не в духе бормотаний, а рычания животного...».

В эпитафии приведены слова Бисмарка: «Единственный постоянный фактор Истории – это география». При этом выступают на первый план обычные клише: Россия – непомерная держава, населенная разнообразными племенами и управляемая центральной, неограниченной, анонимной властью. Помимо главного бульвара столицы, повсюду царит мир рабов. Это уже представление деспотизма в сочинении Монтескье «О духе законов» – народы, отупевшие от жары или холода, поработанные скрытой, произволь-

ной властью, управляющей лишь страхом. Клод Симон хотел бы уловить то «начало», на котором стоит Россия; его исследование начинается воздушным полетом над бесконечным пространством и оканчивается описанием карты в музее Загорска:

«Карта Союза длиной в полтора метра и целиком из драгоценных камней, огромная, массивная территория с изрезанными берегами, огромное пространство степей, ледяных или жарких пустынь, громадные горы, с половиной колонизированной Европы в придачу...».

Автор ничего не выбирает самостоятельно, свободно, он смотрит на то, что другие ему показывают: на Большой театр, на знаменитую балерину Плисецкую, на мавзолей Ленина, на монастырь с золотыми луковичками, на протокол во время приемов, на «снотворных» ораторов, на бутылки минеральной воды, на вазы с фруктами. Вся новизна повествования содержится в манере описывать рутину, повторение ограниченного количества стереотипов. Поэтому читать и перечитывать «Приглашение» становится чисто литературным занятием. Изучая стиль Клода Симона, мы ныне можем оценить, по какой мерке он раскрывал Россию.

Все повторяется, подобно шествию, которое движется по кругу: кортеж машин в течение десяти дней, процессия пятнадцати гостей вокруг стола конференции: они вертятся, вертятся до того, что в конце концов от них остается только отражение в паркете. Приходит на память определение революции, которое Клод Симон давал в эпитафии Palace. «Вращение движущегося тела по закрытой кривой и проходящего последовательно по тем же пунктам». Это геометрическое определение не прилагается обязательно ко всем политическим революциям, но оно вполне подходит к роману Клода Симона. У него в повествовании круговорот обладает своей собственной динамикой, подобно циклу музыкальных вариаций, с повторениями, но и с контрастами, напоминающими оппозицию в фуге. Начальной темой является речь Горбачева перед гостями. Она повторяется, повторяется, от того ли, что ни к чему не приводит? Аккомпанементом выступает Россия, и мало-помалу она становится главной те-

* Продолжение. Начало в № 2. 2009. С. 105–111.

мой. Всего насчитывается двадцать секвенций, меньше половины относится к самой конференции, в остальных восстанавливаются в памяти моменты предыдущих экскурсий: музей, театр, «букеты гвоздик, которые им в руки совали плосколицые, желтые, черноволосые девушки и дети, от которых они старались избавиться», монастырь, его трапеза, «издающая неопределимый запах сырости и кислоты, свойственный телам, живущим в воздержании», или фигуры, образ старой балерины, бандита Сталина, Толстого, Центральной Азии (Чингиза Айтматова). Постепенно, по разным признакам, повествование отуманивается, секвенции удлиняются, затем сокращаются; на самом деле оно ведет к смерти: к смерти русских полководцев, балерины, Ленина, мятежников в пенсне с замкнутыми устами.

Все это развивается одновременно, в одном и том же плане, в непрерывном описании, где деталь, как объект, соревнуется с субъектом, где заколдованные слова переводчиц соревнуются с речью самого Горбачева, где диалог упраздняется, где обстоятельства берут верх над содержанием. Самому повествователю не дают слова. Остается непрерывный поток слов и звуков, лишённый смысла, выражающий злоупотребление власти перед порабощенной аудиторией.

Отсутствие речи превращает писателя в живописца, который постоянно выбирает изобразительные эквиваленты своим описаниям: туристический буклет, слайды, раскрашенные тарелки, картинки, миниатюры, фильмы, иконостасы, английские гравюры, пастели. Представление самих лиц сведено к эскизам, силуэтам или просто к внушительным прозвищам: Нерон кинематографа, бандит – семинарист. Люди в шляпах и габардиновых плащах, на выставке, над мавзолеем превращаются в чудовищ с голой крысы, бегмота или шакала. Бесконечные фразы окружают неисчерпаемую действительность. Анонимный, бесстрастный повествователь, одним своим взглядом, детально описывает сцену и одновременно замораживает её навсегда. Ставить в скобки целые фразы, менять время глаголов в предложениях, накладывать их одно на другое, менять смысл содержания в одном и том же параграфе – свидетельствует о постоянном присутствии автора: он усердно, с пристальным вниманием, зачеркивает, дополняет, объясняет фразу, вырастающую на глазах у читателя.

Хотя он притворяется равнодушным наблюдателем, автор переживает тогда в России исторические события, и все произведение пропитано этим сознанием. Но речь тут не идет об Истории с большой буквы, а о коллективной памяти, которая осовременивает прошлое в решающие моменты. Возникают кошмарные сцены на фоне выступления «цивилизованного», симпатичного Горбачева, выступают мимолётно Ленин в гробу, автор «Чайки», залог европейской культуры под угрозой, водитель официальной машины, лицо которого напоминает морды тех, «кто закалывает барана», славные имена царской России: Потёмкин, Суворов, Багратион, Кутузов. Достаточно их перечислить, чтоб убедиться в расстоянии между Россией и Соединёнными Штатами в мировоззрении Клода Симона. Там выступают президент – ковбой, актер третьего сорта, и супруг самой красивой женщины в мире.

«Приглашение» не сводится к описанию шутовского «Иссык – Кульского форума». Оно насыщено историей и культурой. Если бы мне теперь пришлось снова изучать это произведение со студентами, я преимущественно обратил бы их внимание на манеру изложения автора, на скобки, на времена предложений, на изобилие деэпричастий, выражений «как бы», «казалось», «вернее». Автор совершает, своего рода, археологические раскопки, погружаясь в нашу современность. В заключение можно привести слова самого Клода Симона:

«С того момента, как перестаешь смотреть на роман по подобию Бальзака, приступаешь к приемам живописи, музыки или архитектуры: повторение того же элемента, вариации, сочетания, противопоставления, контрасты. Или, как в математике: расположения, перестановки, соединения».

При этом столь насыщенный, загадочный стиль престаупает пределы истории. Симон признает, что вне истории литература немыслима, но насыщенности стиля, ведь это объем и вес накопившегося прошлого, культуры, личных воспоминаний и коллективной памяти. Писать – это рыться, копать в прошлом, обнаруживать, открывать, возбуждать удивление, возмущение. Но все, что мы говорим о стиле Клода Симона, окажется неудовлетворительным, если мы оставим в стороне его пессимизм, его осуждение варварства, деспотизма, подлости, суеверия, унижения человека пропагандой и фальсификацией языка. И при этом глубокая тоска, вызванная непрерывными

страданиями обездоленных, торжеством могучих грабителей над мыслью и над поэзией. Следовало бы, может быть, с самого начала лекции о «Приглашении» проявить интерес к непризнанным жертвам конференции, «к женским, сокрушённым, страстным голосам переводчиц, (...) шепчущих на ухо гостей бессмысленный набор слов, запинаясь, извиняясь, поправляясь, пока, через открытые окна, они смотрят, как дрожат, залитые солнцем, листья тополей...».

А, может быть, мы сами, преподаватели, переводчики, студенты и просто читатели, стали слушать усталых деспотов?

«Потом он замолчал, опрокинулся в кресле, скрестив ноги перед собой, облокотившись на подлокотнике и оперев о руку тяжелую свою голову, слушая с каким – то обиженным, оскорбленным видом треск аплодисментов, раздавшийся до того, что умолкли голоса, переводящие последнюю его фразу, пискливые, упорные, возвышающиеся, чтобы заглушить аплодисменты до тех пор, когда все умолкло...».

Жан Сгар, в заключение, приводит портрет Чингиза Айтматова в роли восточного деспота. Неужели это представление правдоподобно?

Не создает ли его сама атмосфера конференции, «невыносимая» для Клода Симона? Нетерпение, недоверие, раздражение, все эти чувства нам, русистам, знакомы, мы их испытывали в те годы по отношению к «низкопоклонникам» советского режима, к помпезным встречам, к демонстрациям во имя «мира и дружбы». Пролетели годы, теперь мы уже другими глазами смотрим на это недалекое прошлое. А, может быть, они были искренни тогда и не принимали нас за кретин, за четырехлетних детей? А, может быть, они были убеждены, что так положено, что только помпезно, торжественно можно принимать званных гостей? А все-таки не обманывали ли нас? Не манипулировали ли? Не пытались ли нас завербовать?

Следует вернуться к сути дела, к обстановке, созданной вокруг неудачной конференции на высшем уровне, в Рейкьявике, между Рейганом и Горбачевым, несколько дней до встречи Михаила Сергеевича с гостями Чингиза Айтматова. В 1975 г., в Хельсинки, Конференция о безопасности и сотрудничестве в Европе привела к соглашению о неприкосновенности границ и запрещении применения силы против независимых государств. Но она не остановила «холодную» войну. В конце Конференции

Леонид Брежнев предупредил, что классовая борьба, идеологическая война продолжатся. И не только в форме пропаганды. С 1977 г. начинается размещение советских ракет «СС-20» на территории Центральной Европы. Советский Союз потерпел поражение по всем фронтам, особенно в области экономического соревнования с капитализмом; при этом он утратил доверие мирового пролетариата и западной прогрессивной интеллигенции; он дискредитировал себя, преследуя выдающихся представителей своей культуры. Оставался лишь один ход – сохранить военное преимущество любой ценой и одержать победу мирным путем, развивая военную мощь и засыпая мировую общественность постоянными миролюбивыми декларациями. Ответом НАТО, в декабре 1979 г., было решение разместить ракеты «Першинг – 2» в Западной Европе. Но это решение сталкивалось на Западе с сопротивлением пацифистов, которые прислушались к уверениям Андрея Громыко, что «Европа – наш общий дом» и предпочитали «стать красными, чем радиоактивными». Демонстрации пацифистов занимали долгое время экраны советского телевидения и убеждали зрителей, что западная общественность целиком восстает против американских поджигателей войны. Но к власти в Америке пришел Рональд Рейган, и он открыто объявил, что в гонке вооружений его цель – довести до банкротства «империю зла».

В 1983 Миттеран перед бундестагом объявил: «Ракеты на Востоке, а пацифисты – на Западе». Этим заявлением, поддерживая канцлера Шмидта по поводу размещения ракет средней дальности на территории Германии, он призывал Европу к сопротивлению. Хотя Громыко продолжал «вести переговоры» с Америкой о ракетах и залпами палил и умножал миролюбивые предложения, – решающий час наступал. Как только он пришел к власти, Горбачев заявил, что СССР прерывает размещение своих ракет, а в январе 1986 г. просто предложил убрать из Европы и «СС – 20» и «Першинги», под контролем международной инспекции. Вот новизна! Вот истинное проявление «нового мышления». Год спустя, в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» Генеральный секретарь ЦК КПСС ясно определил свои новые понятия: до сих пор классовая борьба была стержнем общественного развития, приоритет давался классовому подходу в ущерб общечеловеческим ценностям.

«Но с появлением оружия массового – всеобщего! – истребления появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене; эта угроза всеуничтожения. Впервые возник реальный, а не умозрительный, сегодняшний, а не отдельный, общечеловеческий интерес – отвести от цивилизации катастрофу» (Москва. Издательство политической литературы, 1987, ст. 150).

Подобное мировоззрение предполагало «деидеологизацию» международных отношений и применение общечеловеческого языка, т.е. общего для всего человечества; последствием являлся конец «холодной» войны. С этими намерениями и с новыми стратегическими и политическими предложениями Горбачев отправился в Рейкьявик, но тут он столкнулся не с человеком способным, как он, переродиться, а со «старым ковбоем», который продолжал свою игру в покер с целью ободраить своего партнёра; он выставлял новую ставку – «звездную» войну! Несмотря на все уступки, 11–12 октября Горбачев сговориться с ним не смог. 20 октября в своем выступлении перед деятелями мировой культуры о «звездной» войне он не упоминает, но настаивает на необходимости нового мышления:

«Исходя из этого, мы поехали в Рейкьявик с такими предложениями, с которыми Советский Союз еще ни разу не выступал. И все же в Рейкьявике этого нового мышления не хватило. Я ставил там вопрос так: мы приехали не требования и ультиматумы предъявлять, а привезли предложения, далеко идущие предложения, рассчитывая на то же со стороны президента США».

Несмотря на неуспех, Горбачев надежды не терял: «Один из главных уроков Рейкьявика состоит в том, что новое политическое мышление, соответствующее реальностям ядерного века, – это непереносимое условие для выхода из критической ситуации, в которой человечество оказалось на исходе двадцатого столетия».

Он обращается к своим гостям в ожидании отзыва на свои благоразумные, перспективные размышления. Увы, они лишь рассыпаются благодарностями и восхвалением Советского Союза. А как оценивает выступление Горбачева сам автор «Приглашения»?

«(Так как четыре дня тому назад (sic), играя в покер, он уже раскладывал весь свой арсенал перед ослепительным рядом зубов своего партнёра, ковбоя, тоже разложивше-

го весь свой арсенал, не забывая, что оба шулера – профессионала хранили под манжетой главный козырь и что под игральным столом как бы валялись два револьвера, направленные на живот каждого из них) он тут располагал лишь своим шармом и престижем Генерального секретаря».

Клод Симон метко замечает, как излагает свое «новое мышление» тот, кто, «достигнув своего положения, прикрываясь условным, служебным языком и цитатами, позволяет себе кощунствовать, произнося ровным, ласковым тоном фразы – одна только из которых, тридцать лет тому назад, без суда вывела бы его в расход, пулей в затылок, а два года тому назад отправила бы гнить заживо где – нибудь на диком севере или, вернее, в психушке».

В «гласности», которую проявляет Горбачев, он не видит залога просветления для закосневшей державы, пустой скорлупы, обреченной на неумолимый развал. Приступая снова к изучению «Приглашения», мой друг и коллега Жан Сгар проявил бы начальный интерес к непризнанным жертвам конференции, «к женским, сокрушённым, страстным голосам переводчиц». Они на самом деле занимают тут особое место, как хоры в древней трагедии. В этой перспективе я бы проявил главный интерес к герою «трагедии», к человеку, «который успел пробиться в первый ряд толпы и вдруг увидел что – то, от чего он замер, обеими ногами уперся, расставив руки, в положении человека, стоящего спиной к потрескавшейся стене и старающегося не остановать, но хотя бы замедлить, задержать, отвернуть в сторону огромное давление продвигающейся на него массы».

Становится страшно, но в то же время и смешно и грустно. Не мечет ли бисер перед свиньями Михаил Сергеевич 20 октября 1986 года? «Генеральный секретарь, продолжая объяснять обоим черным евангелистам, генералу – художнику, Нерону кинематографа, председателю клуба экономистов, американцу из Голливуда, элегантному дипломату и другим гостям, что он не мог облегчить давление револьвера, впихнутого ему в спину, иначе как снижая в первую очередь, как мог, угрозу револьвера отставного ковбоя, направленного на его живот, под игральным столом (...), может быть, только думал о том, как выгадать время, как удержаться пассивное, слепое давление, упираясь всеми силами, спиной, распростертыми руками или только продолжал говорить, чтоб успеть за это время заменить под столом свой ре-

вольвер другим, более крупного калибра, и одновременно предохранить слепую эту массу от того, что он увидел и что его до того перепугало, что он затормозил всеми четырьмя копытами, но, не будучи лошадью, только обеими ногами, подпорками, подош-

вами элегантных блестящих ботинок, скользивших в пыли, аморфная масса, при том то и дело продвигалась лишь силой инертности, грозя его завалить, затопить, залить, затоптать, ничего не замечая, не спеша, не раздражаясь, медленно, но неумолимо».

1. Время требует нового мышления. – «Коммунист», теоретический и политический журнал Центрального Комитета КПСС, 1986, № 16.

2. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. // М.: Изд-во полит. литер., 1987.

3. Bourmeyster Alexandre. Claude Simon, L'Invitation, 1987. // Essais sur le discours soviétique, Université Grenoble III, 1987.

4. Gide André. Retour de l'URSS, 13e édition, Gallimard, 1950.

5. Simon Claude. L'invitation. Les Editions de Minuit, Paris, 1987.

20-ЛЕТИЕ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТОЛОГИИ: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСАМИ

(Материалы выступлений участников заседания Клуба уральских политологов)

УДК 32

29 мая 2009 года в г. Челябинске состоялось заседание клуба уральских политологов. Тема заседания «20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами».

Открыл заседание председатель клуба, заведующий отделом политологии научного журнала «Социум и власть», директор Челябинского института Уральской академии государственной службы, доктор политических наук **Сергей Зырянов:**

– Первый раз мы проводили заседание клуба в 2003 году на озере Тургояк в Челябинской области. Заметная всем и расширяющаяся в последние два года форма работы – клубы – отражение крупной волны изменений как в сфере политической коммуникации, так и в сфере научного общения. Старые институты, удовлетворявшие ранее многих, начинают себя исчерпывать, испытывать все большую интеллектуальную недостаточность и терять легитимность. И люди отказываются от них, пытаются создавать что-то новое и, в частности, Клуб уральских политологов. Рабочее предложение заседания следующее – считать, что большая представительная встреча здесь – это основание для закрепления идеи постоянно действующего регионального клуба политологов. Здесь у нас представлено 4 крупнейших научных центра Урала. Можно в следующий раз собрать клуб в одном из этих 4-х городов, а потом по очереди собираться в Перми, Екатеринбурге, Тюмени, Челябинске. Таким образом, клуб будет расширять ареал своего обитания.

Цель нашей встречи отражена в названии темы заседания. Весной прошла череда конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, и везде в фокусе внимания была тема 20-летия политологии в России. Я вообще сомневаюсь в точности такой формулировки, потому что политический анализ в той или иной форме в советские времена осуществляли как специально обу-

ченные люди, делая это в интересах власти, так и интеллектуальная оппозиция – ученые, литераторы, диссиденты. Другое дело, что не было такой публичности в обсуждении политических проблем, какая имеет место сейчас. Вопрос в том, что брать за точку отчета? Согласны вы или не согласны? Это одна проблема, по поводу которой можно высказываться.

Вторая проблема. Вы видите, что происходит со страной и с нами. Динамика изменений в последний год, особенно влияние фактора финансово-экономического кризиса, приводит к ускорению политических, социальных процессов, происходивших до этого достаточно вяло, латентно. Все аналитики говорят об этом. Если кризис затянется, то, несмотря на все усилия власти по купированию спонтанного публичного протестного выступления граждан с оценками действий власти, политический процесс может выйти за рамки контролируемых властью институтов. Возможно, жесткий контроль власти, в условиях кризиса, это оправданная тактика. А, возможно, что это – замораживание институтов политической жизни, активности гражданского общества. Что нас ждет в ближайшей перспективе? Проблема в том, где можно увидеть точки влияния на позитивное изменение ситуации в России? Будет ли это Федеральный центр и центральная власть? Либо точкой изменения будут регионы маленькие или большие? Либо это будет формирующееся гражданское общество, политические партии?

Хотелось бы услышать от вас оценку состояния политической науки в Уральском регионе. Можно ли говорить об Уральской школе политологии? Вам хорошо известно, что научная школа – это совокупность последователей ведущего ученого или сторонников одного из методологических направлений; форма кооперации ученых и закрепление исследовательских традиций;

разновидность парадигмы. Что наиболее характерно для политологии на Урале? Скажем, в Москве в МГИМО складывается школа сравнительной политологии. В ИСИ РАН и в Ростове-на-Дону школы элитологических исследований. В центре «Стратегия» Г. Бурбулис формирует школу политософии. Есть и другие примеры. Но возникает вопрос, что есть на Урале?

Почти полтора десятилетия работает, и о ней много говорят и пишут, Уральская школа политконсультантов. Есть три ученых совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Регулярно издаются два специализированных политологических научных издания «Дискурс-Пи» в Екатеринбурге, главный редактор – доктор политических наук О.Ф. Русакова и в Челябинске – «Социум и власть». Возможно, что Уральская школа политологии – это скорее форма кооперации ученых и закрепления исследовательских традиций?

Интересно проанализировать особенности развития политологии и начать этот анализ с того, какие из уже признанных в мировой науке и политической практике школ политологии наиболее востребованы в России и на Урале? Понятно, что многие из политологов получили философское либо историческое образование в традициях марксизма. Но ведь сейчас в России имеет место формальная и фактическая идеологическая стерильность и власти и общества. Это для развития политологии плюс или минус? Появление политической науки в конце 80-х годов было вызвано политико-идеологическим кризисом. Потом, как фактор, на развитие политологии влияли кризисы августа 1991 года, сентября-октября 1993 года, августа 1999 года, «цветные» революции в странах СНГ в начале 2000 годов. Сейчас мы переживаем и наблюдаем влияние самого масштабного глобального финансово-экономического кризиса. Как в его условиях проявится прогностическая функция политологии? Станет ли он источником новых политологических идей и концепции? Что из уже имеющегося багажа аналитических возможностей окажется наиболее состоятельным в объяснении механизма возникновения и протекания кризиса? Наконец, даст ли политология убедительные концептуальные предложения для преодоления уже более чем двадцатилетнего кризиса человеческой и социальной идентичности в российском обществе?

Вот, пожалуй, те основные проблемы, на которые я хотел бы обратить ваше внима-

ние. Если появится желание обсуждать другие проблемы – пожалуйста! Ставьте вопрос и предлагайте его к обсуждению.

Миссия политолога в современной России

Геннадий Бурбулис

Я очень рад видеть коллег, друзей, земляков. Для меня очень интересно все, что связано с общением, профессиональным диалогом, с позиционированием нашей активности. Сегодняшнее общение я воспринимаю как клубное, как диалог заинтересованных в понимании своего места и роли профессионалов.

Когда человек занимается 20 лет реальной практической политикой, при этом все эти годы в той или иной мере с разной степенью должностных полномочий и масштаба влияния, участвует в формировании государственной политики, то рано или поздно приходится задать себе вопрос: «А кто ты такой, и что ты делаешь в этом мире?». Долгое время, начиная с 1987 года, когда мы создавали в Свердловске дискуссионную трибуну и затем в недрах Съезда народных депутатов СССР я позиционировал себя как философ с темпераментом человека социально активного, который ставит перед собой задачу практическим способом реализовать в политике те знания, те убеждения, которые мое философское образование, философское мировоззрение во мне сформировало. Я считаю, что исторически упущенный шанс для страны – это модернизация советской системы через деятельность Съезда народных депутатов. Тогда нами было принято стратегическое решение, чтобы не увязнуть в этом болоте, акцент поставить на республиканской стратегии развития. И тогда я для себя такую роль определил – *политический стратег*. Кто-то смеялся, кто-то ухмылялся – «какой нахал», но я говорю про самоопределение, про ту внутреннюю установку, которую каждый из нас имеет.

Из этих 20-ти лет 16 лет я занимаюсь непосредственно законодательной деятельностью в высших органах власти страны. И считаю сегодня себя человеком, который прекрасно понимает всю жизненную необходимость современного Российского парламента как на федеральном, так и на региональном уровне.

Три года назад, пытаюсь подвести некоторые итоги, снова и снова отвечая на

вопрос, что ты делаешь и кому это нужно, я пришел к необходимости попробовать вместе с коллегами разработать абсолютно новую концепцию, которая получила название «политософия». И сегодня на заседании нашего клуба я участвую в этой специфической позиции, мировоззренческой и исследовательской, которую я определяю как человек политософский. А раз так, то буду ее отстаивать и буду очень признателен вам за обсуждение некоторых выводов о современной российской действительности с точки зрения политического пространства и нашей работы в нем. Современный режим помогает и нам в этом своими весьма последовательными действиями, суть которых для нас с вами банальна, а именно – возрождаются рефлексы монополистского сознания, монопольного управления, которые игнорируют базовые как общечеловеческие, демократические, либеральные ценности и программы жизни, так и корневые ценности российской системы права.

Лишив большинство активного населения современной России возможности реальной политической деятельности, власть помогает распознать те глубинные сущностные признаки политики, которые в условиях реальной свободы по разным причинам даже нами были недооценены.

Итак, *первый тезис*. В условиях России 2009 года политическая реальность по содержанию имеет определяющие фундаментальные значения, затрагивая жизнь каждого конкретного человека. В этом смысле я ввожу понятие «политическая радиация». То есть мы облучаемся ежедневно, ежечасно некоей формой политической радиоактивности, но, если угодно, «потенциал» этой радиации по известным причинам многих из нас не устраивает. Более того, абсолютное большинство людей, которые форсированно, через потребительскую систему и массовое манипулирование, в принципе, отошли от политики, «заражаются» политической радиацией больше всего. Они получили целый ряд реальных свобод, и эти свободы доступны, они естественны с точки зрения потребности человека. Политика сегодня в России фундаментально значима и имеет характер всепроникающего радиоактивного облучения, и этот радиоактивный процесс наносит губительное влияние на жизнедеятельность в целом российского общества.

Второй тезис. Сегодня в стране работает, живет то сообщество политологов,

которое, в силу двадцатилетней истории, включено в профессию, причем буду очень признательным, если мы какую-то часть диалога посвятим этому профессиональному самоопределению. Да, есть курсы политологии в учебных заведениях. Да, многим приходится их преподавать. Да, есть узнаваемый класс политтехнологов, который якобы утратил хороший рынок, и этот бизнес сужается. Здесь нужна достаточно серьезная активность по выработке принципиально нового категориального, понятийного аппарата, чтобы адекватно оценить все, что происходит в нашей стране, но я не могу назвать это как серьезное последовательное развитие углубления политического знания в стране. Сегодня сохраняется печальный разрыв в работе мыслителей-теоретиков как в режиме построения собственных концептуальных конструкций, так и в режиме адаптации некоторых мыслительных схем, отработанных в западной системе социального знания на нашу действительность. Пока это никак не оплодотворяется реальными практиками, даже самой, может быть, доступной из них – практикой образования. Так, кстати, было всегда – общество заражалось ценностями духовными, культурными, интеллектуальными прежде всего через систему образования.

Вот какие позиции в нашем диалоге я хочу обозначить для обсуждения:

- 1) политика как реальность в сегодняшней России;
- 2) типы и формы профессионализации нашей деятельности;
- 3) образовательный комплекс как реальное пространство полезной и незаменимой работы, которую каждый из нас в пределах своих возможностей ведет. Здесь нужны консолидация, кооперация, новые проекты;
- 4) я стараюсь отслеживать те усилия, которые принимаются политическими ассоциациями, разными клубами и сообществами, и разбираться в том, кто чем живет. И убедился, сегодня процветает опасное равнодушие к делам друг друга, процветает утилитаризм, когда место и роль, миссия профессионального сообщества не обсуждается. И та суперагрессивная попытка, которую наиболее зримо Виталий Третьяков обозначил через свой журнал – учредить в России новый «политический класс» – она, на мой взгляд, пока не удалась;
- 5) власть сегодня: политика власти по отношению к задачам самосохранения и политика власти в отношении общества и тех

специальных групп, которые еще пока сохраняют потребность в свободолобии. Здесь речь идет о высочайшем технологичном манипуляционном управлении страной. Режим манипуляции стал визитной карточкой Кремля, подчинив этому влиянию обширную сферу интеллектуальной деятельности;

б) наконец, новый сюжет в этой связи. Некоторые персонажи, которые очень много сил вложили, чтобы развить у власти навыки манипулирования и оказавшиеся отстраненными от ежедневной работы по ее обслуживанию, вдруг с энтузиазмом взялись обучать режим, демонстрируя в нем дефицит общекультурных ценностей, призывая к тому, что политология без базовых, нравственных, культурных основ обречена на технологизм, на копирование европейской системы социального знания и примитивизм.

Несколько слов скажу о своей позиции в современной ситуации, и тогда можно будет поговорить в диалоге.

Задолго до экономического кризиса, который нам якобы с запада принесли, мировое сообщество обнаружило реальный кризис ценностей, кризис миропонимания. И здесь очень важно осознать, что когда финансово-экономические проблемы обострились, сегодня много серьезных исследователей и мыслителей говорят о том, что по существу проблему финансово-экономической стабилизации человечество решит, и это очевидно. Раньше или позже доллар устоит, рубль, к сожалению, никогда не станет в ближайшие десятилетия валютой, Европейский Союз сумеет найти новый тип партнерства с новой мультиконструкцией американского лидерства. Но поскольку для рыночной экономики кризис является естественным и неизбежным, то для ученых и мыслителей задача стоит в том, чтобы найти мужество и способность ситуацию переформатировать и начинать думать о тех базовых, универсальных, жизненных ценностях, дефицит которых сегодня независимо от того, какая страна экономически развита, а какая не совсем, все мы в одинаковой мере нуждаемся в этой работе. Я настаиваю на этом и хочу попросить откликнуться тех достаточно образованных людей, которые сегодня мучаются и переживают положение дел в стране, но понимают, что ничего внутри России не решить, если не игнорируешь пространство общемировое. У нас есть реальная возможность выступить здесь продуктивным плодотворным проработчиком *новой парадигмы развития человечества* и тем самым как бы

изнутри перебороть в высшей степени обострившийся болезненный импульс к новой державности, «банальностям внутреннего», внешнего врага и к стыдливому замалчанию тех реальных трудностей и проблем, которые с каждым днем накапливаются в стране и в мире.

Наша страна – Россия, и мы, и наши дети, студенты и наши ученики – все мы остро нуждаемся в проработке обновленных целей и ценностей. И эта работа предполагает выход за пределы российского политического пространства, предполагает серьезное комплексное осмысление того, чем наполнена сегодня мировая культурная, интеллектуальная, научная среда. Почему мы, консолидировав усилия внутри России, можем взять на себя такую мессианскую роль? Потому что у нас есть колоссальный ресурс гуманитарного социально-правового содержания, разрабатывая, транслируя и проектируя который в реальное время в социальную практику мы можем существенно изменить ситуацию. Более того, для всех людей, кто так или иначе соприкасается с политической реальностью, есть документ, который снимает абсолютно большинство вопросов самоопределения России, которые по традиции звучат так: где наша национальная идея, где долговременная стратегия развития общества и государства, где те базовые жизненные ценности, которые могли бы предопределить процесс образования и воспитания социального партнерства? Если допустить, что у власти всегда есть люди, которые глубинно заинтересованы в реальном служении, в обеспечении общественной пользы, то этим людям, несмотря на то, что они кланово организованы и у них обязательства абсолютно другие на данный момент: на что им опираться, что им читать? Ответ на этот вопрос – наша Конституция. В ней гуманитарно-правовая стратегия развития страны сформулирована, она задает базовые ценности, которые меняют многовековую традицию. Наконец, в ней прописаны механизмы развития гражданского общества и выстраивания реальной системы разделения властей с точки зрения концепции российского федерализма и демократизма. Итак, российский конституционализм, вся система ценностей и норм, которые сегодня сформулированы в Конституции, говорят, что у России есть гуманитарно-правовая стратегия развития и ценность верховенства права, понимаемая не только как система законов и юридических регламентов, но и

как общекультурная система, связанная с нравами, традициями. С точки зрения сущности человеческой жизнедеятельности это тоже наша реальная перспектива. Конституция позволяет увидеть механизм социально-политического поведения, прежде всего как диалоговый процесс. Меня спрашивают: «К какой партии я принадлежу?». Мировоззренчески и духовно я называю это так – партия российского конституционализма. Это образовательно-просветительская деятельность, это те, кто в научно-исследовательской работе отстаивают идею плодотворности российского конституционализма, помогают разыскать исторические и духовные истоки, это те, кому ближе социальная практика, и они способны независимо от профессиональной принадлежности помочь людям распознать в Конституции инструмент своей эффективной деятельности – малому бизнесу, садоводам, рыбакам и т.д. Из узкоутилитарной ситуации, мотивированной только своим профессиональным интересом, с одной стороны переводить законом эти правила в практику социальной жизни, регулирующую с другой стороны образом свободного человека.

Чем глубже кризис, чем безнадежней ситуация, тем острее такая потребность. Так было всегда в мировой истории и в личной жизни. Мы можем жить благополучно, но вдруг что-то происходит, и вот в этой *предельной ситуации* ты вынужден пересматривать все свои жизненные правила и ценности. По определению ты начинаешь так сконцентрированно размышлять, что ты становишься мудрым человеком. Раз так, то я хочу культивировать идею *политической мудрости*. В основе политософии лежит как раз феномен политической мудрости как интегральной основы мудрости человеческого бытия.

Что такое мудрость? «Понятие мудрости представляет, собственно, лишь свойство воли согласовываться с высшим благом как конечной целью всех вещей» – Иммануил Кант.

В моем личном политософском развитии я выделяю три источника:

1-й источник – Конституция Российской Федерации;

2-й источник – Всеобщая декларация прав человека и гражданина;

3-й источник – это «товарищ Кант». Вся философия Канта – весь его гениальный системный философский проект. Я свой опыт жизненно-политический суммирую и, ссылаясь на Канта, утверждаю, что полито-

софия как политическая мудрость и основанная на ней практическая благородная и эффективная жизнедеятельность целью своей имеет миротворчество. Здесь становятся востребованы все те исторические, культурные, духовные образцы, которыми полна история человечества. Этот сюжет я называю в своей программе «проектом прекрасной утопии». Сегодня стране нужно такое дополнение к программе «Российский конституционализм», которое по смыслу очень предметно. Сейчас нужна специальная работа, которая бы открывала современным людям эту светлую часть судьбы человечества, выраженную в утопиях Пифагора, Платона, Аристотеля. 1. В этой связи, не только способные публицисты, а мы все вместе должны в какой-то мере этой работой заняться и этот пафос внедрять во все, может быть, самые конкретные свои поступки. 2. Работу Канта завершает приложение «О согласии политики и морали с точки зрения понятия «публичного права». Он приходит к выводу, что мудрость человеческого бытия заключается в способности человека жить по нравственным законам и в неизбежности достижения общего мира так же, как в свое время человечество выработало институты государства и право ограничивающее и, вместе с тем, освобождающее от самоистребления. XXI век абсолютно выстрадал и право, и необходимость предпосылки для реализации проекта *«вечного мира»*.

Так вот, идея Канта проста: мораль и политику объединяет единственное условие и предпосылка: *публичное право* – гласность как безусловная ценность. Вот на этом духовном перекрестке *миссия политологов* России выявляется достаточно предметно и конкретно. Надо зарабатывать на жизнь? – Да, конечно. Сохранять еще на десяток лет потребность обслуживать «заказчиков» технологиями решения микрозадач? – Возможно. Отвечает это той профессиональной роли, которую мы на себя взяли, выбрав этот образ жизни? – Нет. Кто-то может за нас и кроме нас этот вектор (Человек–Россия–Человечество) внутри страны заложить? Не порождать ужас новых конфронтаций, а реализовать ресурсы правовой конституции в этом направлении. Миссия политологов сегодня – постепенно помочь друг другу обрести эту культурную, нравственную основу для практической профессиональной работы в рамках того пространства, которое мы считаем для себя наиболее эффективным. Здесь никто не может никого ограничить и

осудить. Вместе с тем, может быть реальное движение навстречу друг другу по законам этого миропонимания и миротворения. Как это достигается? Я придумал такой термин – «толерантная ответственность». С одной стороны, никто, кроме нас, не сможет активно развивать социальное качество в России, которое заключается в признании и реальном функционировании норм доверия, честности, порядочности, служения. В этом смысле способность к состраданию, доверию, милосердию по отношению даже к тем, кто оказывается сегодня нашими идейными оппонентами, изначально для этой миссии. И в этом смысле ответственность предполагает это самое сострадание.

Идеология и политология

Константин Киселев

Обозначенная тема многогранна, но первоначально сформулирую вопрос, на который я дам ответ несколько позже. Возможна ли в принципе коммунистическая политология? Коммунистическая в советском, а не западном смысле. Может ли профессионал-политолог разделять коммунистическую идеологию? Или же существуют противоречия между базовыми основами политологии как науки и постулатами коммунистической идеологии?

Итак. Оценки сегодняшней ситуации в России со стороны тех, кто не интегрирован во власть, варьируются от «очень плохо» до «есть отдельные недостатки». При этом представляется, что жанр «Почему так получилось, кто виноват и что плохого?» имеет, конечно, какую-то перспективу, но на самом деле ведет в тупик. Ругаться по поводу существующего режима можно много, нудно и долго. Но самое главное заключается сегодня не в критике и не в ее качестве или интенсивности. Главное заключается в поиске ответа на вопрос, а что можно сделать. В том числе с учетом того, что власть практически наглухо закрыта, загерметизирована. В результате чего возможностей для какой-то реальной конкретной практической политики, в том числе конституционной политики, становится все меньше и меньше.

Однако несмотря на признание того, что режим все меньше оставляет возможностей для политики, выход все же есть. Суть его в порождении смыслов, то есть в проведении внятной символической политики, альтернативной той, что делает господин

Сурков вкупе с господином Эрнстом. Конечно, возможностей для трансляции смыслов и символов у них больше, но и незначительные усилия могут быть эффективны. Фактом является то, что есть слова, одно использование которых символически позитивно. Слово «Конституция» работает. Есть хорошее слово «закон». В подавляющем большинстве случаев в России, когда мы говорим «Конституция», мы говорим «свобода». Когда мы говорим «закон», – мы говорим «свобода». Чем чаще мы повторяем слова «Конституция» и «закон», тем чаще мы говорим о свободе в ее либеральном значении. В Свердловской области было «опробовано» другое слово, более технологичное, – «налогоплательщик». И эффект был, ибо осознание себя налогоплательщиком принципиально важно для самосознания человека. Если бы каждый ощущал себя налогоплательщиком, то и власть, и страна были бы другими.

Подобного рода примеров успешной символической политики, противостоящей официальной, можно приводить достаточно много. Суть не в них. Суть в том, что все эти примеры, все эти факты встраиваются во вполне очевидную логику, итоговая суть которой – формулирование и трансляция утопии, альтернативной официальной идеологии.

Давайте вспомним классическую работу Карла Мангейма «Идеология и утопия». О чем говорит Мангейм? Он утверждает, что самые «замороженные», самые закрытые режимы не способны удержаться под давлением утопии. При этом они могут казаться невообразимо сильными, контролировать полицию, армию, СМИ и все что угодно. Применяемая действующим режимом идеология уже открыто являет свои пределы, а потому должна с неизбежностью будет уйти вместе с транслирующим ее режимом, если возникнет утопия, которая будет сильнее по своим идеям, по своим ценностям. Поэтому рано или поздно, если мы не согласны с той идеологией, которая доминирует сейчас, мы должны продуцировать утопию, основанную на ценностях.

Что это могут быть за ценности? Что это может быть за утопия? Где мы ее будем искать? Искать какую-то национальную идею и/или специфику бесперспективно. Какие у нас состоявшиеся страны имеют эту самую национальную идею? Таких стран единицы. Поиск самобытности – достаточно опасная вещь. Особенно для России, страны европейской по своим базовым характеристикам.

Надо выбирать из тех ценностей, которые известны. Их можно называть по-разному: «ценностный консерватизм», либерализм, конституционализм и т.д. Как угодно. Все эти ценностные схемы основаны на либерализме, на котором и строилась вся западная цивилизация. Из либерализма вырастает соответственно и западный коммунизм, и современный западный консерватизм, и социал-демократия и т.д. Но первичной основой всех этих идеологий и утопий, еще раз повторю, были именно либеральные, по сути капиталистические, ценности. Если мы это признаем, то у нас в качестве утопии, необходимой для реформирования России, может выступать только эта самая европейская, либеральная утопия.

Либерализм когда-то был на том же самом Западе такой же утопией, которая затем перевернула мир. Если мы это признаем, то логически возникает вопрос. Стал ли либерализм для России идеологией? Или выступает сегодня пока лишь в качестве утопии? Мне кажется, и я это подчеркну еще раз, что на сегодняшний день мы этот этап все еще не прошли. Либерализм у нас до сих пор является утопией, причем пока не той, которая завоевала если не массы, то хотя бы активное меньшинство.

Либерализм и либеральные партии, о которых мы с вами знаем, в этой ситуации могут действовать двояко. Первый вариант – принципиальное отстаивание своих ценностей в различных формах. Мы видим это и в маршах несогласных, и в героических судебных процессах, когда предприниматели «не могут поступиться принципами» и идут за них в тюрьмы, и т.д. И второй вариант – сотрудничество с властью, что делали многие либералы, в том числе сдавая свои ценностные позиции.

Но дальше я спрашиваю себя, действительно ли либерализм сегодня слаб и обречен? Или более конкретно: действительно ли проиграли все свои выборы именно либеральные партии? Я специально посмотрел кампании либеральных партий в Свердловской области. И я нашел только одну на самом деле либеральную кампанию, начиная с середины 90-х годов. О ней ниже. Либеральных кампаний, построенных на агитации за либеральные ценности, не проводили в принципе. Вспомните «Яблоко», пусть оно идеологически «розовое», но, тем не менее, правое, претендующее на трансляцию некоторых либеральных принципов. Все его кампании были построены на идеях: «поделить», «дать», «помочь», «распреде-

лить» и т.п. Вспомните последнюю кампанию СПС, когда выступал Никита Белых и начинал резать пирог: «Вот это вот этим», «вот это вот тем». Опять разделить, раздать, помочь и т.д. Пропаганды же либеральных ценностей, либеральной утопии не было. И была лишь единственная кампания, которая была построена на пропаганде либеральных ценностей. Это была кампания «Гражданской силы» в 2007–2008 гг. Ее основная идея – защита прав налогоплательщиков. Результат – 7% в Екатеринбурге – есть факт. Вы знаете, сколько платит один человек в среднем налогов? Мы посчитали: по Свердловской области – около ста тысяч. Это в среднем, включая младенцев, стариков и кого угодно. И когда мы начали об этом говорить, у людей что-то началось просыпаться. После кампании был звонок из штаба «Единой России». Так вот они утверждали, что мы «забрали» всех предпринимателей и всю интеллигенцию. Это не мы считали, у нас не было таких возможностей. Это признание «Единой России». И это дорогого стоит. Правда, это была разовая кампания, т.к. потом самой «Гражданской силы» не стало, не стало и денег в том числе. И все же я утверждаю, что политический запрос на оппозиционную символическую политику существует и не удовлетворяется в большинстве регионов. К нам в Екатеринбург постоянно звонят за комментариями, за заключениями, за советами из Тюмени, из Челябинска, с Ямала и т.д. Кстати, попытка создания дискуссионных клубов под эгидой власти тоже тому доказательство.

Практика, таким образом, показывает, что на самом деле заниматься пропагандой либеральной политики, пропагандой либеральных ценностей – дело достаточно благодарное. Вывод прост и понятен – либералы слишком часто уступали свои позиции, сдавали свои ценности. Но здесь технологически совершенно правы те, кто говорит, что нужно идти снизу, создавать структуры гражданского общества.

А теперь ответ на вопрос, который я задал в самом начале своего выступления. Мне кажется, что политолог в советско-коммунистическом смысле не возможен. Сама политология такова, что по неволе он должен признавать ценности именно либерального характера. И поэтому, когда здесь задавали вопрос: «А кому это интересно?», то понятно, что власти это не интересно. Но если мы хотим сохранить и развивать политологическое сообщество, мы волей или

неволей будем отстаивать свои ценности. Это естественная наша работа, и это, по определению, интересно всем нам. И это рассуждение исключительно прагматично. Речь не идет о мессианстве, как о какой-то сакральной миссии политологии, которая сама по себе – вещь очень опасная. Разговор о мессианстве есть разговор о религиозности. А это страшно. Приведу пример. Последний всероссийский разговор о миссии политологов, о миссии политконсультантов – две книги «Воины креатива» и «Воины креатива – 2. Праведный меч», вышедшие в рамках проекта «Россия». Книжки на самом деле страшные. В них политконсультантам предлагается поиск национальной идеи, в том числе и прежде всего через завоевание мира. И все это, как совершенно точно заметил наш коллега Леонид Фишман, напоминает возвращение великого инквизитора, имевшего право судить и наказывать по воле своей, по своему собственному разумению. Так вот когда мы говорим о мессианстве, то оборотная сторона этого мессианства – инквизиторство.

Именно инквизиторством фактически и занята большая часть политологов, которых часто называют «штатными». И именно с ними связана дискуссия о дискредитации политологической профессии. Вопрос звучит просто, дискредитирована ли политология в России? Или даже так, стыдно ли представляться политологом? Мне кажется, что те люди, которые так считают, противоречат сами себе. С одной стороны, они утверждают, что профессия дискредитировала себя в массовом сознании, с другой – фиксируют эффективность той работы, которую проводят штатные политологи, называя себя при этом политологами и выступая публично. Их почему-то слушают, к ним прислушиваются, а вот «для нас» это делать «стыдно». Так что никакой дискредитации нет и быть не может.

Другое дело – разоблачение псевдополитологов, занимающихся политологическим инквизиторством. Разоблачение инквизиции возможно опять-таки через пропаганду утопии, альтернативной официальной идеологии. Когда же идеологическая, а с ней теоретическая борьба, сводится к обвинениям: штатный – не штатный, купленный – не купленный, или в лучшем случае к разоблачению, критике того, что предлагается властью, но без понятной, внятной теоретической и/или ценностной альтернативы, то естественно любой политолог начинает действовать в логике власти, в логике по-

литолога «штатного». Именно так случилось, например, с навязанной дискуссией о «суверенной демократии». Бессмысленное понятие обсуждалось оппозицией как что-то серьезное. И это вместо того, чтобы игнорировать околотеоретический бред «штатной политологии».

Итак вывод. Политолог неизбежно рефлексивирует на свои убеждения. Он не может быть позитивистом. С другой стороны, он с неизбежностью прагматик. Вечная дилемма. В связи с этим «нашелся» и основной вопрос политологии. По аналогии с «основным вопросом философии». Автор этой формулировки – Михаил Салтыков-Щедрин, герой которого когда-то выбирал между Конституцией, севрюжиной с хреном и желанием кого-то ободрать. Так и политолог выбирает. Либо – либо. Правда, часто выбор севрюжины или желания кого-то ободрать приводит к тому, что политолог перестает заниматься политологией и быть политологом. Что в остатке? Политология и либерализм, как бы его ни называли, неразделимы. Ровно также закономерна деятельность политологического сообщества по трансляции ценностей либерализма, который, увы и ах, пока в России – утопия.

И в заключение два слова о том, как выживать сообществу в современных условиях. Большинство присутствующих здесь имело дело с политическими кампаниями, то есть фактически конструировало социальную реальность. Господа, почему тогда вы не можете сконструировать себе заказ? Если вы конструируете социальную реальность для кого-то, то почему не можете создать ее для себя, в своих целях и для своей выгоды? В этом смысле политконсультант не убиваем, какие бы ни были времена. Давайте сконструируем определенную потребность, и эту потребность удовлетворим.

Далее. Мы говорим об экспертизе, о консалтинге, но мы забыли о науке, и вот это очень важно. Как работать политолог-теоретику? Давайте размышлять. В чем сейчас проигрывают люди, которые занимают либеральные позиции? Они начали проигрывать, то, что всегда было их сильной стороной, они начали проигрывать толстые книги. Сейчас власть сознательно сделала ставку на толстые книги научного характера, изложенные популярным языком, но выгодные власти. Востребованность в этих книгах колоссальная. Десятки людей специально наняты на написание «толстых» книг, обосновывающих легитимность и эффективность

действующего режима. В оппозиционном лагере этого нет. И роль политологов-теоретиков здесь уникальна, это та ниша, которую нужно восполнять и восполнять. Имеющиеся действительно интересные политологические работы выходят небольшим тиражом, они не получают той известности, которую получает книги, изданные, например, в проекте «Россия». Но и тиражу, и рекламе можно противопоставить многое. Прежде всего качество работы. Качество настоящей политологической продукции должно быть таким, чтобы за ней «бегали». Ее искали. И если так будет, то все разговоры о дискредитации политологии, ее смерти прекратятся сами собой. Так оно и будет.

Мобилизация для модернизации

Александр Подопригора

УрФО может стать площадкой социальной инновации, трансформировав социально-экономический кризис в устойчивый модернизационный процесс.

Президент Российской Федерации Д. Медведев объявил о создании специальной комиссии по модернизации российской экономики. Очевидным является то, что именно условия острого кризиса могут и должны востребовать решительную модернизацию. Более того, она является единственным условием не только выхода страны из кризиса, но и ее выживания. Однако при узком понимании модернизации как набора технологических и экономических мер по ряду направлений они заранее обречены на провал. Речь должна идти об осторожном, но решительном изменении общественной среды, которая сейчас отторгает любые модернизации и инновации. Представляется возможным и необходимым, в силу неравномерности развития регионов РФ, их разноукладности и больших различий в культурной идентичности (что делает невозможной единообразную и одномоментную реформу), реализовать *секционную модернизационную модель как социальную инновацию*.

Суть этой модели заключается в том, что тип и скорость модернизационных процессов должны разрабатываться и осуществляться отдельно в каждом крупном регионе страны (секции), в целом совпадающем с федеральным округом (но не идентичном ему там, где речь идет о национальных республиках), с учетом его специфики: это поз-

волит синхронизировать существо процесса через разнообразие формы и содержания реформ. Начало может быть положено в одном из крупных, индустриально развитых и готовых к модернизации регионов страны. Таким регионом может стать Большой Урал в границах УрФО.

Ход событий не только за период экономического кризиса, но и все последнее десятилетие убеждает в том, что главной причиной неудачи модернизации социально-экономической системы России является не отсутствие грамотных экономических подходов или злая воля (коррупционность и т.п. – хотя всего этого хватает), а невосприимчивость модернизационных схем той общественной средой, которая по-прежнему доминирует сегодня в РФ. Нехватка средств и иных ресурсов, однобокая экономика, плохие кадры и межбюджетные отношения, коррупция – все это следствия отсутствия в России свободной и конкурентной среды, которая только и может принять и привить модернизационные импульсы. Существующая среда отторгает их подобно тому, как больной организм отторгает любую пищу и лекарства.

Кризисная ситуация описывается на самом деле достаточно просто. *Главная социальная угроза исходит сейчас от экономики, не способной обеспечить рост внутреннего платежеспособного спроса и занятости*. В силу того, что экономика РФ вошла в стадию резкой ломки старой постсоветской промышленно-экономической структуры (старого индустриального технологического уклада) и отмирания целых отраслей по причине их неконкурентоспособности на глобальном рынке, этот процесс с его высокими социальными издержками, неравномерно распределенными по территории страны (Урал – слабое звено в этом смысле), не остановят и не смягчат даже высокие цены на нефть. Напротив, укрепление зависимости от мировых рынков энергоносителей и капиталов окончательно лишают РФ экономического суверенитета притом, что внутренний спрос остается не удовлетворенным.

Эта проблема не экономическая, а политическая. Она касается практически каждой семьи, особенно на Урале (большая часть машиностроения и часть металлургии здесь по факту нежизнеспособны). Поэтому масштабного социально-политического кризиса не избежать, если продолжать практику административно – пиаровского реагирования на «пожарные» ситуации и «замазывание»

проблемы реально растущих безработицы и бедности.

Проблема рынка труда не решалась у нас все прошедшее десятилетие, когда губернаторам и мэрам было политически выгодно обеспечивать «стабильность» своих режимов договоренностями с лояльными финансово-промышленными кланами, заинтересованными в откатке ресурсов со старопромышленных территорий, а не в их модернизации. Эта примитивно толкуемая «стабильность» (личных режимов) была причиной также и поражения программ развития малого и среднего бизнеса (монополизированную среду контролировать проще, в том числе – в коррупционных целях). Это плюс насаждаемая «сверху» административно-коррупционная «вертикаль» и сформировало ту среду, в которой невозможны настоящее общественное развитие и модернизация экономики.

Поэтому *главный механизм оздоровления социально – экономической ситуации, заключающийся в стимулировании новой занятости и оживлении внутреннего спроса, не может быть чисто экономическим*. Необходимы не столько экономические меры, сколько *глубокая трансформация общественной среды*, в которой действуют экономические агенты.

Требования, предъявляемые к благоприятной для модернизации среде не новы и совершенно понятны: демонаполизация и поощрение конкуренции в экономике и политике, информационная открытость на уровне законодательной и этической нормы, прозрачность системы бюджетных закупок, открытая кадровая политика, независимые суд и СМИ, честные выборы, федерализация территориально-государственного устройства. Реальная антикоррупционная работа также невозможна без перечисленных выше условий. Главное – создание атмосферы доверия и общественной, небюрократической мобилизации всех социальных групп.

Это требует политической воли и комплекса общественных преобразований.

Суть сегодняшней ситуации в том, что перечисленные выше параметры перестали быть благами, но заведомо нереализуемыми в условиях России пожеланиями. Без создания открытой и конкурентной социальной среды наше общество обречено на «выпадение» из глобального общественного мейнстрима, быструю деградацию и распад, поскольку нынешняя атомизированная общественная среда с воздвигнутой в центре

«вертикалью власти» не рождает у людей иных мотиваций, кроме коррупционных и криминальных, в ней невозможно творческое и ответственное производство уникального, востребованного глобальным рынком продукта с высокой добавленной стоимостью.

Вторичность проблемы нехватки финансовых ресурсов подчеркивается тем фактом, что их недавний избыток ничего не решил в плане модернизации общества, но лишь усугубил проблему, укрепив тенденции архаизации. Приток инвестиционных и человеческих ресурсов может стать прямым следствием, но не причиной социальной модернизации.

Особенно важным представляется тот факт, что модернизационные преобразования социальной среды на основе перечисленных выше базовых параметров и ценностей сегодня *возможны в рамках одной большой, связанной культурной идентичностью и экономическим укладом и готовой к ним территориальной общности* (такой, как Урал). Эта социальная инновация, реализованная в рамках одного из наиболее индустриальных (а стало быть, ближе всех стоящего к следующему, информационному технологическому укладу – и одновременно подвергающемуся сегодня наибольшему трансформациям) федеральных округов могла бы стать одновременно и алгоритмом выхода из кризиса, и опытом, примером для всей страны (кстати, в Китае модернизация осуществляется также по *секционному* принципу, а не по всей стране сразу и единообразно: там избраны точки роста и инвестиционной привлекательности, именно это дало огромный эффект). Особенно важно то, что мы будем иметь после кризиса, который неизбежно кончится, – бедность и разочарование или перспективы динамичного развития за счет освобожденных энергий общества. Подобный *секционный* подход к модернизации РФ в целом поможет решить тяжелую проблему вероятной разбалансировки политической системы в ходе реформы. Вместе с тем, если этого не сделать, система рухнет сама под тяжестью собственной неэффективности, как это уже случилось с СССР (сегодняшняя государственная машина по факту является деградировавшей копией советской).

Главными направлениями «Уральского модернизационного проекта» могут стать три группы мер:

- меры по укреплению доверия в обществе, восстановлению эффективности и авторитета институтов власти;

- меры по демополизации и оздоровлению рынков;
- стимулирование экономики и государственные инвестиции.

Данный проект *секционной* модернизационной мобилизации РФ (ее ключевое звено – *демополизация всех рынков и повышение конкурентности общества*) может быть осуществлен без угрозы для политической стабильности в регионе и стране, хотя потребует принципиально новых подходов и требований, предъявляемых к ответственной публичной политической деятельности. Более того, этот проект, вкпе с федеративным проектом, является надежным механизмом посткризисной адаптации больших и сложносоставных переходных общественных систем, таких, как РФ. Его смысл – не модернизировать общество руками власти, а задать ему вектор движения и расчистить пути, отвергнув монополизм и тесно связанную с ним коррупцию. Остальное люди и рынки делают сами.

Формирование гражданина как налогоплательщика

Юрий Зацепин

Политология как наука может быть востребована и властью, и обществом, если она сможет предложить перспективные модели развития политических отношений и политических систем, отталкиваясь от реальных условий. То есть, когда она не только будет обслуживать власть и бежать вдогонку, объясняя те или иные ее действия, но сможет дать и прогноз событий, и научно

обоснованные рекомендации. Заглядывать надо хотя бы немного вперед. Только наука может определить закономерности функционирования политических систем, оценить их в развитии, найти несоответствия между идеальной моделью и реальным исполнением, определить угрозы и возможности.

Всесторонняя экспертиза нашего законодательства и его применения с точки зрения науки, а также дальнейшая его оптимизация могли бы существенно снизить уровень социальной напряженности в государстве и повысить его эффективность.

К примеру, взять наше налоговое законодательство. Кто платит подоходный налог? Плательщиком официально считается конкретный человек, получающий доход, а на деле этот налог платит предприятие, выступая налоговым агентом. Предприятие – это довольно абстрактная субстанция. Казалось бы, ну и что? Так удобнее для всех, повышается собираемость налогов, проще отчетность, да и человеку не надо общаться с фискальными органами. Только как быть с правами человека быть Гражданином. У него забрали обязанности платить налоги. Фокус заключается в том, что человек, который не обладает обязанностями, никогда не имеет прав.

Вот точка разрыва. Она создает систему неопределенности в нашем подсознании – раз мы не платим налогов, то наше ли это государство? И как следствие – низкая активность и стенания об отсутствии гражданского общества и т.д. А ведь это только один пример. Поэтому перед политологами стоит трудная задача, но без ее решения политология как наука может не состояться.

(Продолжение следует)

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

СОЦИУМ

Дьякова Е.Г. «Электронное правительство» как идеологический конструкт. Рассмотрены структура концепта «электронное правительство» и обоснован идеологический характер данного концепта как элемента этатистского дискурса «информационного общества». Проанализирована специфика адаптации концепта «электронное правительство» в отечественных условиях, в том числе на примере официальных сайтов органов государственной власти.

Ключевые слова: «Электронное правительство», «информационное общество», этатистский дискурс, официальные сайты органов власти.

Зырянов С.Г., Лесняк В.И. Молодежная политика и значение образования в профессиональной судьбе работающей молодежи. Работающая молодежь – это относительно новый, но весьма интересный объект социологического исследования. В статье дается характеристика самооценок профессионального и социального статуса работающей молодежи. При этом особо рассматривается образование как фактор жизненной и профессиональной судьбы молодых работников промышленных предприятий.

Ключевые слова: работающая молодежь, молодежная политика, профессиональная судьба, уровень образования.

Пустошинская О.С. Интернет-репрезентация молодежных организаций и движений Уральского федерального округа: виртуальная активность или реальная политика? В статье представлены обобщения и выводы, сделанные по результатам проведенного Интернет-мониторинга сайтов молодежных организаций и движений Уральского федерального округа. Основная тема исследования – молодежный протестный потенциал в субъектах Уральского федерального округа и его политическая и идеологическая доминанта.

Ключевые слова: молодежная политическая активность, молодежные организации и движения, Интернет-мониторинг сайтов, потенциал молодежного протеста, молодежное сознание.

ANNOTATIONS TO THE ARTICLES

SOCIUM

D'yakova E.G. E-government as an Ideological Basis. The article deals with the concept of “e-government” and proves the ideological character of the given concept as a part of modern discourse of the “information society”. The specific feature of the “e-government” concept adaptation in terms of Russian reality is analyzed, including official government web-sites.

Key words: “e-government”, “information society”, official government web-sites.

Zyryanov S.G., Lesnyak V.I. Youth Policy and the Role of Education in the Professional Life of the Working Young People.

Working young people is rather new but interesting object of sociological research. The article gives the description of self-appraisals of professional and social status of working young people. In this connection education is considered specifically as a factor of living and professional standards of young people from industrial enterprises.

Key words: Working young people, youth policy, professional life, level of education.

Pustoshinskaya O.S. Internet representation of Ural Federal District Youth Organizations and Movements: virtual activity or the real policy? Article presents generalizations and conclusions based on the results of Ural federal district youth organizations and movements website monitoring. The main theme of research is youth protests potential in Ural federal district subjects, its political and ideological dominant.

Key words: Youth political activity, youth organizations and movements, website monitoring, youth protest potential, youth consciousness.

ВЛАСТЬ

Борисенков А.А. Политическое развитие: сущность и формы. В статье раскрываются сущность, этапы и типы, а также основы и формы политического развития. Осуществляется анализ различных подходов к толкованию указанных явлений. Предлагается авторский взгляд на различные проблемы политического развития.

Ключевые слова: политическое развитие, политическая жизнь, политический организм, политические изменения, политический прогресс.

Меркушев В.И. Практика объединительных процессов в российском федерализме. В статье идет речь об интеграционных процессах в практике российского федерализма. Конкретнее – рассматриваются несколько моделей объединения на примерах сложнопостроенных субъектов Российской Федерации. Выделены предпосылки и причины объединительных процессов. Кроме того, в данной статье автор попытался проанализировать первые итоги укрупнения российских регионов, оценить плюсы и минусы данных проектов.

Ключевые понятия: федерализм, интеграционные процессы.

Нечаева С.В. Историко-политологический анализ эволюции управленческой элиты Южного Урала в XIX – начале XX вв. В XIX – начале XX вв. в элитобразовании на Южном Урале можно проследить как общероссийский тенденции: переход от дворянского комплектования элиты к различному, усилению влияния милитократии, расширение системы органов самоуправления, так и специфические для региона процессы. В статье приводятся результаты анализа и систематизации элиты Южного Урала, в соответствии с рекрутационными, административно-территориальными и хронологическими параметрами.

Ключевые слова: историко-политологический анализ эволюции управленческой элиты Южного Урала в XIX – начале XX вв., общероссийские закономерности, региональная специфика.

Денисов Ю.П. Образ Б.Н. Ельцина в российском официальном дискурсе начала 2000-го года: «уходящий Президент» (На основе анализа «Российской газеты»). В статье речь идет о репрезентации образа Б.Н. Ельцина в российской официальной прессе после добровольного прекращения им исполнения обязанностей президента

POWER

Borisenkov A.A. Political Evolution: essence and forms. Essence, stages and types, also basics and forms of political evolution are revealed in the article. Analysis of different approaches to interpretation of given appearances is realized. Author's point of view on different problems of political evolution is suggested.

Key words: political evolution, political life, political organism, political changes, political progress.

Merkushev V.I. Practice of Integration Processes in the Russian Federalism. This article is devoted to the integration processes in the practice of Russian federalism. In particular, it examines some models of unification on the examples of compound subjects of the Russian Federation. Preconditions and causes of the unifying processes are singled out. Besides, the author tried to analyze first results of the enlargement of Russian regions and estimate positive and negative sides of these projects.

Key words: federalism, integration processes.

Nechaeva S.V. Historical and Political Science Evolution Analysis of Administrative Elite in the South Ural at the end of XIX and beginning of XX century. In XIX – at the beginning of XX centuries in the elite formation in the South Ural we can trace all-Russian tendencies: transfer nobility elite formation to commonalty, intense influence of militocracy, expanding of self-administrative system as well as specific processes in the regions. The article contains the results of analysis and systematic description of South Ural elite in accordance with recruitment administrative, territorial and chronological parameters.

Key words: historical and political science evolution analysis of administrative elite in the South Ural at the end of XIX and beginning of XX century, all-Russian lore and order, regional specific character.

Denisov Ju.P. Image of B.N.Yeltsin in the Russian Official Discourse at the Beginning of 2000 Year: «the Leaving President» (On the Basis of «Rossiyskaya Gazeta» Analysis). This article is a presentation of B.N.Yeltsin in the Russian official press after his voluntary termination of the president duties. The author investigates interrelation between

Российской Федерации. Автор исследует взаимосвязь между образами Б.Н. Ельцина и В.В. Путина в официальном политическом дискурсе России. На базе анализа «Российской газеты» и публицистической литературы раскрываются некоторые механизмы формирования образа политика в российском массовом сознании.

Ключевые слова: образ Б.Н. Ельцина, официальный дискурс, российский президент, репрезентация власти, политический текст.

Файзрахманов Р.Х. Вооруженное насилие на постсоветском пространстве. Статья представляет собой изложение взглядов автора на политологическую проблему, актуальность и практическая значимость которой со временем все более возрастают. Свидетельством тому служат многие примеры применения вооруженного насилия в современных отношениях (террористические акты во всем мире, события на Северном Кавказе, операция по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. и т.д.).

Ключевые слова: постсоветское пространство, вооруженный конфликт, вооруженное насилие, механизм вооруженного насилия.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Тенетко А.А. Механизм многостороннего наднационального регулирования мировой экономики. В статье анализируются элементы вновь создаваемого многостороннего механизма регулирования мировой экономики, а также предпосылки к возникновению этого механизма.

Ключевые слова: наднациональное регулирование, международные организации, мировая экономика.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Попов Е.В., Лавров И.В. Институты экономики благосостояния: теория и методология. В статье рассматриваются теоретические и методологические основания экономики благосостояния, анализируются подходы российских и зарубежных ученых к проблеме формирования институтов в рамках нормативной экономической теории (теории экономики благосостояния). Авторы показывают, что в современных российских условиях большое значение для развития национальной экономики имеют репрезентативные институты благосостояния, а также институты лидерства, социальной ответственности, доверия и перспективы.

B.N.Yeltsin and V.V. Putin images in official political discourse of Russia. On the basis of "Rossiyskaya Gazeta" and other publications some mechanisms of political image formation of Russian mass-consciousness are revealed.

Key words: B.N.Yeltsin image, official discourse, the Russian president, power representation, the political text.

Phaizrakhmanov R.H. Armed Violence on the Post-Soviet Area. The article presents the author's views over one of the political science problems, which actuality and practical importance are continually growing. Many examples of armed violence usage in various kinds and levels relations (terrorist acts all over the world, events in North Caucasus, operation on compulsion of Georgia to peace in August, 2008 etc) are evidence to this fact.

Key words: post-soviet area, armed conflict, armed violence, mechanism of armed violence.

STATE AND LAW

Tenetko A. A. Mechanism of Many-Sided Supranational Normalization of the World Economics. This article deals with element analysis of new-established many-sided mechanism of world economics normalization and also the reasons for its origin.

Key words: supranational normalization, international organizations, world economics.

ECONOMIC POLICY

Popov E.V., Lavrov I.V. Institutes of Economics of Well-being: Theory and Methodology. Theoretical and methodological bases of economics of well-being are considered in the article, approaches of the Russian and foreign scientists to a problem of formation of institutes within the limits of the normative economic theory (the theory of economics of well-being) are analyzed. Authors show, that in modern Russian conditions representative institutes of well-being and leadership, social responsibility, trust and prospect are of great value for the development of national economics.

Ключевые слова: благосостояние, институты, нормативная экономическая теория, методология.

Егорова Т.А. Понятие рентного потенциала конъюнктуры рынка и развитие теории общественных благ. Развитие теории общественных благ и государственных финансов представлено автором в виде последовательной смены четырех подходов (экономических направлений) – классического, неоклассического, кейнсианского, институционального. В статье автор вводит понятие рентного потенциала конъюнктуры рынка для конкретизации экономической составляющей таких сложных социально-экономических явления, как налоговые доходы государственного бюджета, общественный выбор в условиях роста или снижения благосостояния налогоплательщиков.

Ключевые слова: экономика общественного сектора, рентный потенциал конъюнктуры рынка, теория общественных благ, налогообложение, благосостояние.

Павлов К.В. Инвестиции и инновации интенсивного и экстенсивного типа: макроэкономический подход. Предлагается классификация инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на процессы экстенсификации и интенсификации общественного воспроизводства, а также рассматриваются различные формы инвестиций как факторы усиления интенсивного характера производства.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, процесс экстенсификации экономики, интенсификация общественного воспроизводства, макроэкономический подход.

КУЛЬТУРА

Брянцев И.И. Диалог между властью и национально-культурными общественными организациями: проблемы и перспективы их разрешения. В статье обосновывается роль национально-культурной автономии в процессе формирования бесконфликтных межнациональных отношений, и ее значимость в обеспечении развития не только компактно проживающих, но и разрозненно живущих этносов, а также формы этнической самоорганизации, позволяющей сочетать единство государства с укреплением единства этноса, его самовыражением и самоорганизацией.

Ключевые слова: национально-культурная автономия, мультикультурализм, культурное многообразие региона, этническая самоорганизация, гражданское общество.

Key words: well-being, institutes, the normative economic theory, methodology.

Egorova T.A. Concept of Rent Potential of Market Conditions and Development of Public Blessings Theory. Development of public blessings theory and public finances is presented by the author in the form of consecutive change of four approaches (economic directions). The author introduces the meaning of the rent potential of market conditions for such complex social and economic phenomena, as tax incomes of the state budget, public choice in conditions of growth or decrease of tax bearers wellbeing.

Key words: economics of public sector, rent potential of market condition, the theory of the public blessings, taxation, wellbeing.

Pavlov K.V. Investments and Innovations of Intensive and Extensive Types: Macroeconomic Approach. Investment and innovation classification is suggested on the basis of their influence on the extensive and intensive social reproduction. The article deals with the different forms of investments as the production intensification factors.

Key words: investments, innovations, economic intensive process, intensification of social reproduction, macroeconomic approach.

CULTURE

Bryantcev I.I. The Dialogue between Government and National and Cultural Public Organizations: Problems and Prospects of their Solving.

The article grounds the role of national and cultural autonomy in the process of forming non-conflict interethnic relations and underlines the meaning of the autonomy as a real guarantee of development both compact living and non-compact living ethnic groups and formation of ethnic self-organization that allows to harmonize the state's unity with strengthening of ethnic unity, its self-expression and self-organization.

Key words: national and cultural autonomy, multiculturalism, cultural diversity of region, ethnic self-organization, civil society.

ИСТОРИЯ

Загребин С.С. Власть и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви.

В 1920-е гг. молодое советское государство устремило свои усилия на искоренение религии из индивидуального и общественного сознания, на разрушение Русской Православной Церкви как организационного и духовного оплота религиозности и инакомыслия. Наиболее сильными ударами по Церкви стали массовые репрессии священнослужителей, изъятие «церковных ценностей» и обновленческий раскол. В статье раскрываются основные причины и этапы церковного раскола.

Ключевые слова: церковь, власть.

Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935).

Проблема изменения численности населения в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. не подвергалась изучению. В данной статье мы попытаемся проанализировать причины смертности в Магнитогорске в указанный период и сопоставить полученные результаты со знанием специфической социально-экономической обстановки в городе и образом жизни населения.

Ключевые слова: история повседневности, демография, локальная история, Магнитогорск, Урал.

Бурмейстер А.Н. «Приглашение». Статья представляет собою воспоминание и анализ одного из тех событий, с которых началась перестройка в СССР – «Иссык-Кульский форум», встречи М.С. Горбачева с представителями интеллектуальной элиты Запада. Эта встреча очертила контуры международного имиджа советской перестройки и оказала влияние на западное восприятие постсоветской России.

Ключевые слова: Иссык-Кульский форум, новое мышление, Клод Симон, встреча в Рейкьявике.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Уральская школа политологии. 29 мая 2009 года в Челябинске состоялось очередное заседание Клуба уральских политологов: «20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами». Участники клуба обсудили вопросы миссии политолога, политической идеологии, модернизационной мобилизации РФ, формирования гражданина как налогоплательщика. В первой части

HISTORY

Zagrebin S.S. Power and Split in Russian Orthodox Church.

In 1920th the young Soviet state directed the efforts to eradication of religion from individual and public consciousness, on destruction of Russian Orthodox Church as organizational and spiritual stronghold of religious and dissident way of thinking. Mass reprisals of the clerics, withdrawal of "church values" and split became the strongest blows on Church. The article reveals principal causes and stages of church split.

Key words: church, power.

Makarova N.N. Demographic Characteristic of Magnitogorsk: Analysis of the Reasons of Mortality and Birth-Rate (1930–1935).

The demographic history of Magnitogorsk in the early 1930s hasn't been studied yet. The author tries to analyze the process of demographic changes in Magnitogorsk and compare the results with everyday life of people, taking into consideration specific features of social and economic conditions.

Key words: everyday history, demographic history, local history, Magnitogorsk, Ural.

Burmeister A.N. «Invitation». The article contains recollection and analysis of one of the events, with which Perestroika in the USSR started that is Issyk-Kul Forum where Gorbachev M.S. met West intelligent elite. This meeting created the international image of the Soviet Perestroika and influenced the west perception of post-soviet Russia.

Key words: Issyk-Kul Forum, «New thinking», Clod Simon, Reykjavik Meeting

SCIENTIFIC LIFE

The Ural School of Political Science. On 29th May 2009 the latest meeting of political scientists' club was held in Chelyabinsk: "The 20th anniversary of Ural School of Political Science: ordeal by crisis". The participants discussed problems of political scientist mission, political ideology, modernized Russian Federation mobilization, citizen forming as a taxpayer. The first part contains materials of reports S. Zyryanov,

публикуются материалы выступлений С. Зырянова, Г. Бурбулиса, К. Киселева, А. Подпригоры и Ю. Зацепилина.

Ключевые слова: Уральская школа политологии, Клуб уральских политологов.

G. Burbulis, K. Kiselyov, A. Podoprigora and Y. Zatsepilin.

Key words: the Ural School of Political Science, the Ural Political Scientists' Club.

АВТОРЫ НОМЕРА

Богданова Д.В., младший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы. E-mail: danyuua@mail.ru

Борисенков А.А., доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, г. Москва. E-mail: Borisenkov_va@mail.ru

Брянцев И.И., министр Саратовской области – председатель комитета общественных связей и национальной политики, кандидат социологических наук, г. Саратов. E-mail: Bryancevll@saratov.gov.ru

Бурбулис Г.Э., первый заместитель руководителя Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права) при Совете Федерации, кандидат философских наук, г. Москва. E-mail: GEBurbulis@council.gov.ru

Бурмейстер А.Н., доктор философских наук, профессор Гренобльского университета, Франция. E-mail: bourmeyster.alexandre@neuf.fr

Денисов Ю.П., аспирант Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. E-mail: yurden1984@yandex.ru

Дьякова Е.Г., доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: ms_urfo@bk.ru

Егорова Т.А., заместитель директора Департамента организации составления и исполнения федерального бюджета Министерства финансов Российской Федерации, г. Москва. E-mail: p0805_et@minfin.ru

Загребин С.С., заведующий кафедрой культурологии Челябинского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: bk.ural@bk.ru

Зацепилин Ю.В., директор НП «Институт развития города», кандидат философских наук, г. Челябинск. E-mail: v-vorota@chelsi.ru

Зырянов С.Г., директор Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы, доктор политических наук. E-mail: director@urags-chel.ru

Киселев К.В., заместитель директора Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук по научным вопросам, кандидат философских наук, г. Екатеринбург. E-mail: kiselevkv@yandex.ru

Лавров И.В., кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Лесняк В.И., министр внутренних дел Республики Тыва, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, г. Кызыл

Макарова Н.Н., аспирант кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: makarovanadia@mail.ru

Меркушев В.И., аспирант кафедры политологии Тюменского государственного университета. E-mail: vladia@bk.ru

Нечаева С.В., заместитель директора по научной работе Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: nechaeva@urags-chel.ru

Павлов К.В., заведующий кафедрой мировой экономики Белгородского государственного университета, доктор экономических наук, профессор. E-mail: KPavlov@bsu.edu.ru

Подопригора А.В., вице-президент консалтинговой компании «Советник», г. Челябинск. E-mail: agora61@mail.ru

Попов Е.В., руководитель Центра экономической теории Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: eropov@mail.ru

Пустошинская О.С., ассистент кафедры политологии Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень. E-mail: helga.85@mail.ru

Тенетко А.А., заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tenetko@urags-chel.ru

Файзрахманов Р.Х., доцент кафедры теории государства и права Уральского государственной юридической академии, г. Екатеринбург. E-mail: rafnt@mail.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет в редакцию один экземпляр рукописи в электронном варианте (на дискете, CD-диске или по электронной почте).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 20 тыс. знаков без пробелов, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество ссылок не более 15.

8. Сноски оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора в журнале указывается обязательно.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: saa@urags-chel.ru